
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Игорь Кваша в роли Карла Маркса.

ФИЛЬМ О КАРЛЕ МАРКСЕ

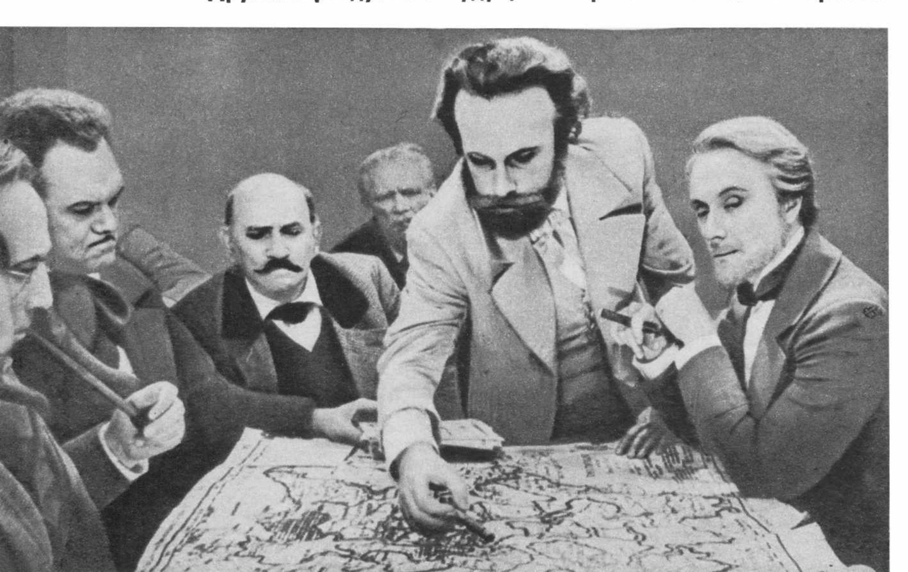
ГОД, КАК ЖИЗНЬ

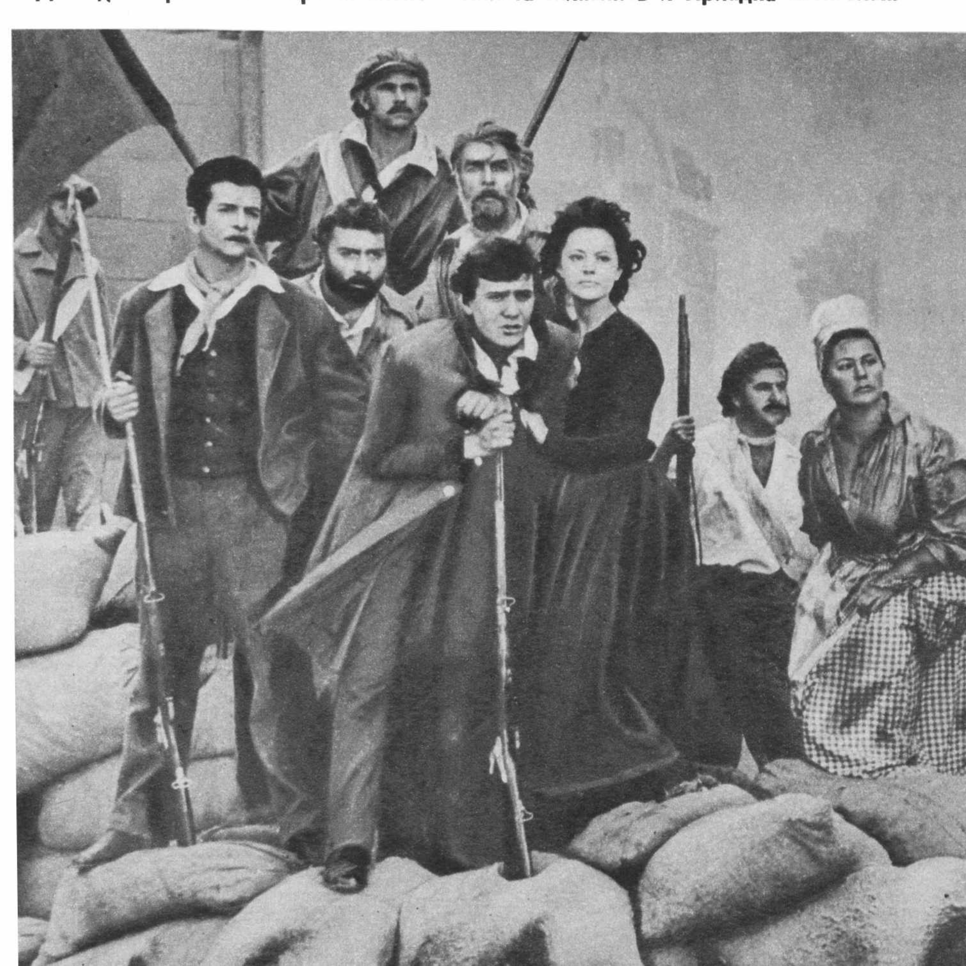
А это встретились Женни Маркс и Эмма Гервег — Руфина Нифонтова и Клара Лучко.

Друзья в раздумье о будущем... В роли Энгельса А. Миронов.

Баррикады Парижа. На первом плане — Никита Михалков и Ариадна Шенгелая.

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»

Слова эти знакомы всем. Но когда они одеты плотью и кровью своей эпохи, мы начинаем воспринимать эти слова — ими начинается «Коммунистический Манифест» — не только разумом, а и чувством. В них — не только глубокий смысл, но и биение пульса людей, которые умели видеть дальше своего времени...

Видимо, в этом и заключается сила, обаяние образа молодого Маркса, покоряющего вас в новом цветном широкоформатном фильме «Год, как жизнь».

Играет Карла Маркса Игорь Кваша. Страстно, вдохновенно играет, показывая то спокойного, то порывистого Маркса. Играет убедительно, сумев не испугаться величия своего героя, а полюбить его, постигнуть его нравственную, духовную, человеческую красоту.

Теперь что скрывать? Перед началом фильма невольно с сомнением думалось, что, каким бы ни вышел на экран главный герой, все равно найдется в актерской игре что-то «не то»!.. Уж очень трудно было — а в этом случае особенно! — попасть в цель: превратить в явь, сделать конкретной, зримой, осязаемой, а главное, понятной и близкой для каждого благородную внутреннюю сущность, какая движет творчеством Маркса, определяет все его действия, окрашивает годы, дни и часы его бытия, отданного Революции, Коммунизму.

Да, так думалось. Да так, может быть, и было бы, если б сценаристы — Г. Серебрякова и Г. Рошаль — не очертили точно и строго границы этой легендарной жизни. Они берут в ней, казалось бы, совсем небольшой период — события 1848—1849 годов. Но этот краткий срок предстает действительно как целая жизнь — год, овеваемый горячими ветрами революционных бурь. Год, как жизнь, в истории своей эпохи.

Постановщик фильма Г. Рошаль не ставит Маркса *над* этой жизнью, показывает не пророка, изрекающего непреложные истины, не бесстрастного ученого, который холодно предвидит повороты событий. Отнюдь не фанатичный, но вовсе и не сухарь, а увлекающийся, любящий и страдающий, мыслящий Маркс — таков герой И. Кваши. И мы верим ему не потому, что он «таков» или «не таков» внешне; он убеждает внутренне — это главное. Он и делает такой значительной новую работу киностудии «Мосфильм» (операторы Л. Косматов и А. Симонов, художник И. Шпинель).

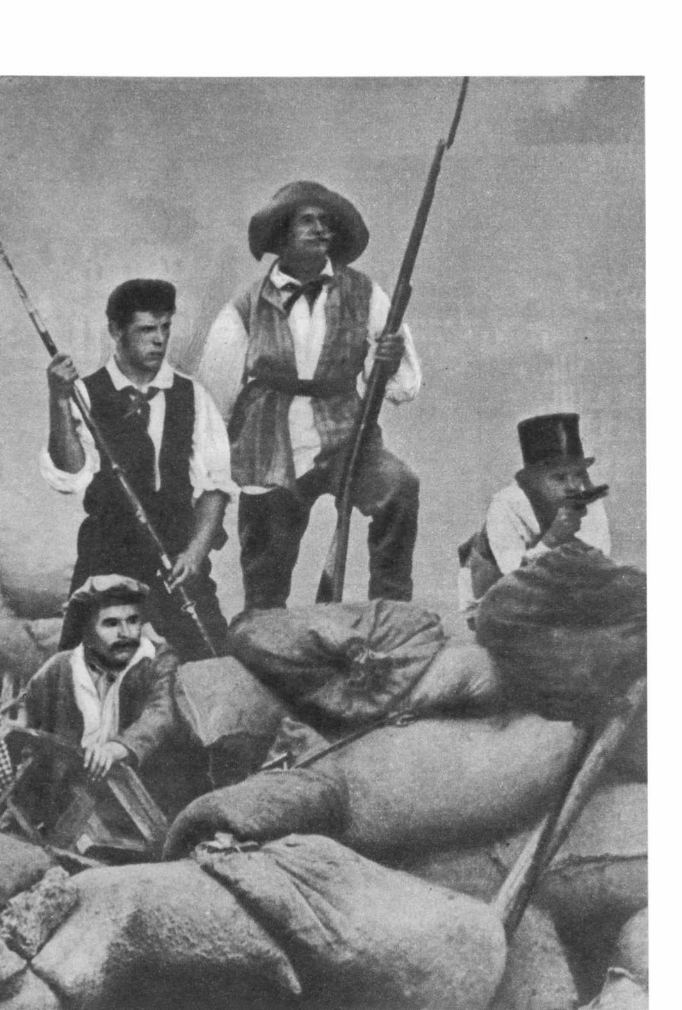
Маркс тесно окружен людьми; тут Фридрих Энгельс (А. Миронов), Генрих Гейне (С. Курилов) и его жена Матильда (Алла Будницкая), Гервег (Д. Миргородский) с женой Эммой (К. Лучко), Бакунин (Лев Золотухин), да сколько еще других — не перечислить.

Хороши сцены, где Маркса видишь в семье, рядом с детьми и женой. Руфина Нифонтова показывает ясную, целомудренную Женни — верного друга, женщину, любимую на всю жизнь; в этих же сценах мелькает бескорыстная, заботливая Ленхен, сыгранная Светланой Харитоновой.

Жаль только, что мало дают нам побыть рядом с Марксом, когда он находится среди своих родных, близких... Потом понимаешь, что ведь ему и самому — человеку, гонимому, преследуемому властями, — тоже не часто доставалась такая простая человеческая радость.

...Музыка Д. Шостаковича усиливает эмоциональное воздействие фильма, рассказывающего нам о жизни Маркса.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА,
Н. ТОЛЧЕНОВА

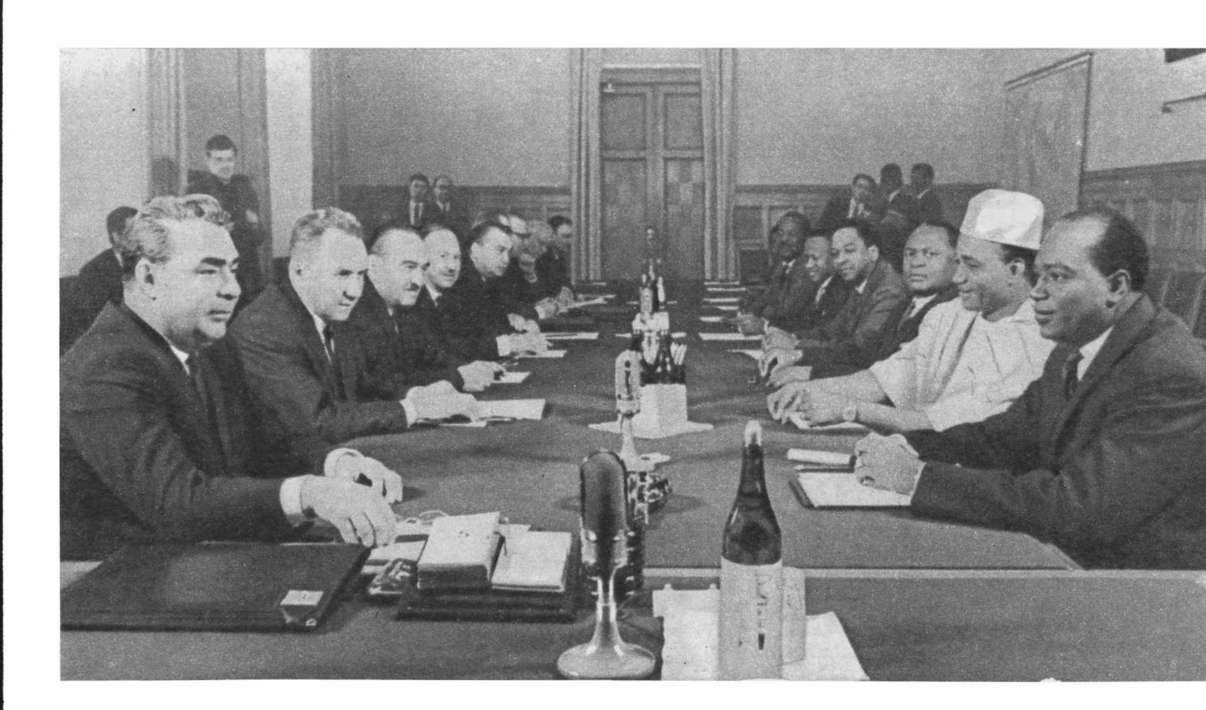

29 МАРТА 1966 ГОДА

ОТКРОЕТСЯ ОЧЕРЕДНОЙ XXIII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Советский народ идет к съезду, воодушевленный решениями мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС.

Вся страна встала на трудовую вахту, чтобы встретить день 29 марта новыми достижениями.

ВО ИМЯ СОВЕТСКО-МАЛИЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Между Советским Союзом и Республикой Мали, между КПСС и партией Суданский союз — РДА сложились братские отношения дружбы и сотрудничества. Вот почему сердечно и тепло принимает Советская страна дорогого гостя — Генерального секретаря партии Суданский союз — РДА, Президента и Председателя правительства Республики Мали товарища Модибо Кейту, который прибыл в СССР по приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Вместе с товарищем Модибо Кейтой в нашу страну прибыли видные политические и государственные деятели Республики Мали.

В Кремле в дружеской атмосфере состоялись переговоры руководителей КПСС и Советского правительства с товарищем Модибо Кейтой.

Фото А. Устинова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 41 (1998)

10 ОКТЯБРЯ 1965

Фото А. Гостева.

Шестая сессия Верховного Совета СССР избрала: членом Президиума Верховного Совета СССР Первого секретаря ЦК КПСС депутата Л. И. Брежнева, заместителем Председателя Президиума Верховного

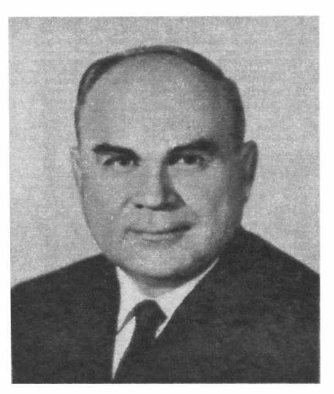
Л. И. БРЕЖНЕВ, член Президиума Верховного Совета СССР.

С. Б. НИЯЗБЕКОВ, Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

К. Т. МАЗУРОВ, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. К. БАЙБАКОВ, Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Госплана СССР).

В. Н. НОВИКОВ, Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

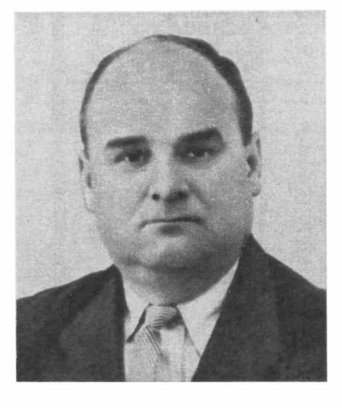
Б. Ф. БРАТЧЕНКО, Министр угольной промышленности СССР.

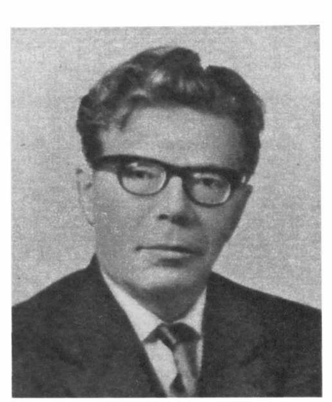
Л. А. КОСТАНДОВ, Министр химической промышленности СССР.

В. Д. ШАШИН, Министр нефтедобывающей промышленности СССР.

В. С. ФЕДОРОВ, Министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

Н. В. ТИМОФЕЕВ, Министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

А. И. КОСТОУСОВ, Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

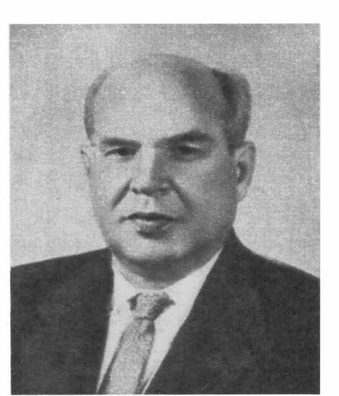
Е. С. НОВОСЕЛОВ, Министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР.

И. Ф. СИНИЦЫН, Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

А. М. ТАРАСОВ, Министр автомобильной промышленности СССР.

К. И. БРЕХОВ, Министр химического и нефтяного машиностроения СССР.

Совета СССР Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР депутата С. Б. Ниязбекова; приняла постановление о назначении заместителей Председателя Совета Министров СССР, председателей Государственных комитетов Совета Министров СССР и министров СССР; утвердила Указы Президиума Верховного Совета СССР, принятые между сессиями.

Н. А. ТИХОНОВ,
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

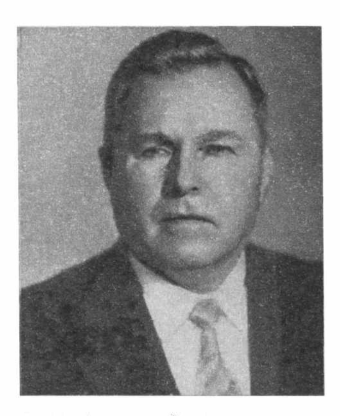
В. А. КИРИЛЛИН,
Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике.

В. Э. ДЫМШИЦ,
Заместитель Председателя Совета Министров СССР — Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

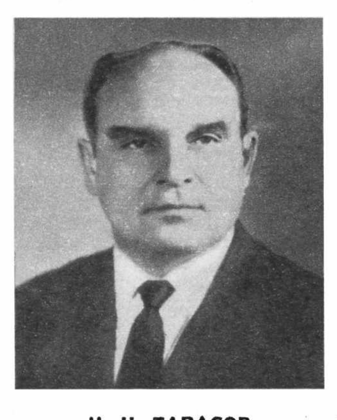
И. П. КАЗАНЕЦ,
Министр черной металлургии СССР.

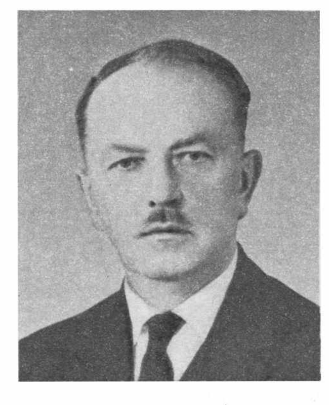
П. Ф. ЛОМАКО,
Министр цветной металлургии СССР.

И. А. ГРИШМАНОВ,
Министр промышленности строительных материалов СССР.

Н. Н. ТАРАСОВ,
Министр легкой промышленности СССР.

В. П. ЗОТОВ,
Министр пищевой промышленности СССР.

С. Ф. АНТОНОВ,
Министр мясной и молочной промышленности СССР.

В. Ф. ЖИГАЛИН,
Министр тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР.

А. К. АНТОНОВ,
Министр электротехнической промышленности СССР.

К. Н. РУДНЕВ,
Министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР.

В. Н. ДОЕНИН,
Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.

П. С. НЕПОРОЖНИЙ,
Министр энергетики и электрификации СССР.

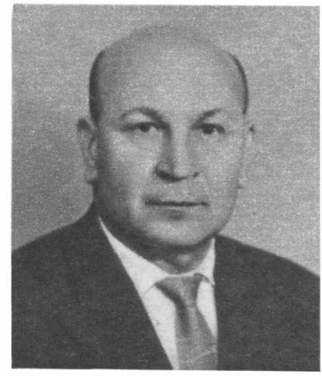

А. А. ИШКОВ,
Министр рыбного хозяйства СССР.

Ф. Б. ЯКУБОВСКИЙ,
Министр монтажных и специальных строительных работ СССР.

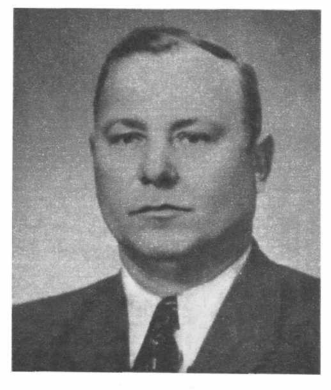
А. В. СИДОРЕНКО,
Министр геологии СССР.

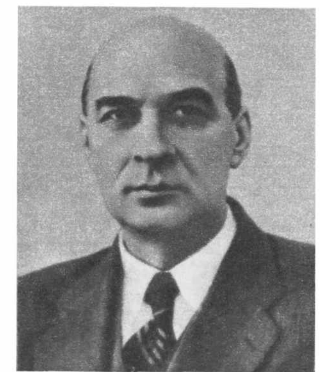
А. И. СТРУЕВ,
Министр торговли СССР.

Е. Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ,
Министр мелиорации и водного хозяйства СССР.

А. К. КОРТУНОВ,
Министр газовой промышленности СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ,
Министр транспортного строительства СССР.

В. В. МАЦКЕВИЧ,
Министр сельского хозяйства СССР.

П. В. ДЕМЕНТЬЕВ,
Министр авиационной промышленности СССР.

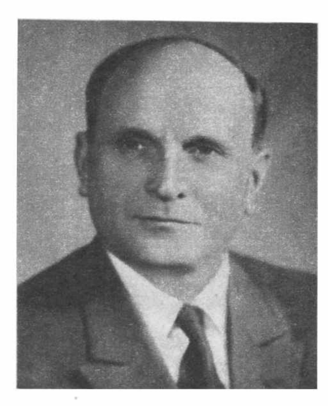
С. А. ЗВЕРЕВ,
Министр оборонной промышленности СССР.

В. Д. КАЛМЫКОВ,
Министр радиопромышленности СССР.

Б. Е. БУТОМА,
Министр судостроительной промышленности СССР.

А. И. ШОКИН,
Министр электронной промышленности СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ,
Министр среднего машиностроения СССР.

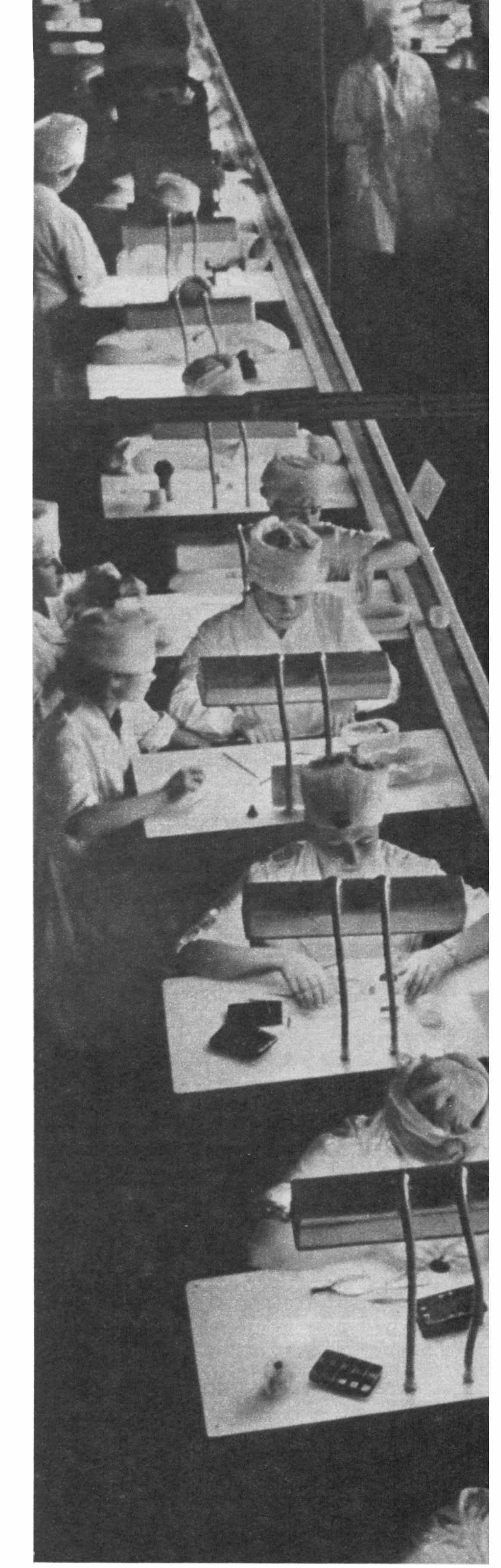
С. А. АФАНАСЬЕВ,
Министр общего машиностроения СССР.

Б. В. ПЕТРОВСКИЙ,
Министр здравоохранения СССР.

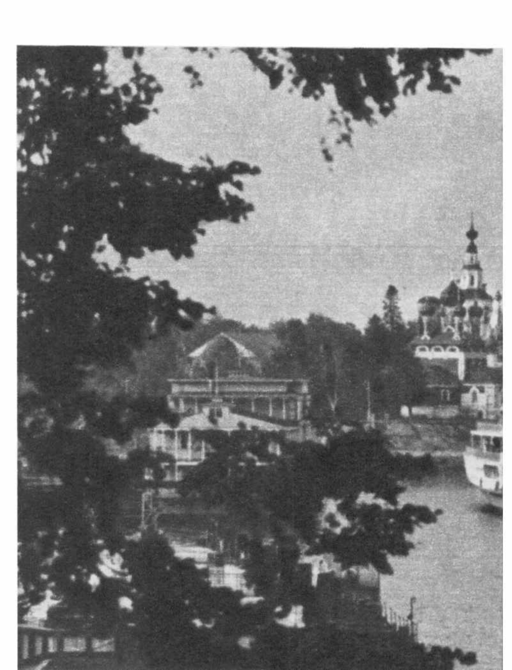

Сборочный цех завода.

С самой высокой башни Кремля древнего Углича — колокольни Спасо-Преображенского собора город особенно красив. Он стоит на высоком берегу Волги, за ней раскинулись необъятные дали.

Невольно хочется согласиться с одной из догадок о происхождении названия города. Он расположен на мысе, который вдается в Волгу.

На эту колокольню мы лезли по крутым каменным лестницам вместе с Львом Александровичем Выборовым. Этот человек одержим любовью к часам, к старинным механизмам. Потомственный часовщик, он любит смотреть на творение угличских мастеров — кованые часы. Их шестерни диаметром по полметра и больше были выкованы молотом, без какой-либо другой механической обработки.

Судя по тому, насколько изношены некоторые оси и шестерни, часы работали многие десятилетия. Они были установлены в 1730 году, не имели циферблата и стрелок. Время отбивалось колоколами.

Как бы в развитие старых традиций, в Угличе был построен часовой завод, выпускающий самые маленькие часы в стране. Вес их невелик — всего 3,2 грамма. Тем не менее они имеют 140 деталей.

Сегодня завод отмечает свое двадцатипятилетие. Правда, сперва он был заводом точных технических камней. Освоение нового производства началось с пятидесятого года. Нынче предприятие выпускает миниатюрные женские часы «Чайка» калибром в шестнадцать и двенадцать миллиметров в разнообразных корпусах: золотых, золоченых, хромированных.

Последние модели имеют много новшеств: рубиновые граненые стекла, центральная секундная стрелка, календарь и автоматический подзавод.

Угличские часы известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Они экспортируются в 32 страны: в одиннадцать социалистических и двадцать одну капиталистическую.

М. САВИН
Фото автора.

Последний винт.

А И СЕКУНДЫ

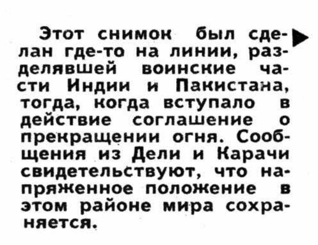
К причалам Углича вновь прибыл теплоход с туристами.

Новые модели «Чайки».

Двое из славной плеяды советских покорителей космоса, Павел Беляев и Алексей Леонов, были дорогими гостями в Германской Демократической Республике. Много было горячих встреч во время этой поездки по братской социалистической стране. Одна из этих встреч запечатлена на этом снимке: Павел Беляев беседует с рабочими нефтеперерабатывающего завода в городе Шведт-на-Одере.

Этот снимок был сделан где-то на линии, разделявшей воинские части Индии и Пакистана, тогда, когда вступало в действие соглашение о прекращении огня. Сообщения из Дели и Карачи свидетельствуют, что напряженное положение в этом районе мира сохраняется. ▶

Фото ТАСС и ЮПИ.

Итак, первый ответный визит сборной команды СССР состоялся, одержана вторая победа над футболистами Греции, в Афинах. Четыре гола забили советские футболисты, пропустив лишь один. Три мяча принадлежат молодому нападающему из «Нефтяника» Анатолию Банишевскому.

Вернулась из Парижа сборная мужская команда легкоатлетов. Наши спортсмены добились еще одной победы, на сей раз над легкоатлетами Франции. Общий счет матча 120 : 92. А вот пять спортсменов, внесших немалый вклад в эту победу. Слева направо: прыгун в высоту В. Большов, толкатель ядра В. Липснис, метатель диска В. Трусенев, прыгун в высоту В. Брумель и спринтер Э. Озолин.

▲ Здесь жили рабочие-текстильщики. Когда американские самолеты сбросили бомбы на город Нам-Динь в Демократической Республике Вьетнам, от этих домов остались лишь развалины. Варварские бомбардировки мирной земли ДРВ вызывают возмущение во всем мире.

◀ В сентябре женщины на острове Занзибар впервые в истории принимали участие в голосовании. Это было во время президентских выборов в Объединенной Республике Танзания. Президентом стал Джулиус Ньерере.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БОГИНИ

В мире бизнеса тоже существуют свои законы. Во время очередной паники на бирже ни один делец не полезет в карман к своему соседу и не украдет у него бумажник с наличными. Это будет воровство, уголовщина.

Можно самым бесчестным образом разорить своего соседа, буквально раздеть его донага, но... по правилам биржевой игры. Это уже будет бизнес. Не уголовщина.

Не менее четкие правила всегда существовали и в сопутствующей бизнесу рекламе. Без нее, как говорится, не проживешь. И читателя уже не удивить сообщением, что тот или иной делец расходует на рекламу чуть ли не половину прибыли.

Реклама кричит, зовет, льстит, озадачивает, умоляет, убеждает, настаивает, ошеломляет... Она с одинаковым рвением призывает приобретать и добротный товар и всякую дрянь, зачастую небезвредную (скажем, лекарства, губительные для здоровья).

Да, случается, что реклама обманывает, надувает. Но при всех ее многообразных свойствах она до сих пор еще не ругалась, не оскорбляла, вела себя пристойно. Еще бы! Она ведь на виду у всех.

Но все течет, все изменяется. Борьба деловых джентльменов за прибыли обостряется. В эту борьбу бросаются все новые и новые резервы. Дошла очередь и до рекламы. Хватит ей просто расхваливать товар и обманывать потенциальных покупателей. Пора ей стать воительницей. Не просто ратовать, а драться за прибыли. Для этого нужно не только рекламировать свой товар, но и поносить продукцию конкурентов. Вечно юное стандартно-прелестное лицо рекламы искажено теперь злобой и ехидством.

Первые свои шаги в этом направлении реклама делает робко, неуверенно, как бы нащупывая дорогу. Вот, например, появляются на экране телевизора пакетики с бритвенными лезвиями разных фирм. Но бодрячок актер не собирается намыливать и сбривать свою щетину. После минутного раздумья он небрежно отбрасывает один за другим все пакетики, кроме одного,— фирмы «Жиллетт». Все ясно?

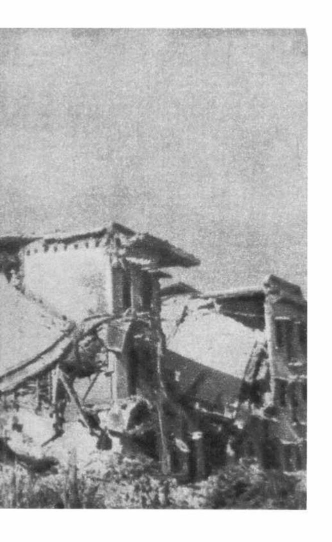
Автомобильные магнаты фирмы «Додж» решили посрамить всесильную компанию «Форд». В своей рекламе они так обращаются к будущим молодым покупателям: «Вы, парни и девчата, которым надоел «Форд»!»

Используются и другие коварные приемы: производители виски «Олд Грэнд-Дэд» изображают на своей рекламе бутылки с продукцией... конкурентов. Они желают им всяческого благополучия. Но как бы от имени патронирующей фирмы, от имени... «главы их семьи».

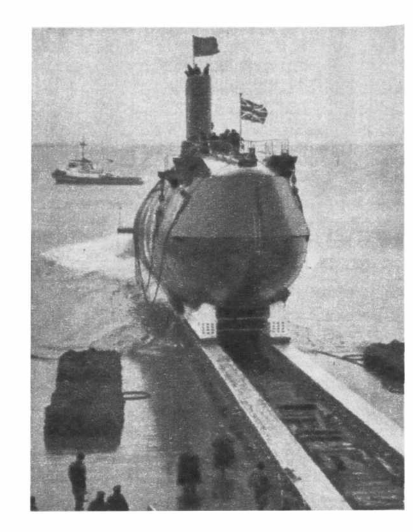
Те, кто посильнее, покровительственно и уничижительно похлопывают по плечу конкурентов. Кто послабее, беспардонно цепляется за штаны более могущественных конкурентов. Фирма «Ройял гольф», производящая мячи для

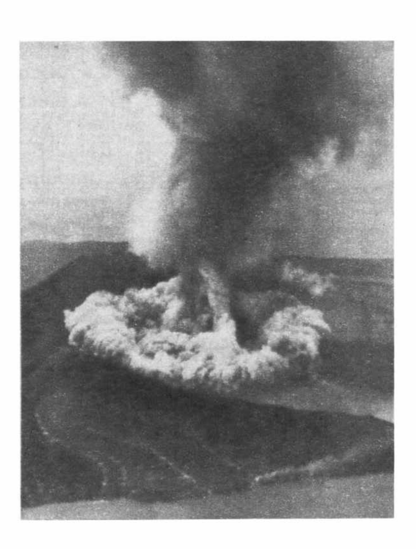
В английском городе Блэкпуле в дни, когда там проходила ежегодная конференция лейбористской партии, на улицу вышли рабочие. На лозунгах демонстрантов было написано: «Прекратить войну во Вьетнаме!» Люди доброй воли на Британских островах осуждают американскую агрессию в Юго-Восточной Азии и требуют, чтобы английское лейбористское правительство отказалось поддерживать американских агрессоров.

Англичан беспокоит также, что в эпоху экономической неустойчивости их страна продолжает расходовать большие средства на военные цели. Доказательство тому они увидели в недавней торжественной церемонии, сопровождавшей спуск на воду третьей английской ядерной подводной лодки. Кстати, эту церемонию возглавляла г-жа Мэри Вильсон, жена премьер-министра лейбористского правительства Великобритании.

Более полувека спал вулкан Тааль на Филиппинах. Грозным было его пробуждение. 28 сентября почти на две мили в воздух поднялись огненные брызги лавы. В результате извержения волны близлежащего озера затопили две деревни. Разбушевавшиеся подземные силы принесли смерть двум тысячам людей.

игры в гольф, сотворила рекламу, на которой в один ряд изображены пять мячей: один свой и четыре — более известных компаний. А подпись гласит: «Пять лучших мячей — но только наш самый лучший».

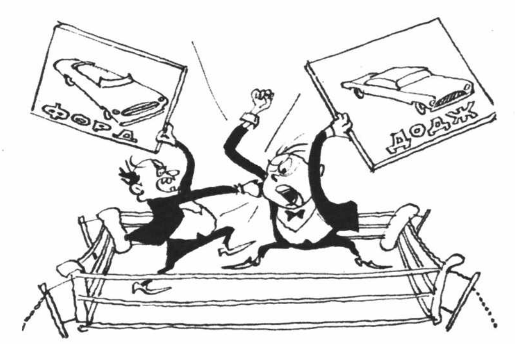
Более тонко сработала корпорация «Дженерал анилин энд филм». В рекламе своей фотопленки она пишет: «Есть только две широкоизвестных цветных пленки в Америке». Тем самым дается понять, что корпорация ставит себя на одну ногу с крупнейшей фирмой «Кодак».

Американский журнал «Тайм» пишет об этих новых гримасах на лакированном лике рекламы: «Уже сам факт упоминания в рекламе конкурирующих соперников — нарушение традиций. До сих пор столь явное подчеркивание конкуренции было исключительно редким явлением и создатели реклам делали все, чтобы избежать этого. Теперь же такого рода реклама распространяется все шире. Это плохие манеры. Едва ли публика будет приветствовать их».

Но американская публика едва ли будет и протестовать. К чему? Просто тайное становится явным. Извечная грызня бизнесменов-конкурентов, их борьба за прибыли не на жизнь, а на смерть переносится и на рекламные щиты. Все вполне закономерно.

«Но законно ли?» — робко вопрошает «Тайм». Вполне! Когда речь идет о прибыли, не до вежливости!

В. НИКОЛАЕВ

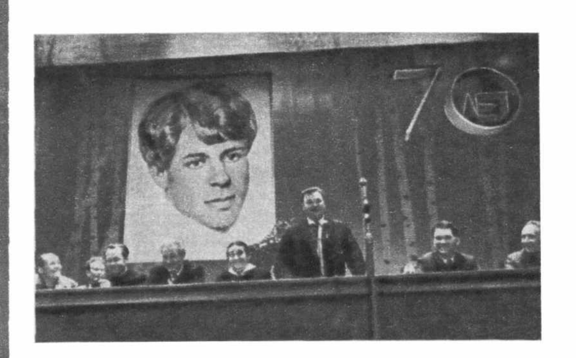
Москва. 4 октября. Колонный зал Дома союзов. Здесь состоялся юбилейный есенинский вечер.

НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА

ТЕПЛО ОТМЕТИЛИ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ 70-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕСЕНИНА.

На родине поэта. Открытие Дома-музея С. Есенина в селе Константиново.

Торжественное собрание в Рязанском театре имени С. А. Есенина.

На Ваганьковском кладбище в Москве к могиле поэта шли толпы народа. С утра до позднего вечера несли люди цветы, венки; кто читал есенинские стихи, кто свои, посвященные памяти Сергея Есенина.

Не зарастет народная тропа к могиле поэта.

Фото Г. Санько, М. Савина, Э. Евзерихина (ТАСС).

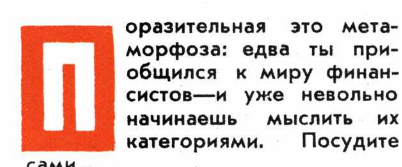

Эмоции и копейки

Л. ЛЕРОВ

Шумит-гудит беспокойное племя клиентов...

Поразительная это метаморфоза: едва ты приобщился к миру финансистов—и уже невольно начинаешь мыслить их категориями. Посудите сами...

Вчера я весь вечер путешествовал по городу и его окрестностям, пересаживаясь с троллейбуса на автобус. Прислушивался к тихому говору Заельцовского бора; вздыхал и ахал по поводу бескрайних просторов Обского моря; на набережной следил, как скатывается в синеокую Обь раскаленный шар солнца; перебравшись на правый берег, убедился, что это отнюдь не гипербола в устах моего спутника, когда он говорит: «Сейчас я вам покажу второй Новосибирск, он вырос уже после войны».

И вот все эти нахлынувшие на приезжего человека впечатления он незаметно для самого себя почему-то переводит на бухгалтерский язык. Баланс дня: дебет — масса эмоций, кредит —29 копеек транспортных расходов на троллейбус и автобус. Эмоции и копейки! Бог ты мой, какое кощунство, как могло появиться это нелепое сопоставление? Что поделаешь, влияние новых друзей, которые все переводят на язык денег. И это при их любезном содействии мне представилась возможность вышеупомянутые 29 копеек самолично положить в... главный кошелек города—в кладовую банка. Вот уже несколько дней я хожу сюда, в этот большой оранжевый дом, что глядит своими широкими окнами на самую красивую в Новосибирске площадь — имени Ленина. Хожу, как на службу (мне разрешено «поработать» в разных отделах), заполняя свой блокнот интервью с финансистами.

ОПЕРАЦИЯ ОСТРЫХ НОЖЕЙ

...На стеклянной парадной двери значится, что банк открыт с 9.30 до 13.00. Но это только для вас, товарищи клиенты; для «нас», служащих, он начинает свою жизнь значительно раньше и заканчивает ее куда позже. А сегодня я «работаю» в отделе, где все кипит и бурлит почти круглые сутки. Рано утром я отправляюсь в рейс с инкассаторами собирать деньги в кассах троллейбусных и автобусных парков. Теперь вы понимаете, каким образом я свои вчерашние 29 копеек сегодня, что называется, собственными руками положил в банковский сейф.

В комнату инкассаторов я попал после весьма тщательной проверки документов. И хотя мой непосредственный «начальник» уже предупрежден о новом «помощнике», люди посматривают на меня косо: кто ты есть? Такая уж у них профессия — всегда быть начеку.

Пока идет раздача оружия, патронов, печатей, знакомлюсь с коллегами по бригаде — А. Ф. Филатовым и А. А. Дергачевым. Оба сибиряки. Оба воевали. Дошли до Берлина. Сразу после войны — сюда, в банк. До выезда в рейс, пожалуй, можно еще успеть взять свое первое интервью у финансистов. Не знаю, не спорю, может, я и оговорился, может, моих «коллег» лишь условно следует отнести к миру финансистов. Но уж то, что эти люди не символически, а весьма практически ворочают миллионами рублей, это я видел собственными глазами, наблюдая, как инкассаторы, разгрузив машины, на особом лифте повезли кассиру-контролеру запломбированные мешки с деньгами.

— Часто ли вам приходится прибегать к оружию?

— Не часто, но приходится. Не без этого,— улыбается Филатов.— В нашем деле ухо надо всегда держать востро, особенно ночью, когда собираешь деньги в магазинах и ресторанах. Тут как-то...

И Александр Филаретович вспоминает невеселую историю.

Дело было зимой, за полночь. На маршруте —«Гастроном» № 1. Заезжали из-под арки, с тыла. Осмотрелись: порядок, все спокойно. Взяли в кассе большую выручку —и в путь-дорогу. Подкатили к арке, а перед ней лежит какая-то рогожа, запорошенная снегом. Только въехали на нее, как спустили все четыре ската, будто по мановению волшебной палочки. Инкассаторы, сразу учуяв ловушку, командуют шоферу: «Из машины не выходить, дуй на проспект». Выехали на свет, вышли из машины и ахнули: во все скаты воткнуты ножи... Все ясно: действовали профессионалы. Острые лезвия были понатыканы в доску остриями кверху, а рогожкой их прикрыли для маскировки. Расчет простой: у самой арки, в темном проезде, машина остановится, и, когда люди выйдут посмотреть, что к чему, тут их и накроют.

Потом вспоминали, как близ завода «Сибсельмаш» ночью, где-то в пустынном переулке, дорогу машине преградили двое налетчиков. Один ворвался в шоферскую кабину и, выхватив ключ зажигания, остановил машину. Началась свалка. Раздался предупредительный выстрел старшего инкассатора Попова, того, что находился сзади с деньгами. Но предупреждению не вняли. Тогда Попов наповал уложил бандита, а у напарника грабителя только пятки засверкали. Его поймали и судили.

Несколько таких историй услышал я от «коллег», и, увы, далеко не все эти истории имели благополучный конец. Немало времени прошло с того дня, как разыгралась трагедия на узкой полевой дорожке близ станции Чик, Коченевского района, а помнят ее в банке и поныне. Утром Мошаров и Дыба поехали забирать деньги в сельпо. Едут и по сторонам оглядываются. Утро не ночь, поспокойнее, но все же... Впереди показались двое. Выйдут на дорогу, недолго постоят и снова в кусты. А тут опять выглянули. «Чего мельтешат? Как считаешь, Ефимыч? Иль у страха глаза велики? Вон опять ушли, черт их носит...»

Едва инкассаторы поравнялись с кустами, двое выскочили на дорогу и открыли стрельбу. Михаил Ефимович Мошаров рухнул, словно подкошенный, а Дыба успел вывалиться на землю и стал отстреливаться. Кто знает, чем кончилась бы перестрелка, если бы в это время на самой макушке телефонного столба случайно не оказался монтер Гуцелюк. Прямо оттуда, с линии, он и подал «SOS» в отделение милиции. Подмога примчалась мгновенно, деньги были спасены, но бандиты успели скрыться. Их поймали только под самый вечер. Мошарова хоронили с почестями, специальным приказом председателя правления Госбанка СССР были отмечены герои — и инкассаторы и телефонист...

Может, это под впечатлением услышанного, но я тоже начинаю зорко оглядываться по сторонам, когда с мешками, полными денег, по каким-то безлюдным дорожкам шагаю с Дергачевым к машине. Кто его знает, вдруг вон тот, встречный...

Но никаких «вдруг» не случилось, и без всяких происшествий,

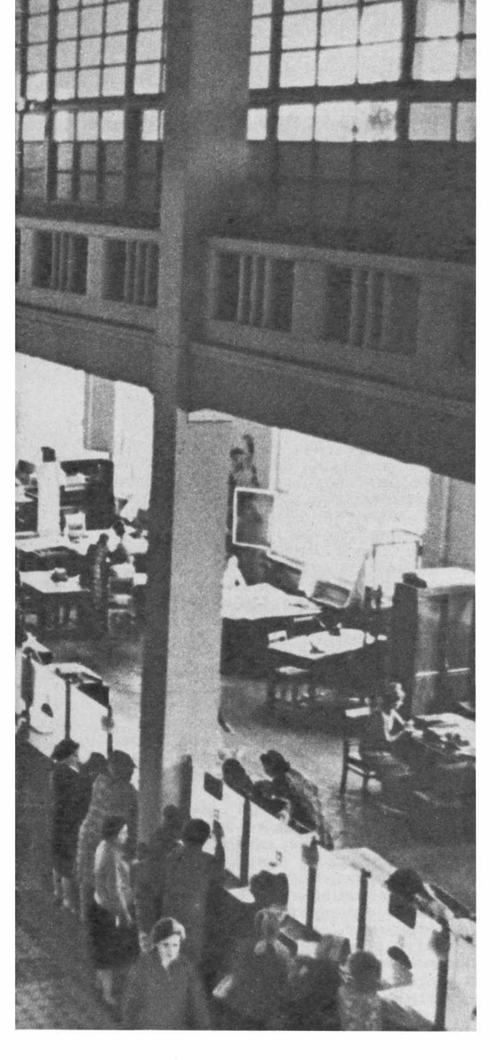

Фото Д. Ухтомского.

мы вернулись в банк. Здесь, в кассе, уже разгар работы. В семь утра на подмогу ночникам явились пять бригад счетчиков и контролеров. И пошло — только успевают принимать пачки денег. Тут своя автоматизация, свои ударники, свои мастера вылавливать ветхие купюры, им особый счет, их в особые пачки. В каждой сумке — контрольная опись. В ней указано, какая сумма денег в сумке. Но тот, кто считает деньги, не знает этой суммы: чек сразу же забирает контролер. И только подсчитав все, что лежало в сумке, кассир доложит: столько-то... Да, точно. Как в чеке. Копейка в копейку. Иначе чп, акт, проверка, дознание. И такое бывает.

Подсчет закончится, вероятно, не раньше трех. Но уже к одиннадцати в кассы операционного зала поступит первая солидная порция вчерашней выручки магазинов и ресторанов, предприятий службы быта и транспорта. Позже часть сумок с деньгами отнесут в главную кладовую. Это святая святых. Сюда даже сам управляющий не может зайти, пока он вместе с главным бухгалтером и заведующим кассой не снимет три сургучные печати, день и ночь охраняемые милицией: лишь ей и дозволено распахнуть эти двери.

«АЛДЧЮ»

Настал час прощания с «коллегами». Они отправились в очередной рейс — развозить по магазинам разменную монету, а я проследовал на новое «рабочее место», в операционный зал, туда, где гудит-шумит беспокойное племя клиентов, где свершаются банковские таинства, с далеко не всем нам понятными «инкассо», «авизо», «алдчю».

Мое место рядом с ответственным исполнителем Таисией Николаевной Мочаловой, за плечами которой четверть века верного служения его величеству Банку.

В нашем окошке, словно на экране, мелькают лица финансовых полпредов предприятий, фирм, трестов, универмагов. Это кассиры-инкассаторы. У каждого свой день, свой час свидания с Мочаловой. Как оно обернется сегодня, это свидание, бог его знает. Я вглядываюсь в лица кассиров: то радостно оживленные («на текущий счет пришло пополнение»), то грустные и даже несколько встревоженные («даст ли сегодня по чеку?»). Бедняги, у них ведь тоже кошки на душе скребут, когда Мочалова начинает пристально изучать узкий, длинный лист бумаги, испещренный о многом говорящими ей цифрами. Это текущий счет клиента, каждое утро поступает он к ней с машинно-счетной станции. Посмотрит Таисия Николаевна на такой лист, укоризненно покачает головой и, бросив в сторону кассира полупечальный, полуиронический взгляд, скажет: «Эх, бедолаги вы, что мне с вами делать, безденежные гармонисты? Плохо работаете, плохо у вас с финансами, не могу дать денег». И Евдокия Васильевна Павлова, кассир-инкассатор с фабрики гармоней, извиняюще пролепечет что-то насчет того, что-де, мол, «завтра ожидаем поступлений на текущий счет, а пока ты уж не лютуй, Таисия, ты же человек добрый». Но Таисию не разжалобишь, нет, не может она дать сегодня денег «гармонистам». А претензию Москультторга к фабрике обязательно удовлетворит — перечислит деньги Москультторгу за аккордеоны, что оказались на поверку никудышными.

...Весело у нас идет разговор с Машенькой. Так запросто Мочалова величает М. Захаркину, кассира с жиркомбината: «Я ее много лет знаю, она у нас на инкассо сидела». У Машеньки кипа платежных требований. В Барнаул, Бийск, Кемерово отправлены большие партии мыла. Товар отгружен отличный, так что будь добр, товарищ Банк, получи наши денежки у покупателей сполна. Делать это всегда приятно, и Мочалова бойко штампует жиркомбинатовские счета. Сейчас их отнесут в экспедицию, а оттуда — на почту. Но у Захаркиной есть еще дела: «У нас с Бийском недоразумение». И протягивает телеграфный бланк с одним только словом: «алдчю». Для меня это звучит словно позывной неизвестного коротковолновика, а Мочаловой все ясно: «Товар не заказывали, платить не будем». Так расшифровывается таинственное «алдчю». А в Карадагский рослесторг идет от жиркомбината телеграмма с другим, не менее загадочным шифром — «алире»: «Завысили вы цену на тару, любезные рослесторговцы, не согласны мы на такую сделку. И отвечаем вам коротко: «алире». Посредник спорящих сторон все он же, товарищ Банк.

...«Северянка» тоже ходит у Мочаловой в безденежных. Говорят, что деньги ни рта, ни языка не имеют, а поведать о многом могут. Так вот Мочаловой они рассказывают, как еще порой неумело хозяйничают на «Северянке». И она, человек, который держит руку на пульсе этого швейного объединения, остро ощущает, когда оно начинает затоваривать-ся, когда лихорадит его к концу квартала. Тем приятнее сообщить сегодня полпреду фирмы, что из Якутии, Киева и Барнаула пришло авизо по платежным требованиям, значит, на текущем счету прибавилось денег.

Нужно обязательно побывать в этом зале, чтобы до конца прочувствовать, что такое хозрасчет, который, как известно, в ближайшее время должен быть еще более развит и укреплен. Здесь мы видим заключительный этап хозяйственного расчета: финансовый. Можем судить о том, насколько удачной была экономическая политика предприятия в последние месяцы...

...Расчеты, расчеты! Нет им числа. Трикотажная фирма «Сибирь» просит перевести деньги за пряжу в Омск и Иваново, а новосибирские швейники через банк расплачиваются с Ленинградским Домом моделей за лекала. «О, это отлично,— комментируют банковские модницы,— значит, и у нас будут шить по лекалам Ленинградского Дома моделей, значит, можно рассчитывать на элегантные платья...»

Здесь, в банке, узнаешь и не такое. Финансисты — люди всеведущие. Они знают, например, когда и куда едут на гастроли новосибирские театры, какой уникальный станок будет делать «Тяжстанкогидропресс», где в городе построят новый кинотеатр и чем порадует кондитерская фабрика «Красная Сибирь». Но я, кажется, уже перемахнул на новое «рабочее место», туда, где решаются судьбы денежных кредитов.

О ЧЕМ СПОРЯТ ФИНАНСИСТЫ!

...Беру интервью у Николая Дмитриевича Забелина, начальника планово-экономического отдела, и сразу же попадаю в атмосферу сложных конфликтов, нерешенных проблем, страстных споров.

— О чем спорят финансисты? Всегда ли они садятся в свои сани? Непонятно? Извольте пример. Дали нам недавно такое задание: сообщите, что надо сделать для... организации переработки отходов на оловозаводе. Ну, что ты будешь делать? Сперва пожимали плечами, улыбались, а потом огорчились. Естественно, что мы вынуждены были запросить специалистов того же оловозавода и механически их сведения переслать по инстанции. А как иначе? У нас же своих предложений быть здесь не может.

Или вот. Одному из отделов банка предложили выяснить, у кого на квартире стоит телефон за счет учреждения. Простите меня, но тут же только методом розыска действовать можно...

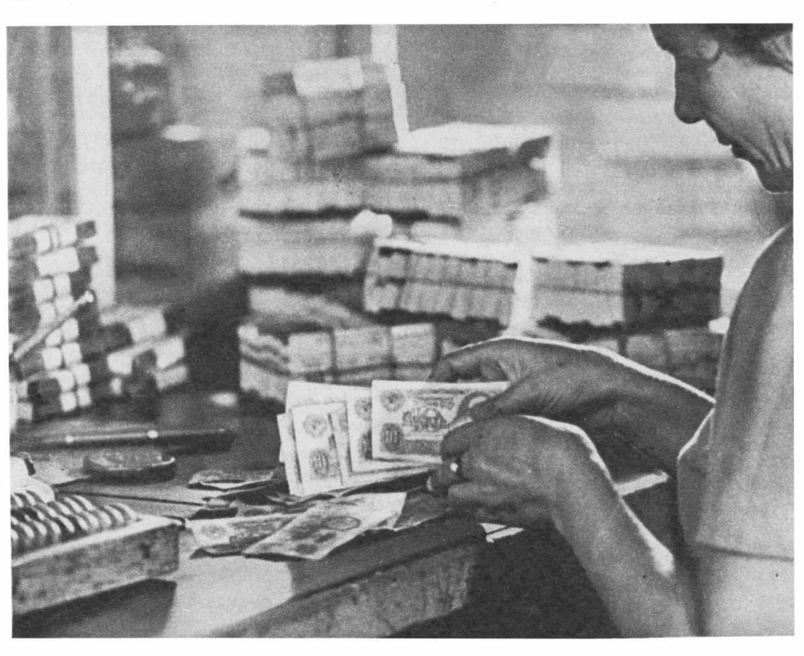
Случается, что экономист банка едет на завод с заданием выяснить, скажем, причины убытков от брака. За несколько дней он, экономист по образованию, должен дать ответ на вопросы, которыми повседневно занимается группа квалифицированных инженеров. При этом еще и побуждают раба божьего сформулировать не только чисто банковские, но и производственно-технические требования. Весьма огорчительно все это... Азбучная истина: банк контролирует рублем. Рубль — его оружие. Но когда наш экономист начинает подменять инженера совнархоза или заводоуправления, когда работник банка ведет розыск, у кого на квартире поставлен телефон за счет учреждения, тут уж, простите, надо караул кричать. А кое-кто полагает, что так оно и должно быть. Вот и грянул спор. Правление Госбанка СССР заняло, я бы сказал, позицию золотой середины.

— Ну и что же? Поставили все точки над «и»?

— Думаю, что нет. Подменять технолога, говорят, вы не должны, а опираться на его выводы надо... Нельзя не признаться, но нельзя и сознаться... В общем, пока еще темна вода в облацех... Спор продолжается, а жизнь идет своим чередом. Хотите понаблюдать за ней? Извольте, сейчас спустимся этажом ниже, в кабинет начальника городского управления Госбанка. Сегодня к нему вызвали руководителей фабрики имени ЦК профсоюза швейников. Послушаете...

Комната полна народу. Швейники сидят хмурые, озабоченные. Разговор идет острый и нелице-

Деньги счет любят...

приятный. Вот уже несколько лет фабрика находится под артобстрелом банка. Атака ведется испытанным оружием — финансовые санкции: особый режим кредитов и расчетов. Особый—значит жесткий, когда порой банк не дает денег на самые насущные нужды. И тут я, как бы вторым заходом, мысленно возвращаюсь в операционный зал, к окошку неумолимой Мочаловой, той, что порой столь решительно заявляет: «Денег не дам». И сейчас, прислушиваясь к дебатам финансистов и швейников, я понимаю: она не может не отказать.

А дебаты идут бурные. Открывает их молодой экономист Таня Седова. Позже я узнаю, что она окончила Одесский кредитно-экономический институт и с Черноморья ветром романтиков занесло ее на берег Обского моря. Один из Таниных учителей, прослышав о намерениях Седовой укатить в Сибирь, укоризненно заметил ей: «Я вас считал умненькой девушкой, а вы в Новосибирск...»

Так вот эта «умненькая девушка» сейчас обличает швейников — строго, сдержанно и весьма уверенно. Просрочена задолженность и банку и поставщикам; образовались сверхплановые запасы тканей; за отгруженный товар не поступают деньги: плохое качество, бедный ассортимент. В общем, затоварились, товарищи швейники! Шьете костюмы и пальто из дорогих тканей. По валу все в порядке, а прибыли нет: не покупают у вас эти дорогие и старомодные костюмы. Тканей же для них накопилось на сотни тысяч рублей.

Как же будете жить, товарищи швейники, когда главными показателями работы станут объем реализации продукции и прибыль?

Сыплются перекрестные вопросы, подаются острые реплики. И начальник городского управления И. Н. Бараков и заместитель заведующего кредитным отделом Ф. Ф. Левина, каждый из них добавляет какой-то штрих к безрадостной картине. И тут я, кажется, улавливаю ту самую грань, что отделяет их, банковских экономистов, отлично разобравшихся в технике и экономике фабрики, от инженеров, скажем, совнархоза. Финансисты не склонны давать производственные рекомендации. Это не их дело. Они предъявляют суровые требования с позиции, в основе которой всесильный рубль.

Директор Е. Л. Сусликова сперва отбивается, как может, а потом поднимает руки кверху: сдаюсь, помогите! Помогите—значит дайте кредит. Кредит ей обещают, но под твердую гарантию: решительные перемены должны наступить в ближайшее же время. Иначе санкции будут еще более жесткими.

Кредит! Вот что, пожалуй, делает банк всезнающим. Без него, без банковского кредита, порой — ни шагу: будь то новая техника в цехе станкостроительного завода или оборудование еще одного кафе на Красном проспекте. Финансисты очень гордятся этим, радуются расширению сфер проникновения кредита, и в частности туда, где речь идет о нуждах человека.

И тут я снова должен вернуться к Забелину, человеку острому, начисто опровергающему бытующее кое-где представление о банковском служащем: не люди, мол, а сухари ходячие, арифмометры двуногие, дальше цифири никуда. Нет, мой собеседник живой, задиристый, с широким кругозором.

— И что еще прошу вас заметить по поводу наших кредитов службе быта: населению на пользу и государству дополнительный доход идет...

И Забелин восторженно рассказывает, какое чувство удовлетворения испытывает он, когда приходит, скажем, в кинотеатр «Победа» или кафе «Минутка», или попадает в новый цех швейного ателье, или когда видит на прилавке новую сибирскую электробритву...

— Все это банковский кредит... Наша работа... Приятно...

Я понимаю моего собеседника. Это действительно приятно. Но сколько тут всяких подводных камней. Все свершается не так просто, как кажется на первый взгляд. От желающего получить кредит банк требует точных расчетов, гарантию экономического эффекта, а то ведь и на ветер выбросишь деньги, кусай потом локти. Слушаю Забелина и вспоминаю восточную притчу: «И сказал брат брату: «Рассчитайся со мной, а потом станешь светом моих очей». Банк безжалостен: кто не сможет вовремя рассчитаться с ним, пусть не надеется на кредит. Но бывает и так: расчет представлен, и все вроде получается отлично — и ссуду вернут и прибыль дадут. И глазу приятно, и душу радует. Однако не всегда все в цифрах бесспорно. Да и будь ты семи пядей во лбу, не в каждом таком расчете под силу тебе, экономисту, разобраться. И еще один подводный камень. Ни одна инструкция не предусмотрит все хозяйственные сложности, и толковать сию инструкцию можно весьма широко — с одной стороны, вроде и разрешает, а с другой — запрещает. Увы, нет-нет да и споткнешься о такую инструкцию.

А сколько их еще, таких же вопросов, что вызывают страстные споры экономистов о роли кредита в народном хозяйстве, о всяких сложностях и недостатках во взаимоотношении банка с предприятием, колхозом. И случается порой, что при всей, казалось бы, ясности ситуации терзается бедняга финансист в мучительных раздумьях: дать или не дать, поверить или взять под сомнение, отказать? Так в душе его иногда разыгрываются целые драмы. Вот какие коллизии случаются под банковской крышей.

УЛЫБКА И КРЕДИТ

— Плохо используем!

Это на ту же тему, что и Забелин, но уже с горечью говорит управляющий областной конторой Госбанка Николай Михайлович Сентяков. Разговор у нас идет об

НЕЛЕГКАЯ ДОЛЖНОСТЬ ПОЭТА

Никак не верится, хоть об этом и свидетельствуют анкетные данные, что Маргарите Алигер пятьдесят лет. Я ведь хорошо помню тоненькую темноволосую девушку, читающую стихи в Литературном институте на Тверском бульваре. Она читает стихи, прикрыв глаза рукою,— то ли от смущения, то ли от желания сосредоточиться и этим жестом отделить себя от всей аудитории. А стихи молодые и сегодня не утратившие своей свежести, полные удивления перед жизнью и стремления поделиться со всеми своим удивлением:

Для меня невозможно счастье,
не разделенное с другим...

И еще была в этих стихах юношеская нетерпимость ко всякой расчетливости и душевной скупости, ощущение неотделимости своей судьбы от судьбы поколения, на плечи которого еще лягут величайшие испытания времени.

Маргарита Алигер писала негромкие лирические стихи, и, несмотря на это, ее тихий голос можно было легко расслышать и узнать среди голосов других молодых поэтов. Так, с первой книги «Год рождения», изданной в 1938 году, начала она свой умный, доверительный разговор с читателем и продолжает его и теперь в недавно вышедшем сборнике «Несколько шагов».

Вся жизнь поэта, с ее тревогами и горестями, с ее надеждами и разочарованиями, с глубокими ранениями и невосполнимыми потерями, уместилась в строках книг Маргариты Алигер. Еще в молодости, задолго до войны, сумела она почувствовать те далекие подземные толчки, которые вскорости должны были потрясти всю землю. Этим предчувствием близости жестоких сражений пронизана почти вся первая книга. «Кому-то пасть в бою? А если мне?» — говорит поэт в стихотворении, написанном за шесть лет до начала войны.

Я люблю маленькую книжечку «Памяти храбрых», подписанную к печати редактором Михаилом Светловым, всем своим скромным полиграфическим обликом напоминающую о военных временах. Здесь есть стихи «Из Казанской тетради», набросанные где-то в нетопленном доме, при свете керосиновой лампы в годы эвакуации. Это горькие и мужественные стихи, проникнутые такой верой в победу, словно они родились на фронте, в солдатской землянке, на самом переднем крае.

Чего только не вспомнишь в день, когда думаешь о пятидесятилетии твоего товарища! Я вспоминаю, как в ледяной декабрьский денек приехала Маргарита Алигер к нам в редакцию газеты Северо-Западного фронта «За Родину», как добирались мы с ней до передовой в кузове попутной полуторки по раздолбанным дорогам Валдая, как читала она в блиндаже артиллеристам отрывки из поэмы о московской школьнице, зверски убитой гитлеровцами.

Маргарита Алигер — автор более двадцати сборников стихотворений и поэм, автор пьес, одна из которых, «Сказка о правде», ставилась на сценах многих театров. Недавно она опубликовала очерки «Чилийское лето», серьезно и со знанием дела знакомящие нас с жизнью далекой латиноамериканской страны. Нельзя не говорить без уважения о многолетней переводческой деятельности Алигер, переводящей стихи так, что они становятся фактом отечественной поэзии. Это благодаря ей русские читатели познакомились и почувствовали своеобразие многих поэм Луи Арагона, Пабло Неруды, Самеда Вургуна и ряда других поэтов. Когда-то Маргарита Алигер сказала о той нелегкой ноше, которую поэт обязан принять на себя и нести всю жизнь:

Пусть я старше, пусть все гуще проседь,—
если я посетую — прости,—
пусть ты все весомее, но сбросить
мне тебя труднее, чем нести.

Эти строки и сегодня остаются в силе.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

НАХОДКА В МОРЕ

Белое море. Мы плывем на крошечном рыболовном суденышке — «Мотодоре» между десятков маленьких островков. Полный штиль.

— Гриша,— сказал вдруг моторист Павел Михайлович Чукчин.— Что это там маячит на море? Никак не пойму.

Вооружившись биноклем, инспектор рыбнадзора Григорий Петрович Девяткин долго всматривается в горизонт.

— Вроде парус,— говорит он.— Но кто сейчас ходит под парусом? У всех на лодках моторы. А ну, давай сворачивай. Посмотрим, что это за диковинка.

Белое пятнышко, которое мы принимали за парус, постепенно увеличивалось и меняло свои очертания.

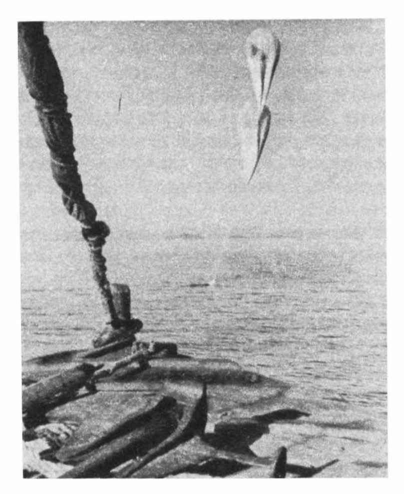
Это был воздушный шар, вернее, два. Газ из них наполовину уже вышел, и они, обмякшие, болтались над водой, а под ними, привязанный стропами, плавал на поверхности какой-то белый прямоугольный предмет. Подцепив багром, мы подтянули шары к борту. Выпустив из них газ, осторожно подняли из воды небольшой ящик из белого пенопласта, обернутый полиэтиленовой пленкой. К ящику была прикреплена рейка с медной

СИНГРЕН ПОБЕЖДАЕТ СОЛНЦЕ

Сингрен. Впервые я услышал это слово весной этого года на далекой стоянке чабанов в пустыне Кызылкум. Тогда его с уважением произносили каракулеводы, намечая летние маршруты отар.

— Зима была совсем без снега, весна совсем сухой. Корма мало будет. Сгорят пастбища. Вся надежда на сингрен. Сингрен победит солнце,— говорил старый чабан Хошмурат.

Тогда мне подумалось, что сингрен — это умудренный опытом, всеми уважаемый аксакал или же мифический богатырь, вступающий в единоборство с великим солнцем пустынь.

Над морем маячили два воздушных шара.
Фото автора.

проволокой. Вероятно, антенна. Осторожно освобождаем коробку от строп и кладем на палубу. Кто его знает, что там такое. Сквозь полиэтиленовую обертку видна бумага, на которой что-то написано. Читаем: «Товарищ! При помощи этого прибора производится изучение космических лучей. Просим нашедшего переслать его за вознаграждение в Полярный геофизический научно-исследовательский институт по адресу...»

Выловленный нами прибор оказался одним из бесчисленных радиозондов, запускаемых нашими учеными, мирными разведчиками стратосферы.

О. КНОРРИНГ

ТАЙНА ВЬЕТНАМСКОГО ЛАКА

Во Вьетнаме художественные изделия из дерева и кожи украшают росписью по лаку. Узоры ларцов и ваз кажутся немного таинственными, вероятно, из-за того, что диковинные цветы и листья проступают сквозь лак, как сквозь темную воду лесного озера.

Сейчас в Москве, в Музее искусств народов Востока, открыта выставка лаковой живописи Вьетнама. Здесь представлено около пятидесяти картин. Это большие произведения.

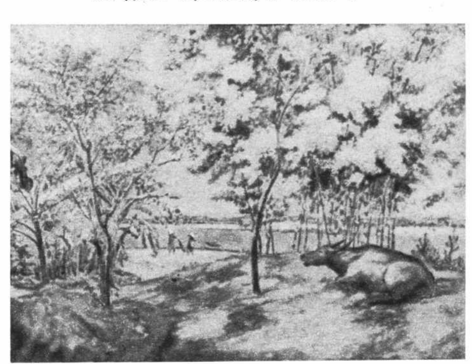
С любовью рассказывают вьетнамские живописцы о родной земле. Картины мирного труда и прекрасной природы соседствуют с композициями драматическими. Известный вьетнамский художник Ле Винь посвятил свои работы событиям национально-освободительной борьбы. Среди них «Подвиг Бе Ван Дана» — солдата, пожертвовавшего жизнью в бою, повторившего подвиг Александра Матросова. На картине Ван Биня «Партизаны» мужчины и женщины с мотыгами в руках, готовые в любую минуту сменить орудия труда на винтовки.

Из таблички, рассказывающей о лаке, можно узнать, что древняя манера лаковой росписи требует огромного труда и упорства, что искусство лаковой станковой живописи совсем молодо — оно зародилось в 30-х годах — и что тайна вьетнамского лака — это талантливые руки умельцев.

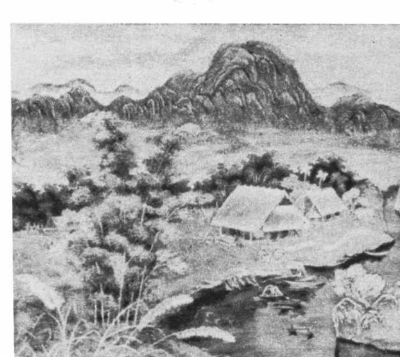
Людмила ВАСИЛЬЕВА

Ле Винь «Подвиг Бе Ван Дана».

Фам Дык Кыонг «Большое дерево дает приятную тень».

Динь Минь «Селение на берегу».

Сингрен — невысокое пустынное растение с крохотными листочками. Пять лет назад узбекские ученые-каракулеводы решили культивировать его на пустынном урочище Карнабчуле госплемсовхоза «Карнаб». Пять лет постоянных наблюдений и тысячи анализов дали свои результаты.

Небывалая жара нынешнего лета выжгла все живое в пустыне. В пепел превратился джусан — пустынная полынь, сгорел каурак, обуглилась неприхотливая верблюжья колючка, и только сингрен победил солнце. К тому же его веточки оказались необыкновенно питательным кормом.

Сингрен содержит в себе большое количество протеина, клетчатки, витаминов и микроэлементов.

Замечательный корм для каракульских овец подарили ученые чабанам. В декабре, в пору сева сингрена, растение займет большие площади в безводной пустыне Кызылкум.

Ю. Сбитнев, собкор «Огонька»

РЕЧНЫЕ ВОРОТА ЛЕНИНГРАДА

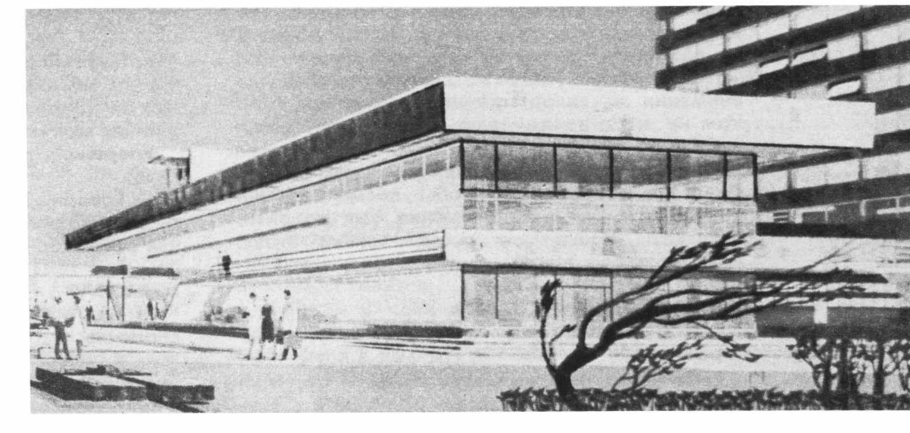
После того как Волго-Балт вступил в эксплуатацию, в Ленинград по воде прибывают тысячи пассажиров. Теперешняя речная пристань города с ее неказистыми и маловместительными дебаркадерами не пригодна для такого большого количества людей. Возникла необходимость в постройке речного вокзала, который действительно служил бы «речными воротами» Ленинграда.

Проект вокзала уже разработан институтом «Ленгипроречтранс». Как он будет выглядеть, об этом мне рассказал главный инженер проекта Семен Шулькин.

На чертежах прямые, как стрела, причалы для судов. Подземные переходы под проспектом Обуховской обороны ведут к трехэтажному вокзалу. Рядом с ним высится четырнадцатиэтажная гостиница. Архитектура ее выразительна и современна.

Здание вокзала увенчано красивой башней, где будут смонтированы устройства телевизионной связи, сигнализации и наблюдения за рейдом.

Инженер Н. БОЛГАРОВ

улыбке, хорошем настроении покупателя, клиента и банковском кредите, о больших возможностях применить его в торговле, производстве товаров широкого потребления, в сфере обслуживания. И тут управляющий категоричен: «Плохо используем эти возможности». Сказано в посрамление безруких и равнодушных...

Интервью с Сентяковым длилось долго. Мы беседовали о многом. В моем блокноте разные многозначные и весьма внушительные цифры. Но мне хочется привести куда более скромные, не столь многозначные, но многозначащие цифры. В 1959 году банк предоставил кредит на расширение кинотеатра «Победа»— 500 тысяч рублей. Ссуда была погашена, и ежегодно в доход государства поступает более 800 тысяч рублей. В 1963 году райцентр Тогучин получил из банка кредит — 29 тысяч рублей — на расширение телефонной станции. По расчетам, выходило, что АТС на следующий же год даст дополнительного дохода 9 700 рублей. Дала 13 тысяч.

— Мне, как патриоту Новосибирска,— комментирует Сентяков,— приятно, конечно, когда за счет банковского кредита появляется еще несколько кинотеатров, открывают кафе, быстрее шьют костюмы, расширяют Кировскую АТС. Но я еще управляющий банком и не могу не порадоваться, что кредит наш дополнительной прибылью оборачивается. Ведь задача банка не только собирать рубли, но и делать эти рубли. И тут, скажу я вам, целина безбрежная. Есть такое слово «предприимчивость». Мы зря боимся его. До зарезу нужны предприимчивые, энергичные товарищи, способные банковский кредит так в дело пустить, чтобы и люди в быту своем это ощутили и чтобы казна... А то ведь как иногда бывает с кредитами? Вот, скажем, потребкооперация. Приехал как-то в Новосибирск старик из Грузии и привез несколько тонн грецких орехов. На руках у него все нужные справки от сельсовета. Орехи, мол, выращены своим трудом, так что любите и жалуйте, товарищи сибиряки. Старик в потребкооперацию подался: все оптом продаю. Кооператоры попросили у нас кредит. Тогда я пригласил старика к себе и спросил: «Сколько дало каждое дерево? Сколько деревьев можно разместить на одной сотке?» Молчит. Понял, что к чему. Выясняется, что старик должен был бы иметь несколько гектаров земли. Спекулянт! А потребкооперацию не волнует сие, ей важен оборот. Но ведь этак и большого ума не требуется: скупил у спекулянта и перепродал на рынке. Нет, на такое предпринимательство мы кредит не дадим. А вот если хотите, товарищи кооператоры, увеличить закупки продуктов там, где их производят, если хотите открыть на селе сапожные мастерские, или ателье по ремонту телевизоров, или грибозасолочные пункты, или богатые пруды наши сибирские на благо людям использовать,— пожалуйста, получайте деньги. Тут кредит никак не портит отношений... Нет, не научились мы в такой благодатной сфере, как бытовое обслуживание, торговля, по-настоящему умело деньги делать.

Впрочем, в ближайшее время положение изменится. Производство на действующих предприятиях будет расширяться и обновляться преимущественно за счет банковских кредитов. А на новых стройках будет использована система долгосрочного кредитования. В первую очередь на тех, где затраты окупятся в короткий срок. Так намечено на Пленуме ЦК партии. Конечно, и наша роль, финансистов, возрастет.

В раздумье над интервью с финансистами, над поэзией их прозаических дел покидал я большой оранжевый дом, что стоит на главной площади города.

Беппе ФЕНОЛЬО

Рассказ

Рисунок А. ВАСИНА.

К началу войны Беппе Фенольо было едва семнадцать лет. Но когда движение Сопротивления фашизму охватило его родной Пьемонт, он, не задумываясь, вступил в ряды повстанцев. Вскоре он был уже командиром партизанского отряда, носившего гордое название «Справедливость и свобода», и участвовал в тяжелых боях за освобождение города Альба.

Вполне закономерно, что именно с рассказов о Сопротивлении началась и его жизнь в литературе.

Но темой Сопротивления не исчерпывается творчество Фенольо. Он написал немало повестей и рассказов из хорошо знакомой ему жизни крестьян родного Пьемонта, где прожил всю свою недолгую жизнь и где воевал. Ему принадлежат книги «Огненный день», «Двадцать три дня города Альба», «Частный случай» и др. В феврале 1963 года, сорока лет, Фенольо безвременно скончался.

Рассказ «Девять месяцев» взят из сборника «Двадцать три дня города Альба»

Девять

— Ты что натворил? — в упор спросила мать, не давая ему времени закрыть за собой дверь.

— А в чем дело? — ответил он настороженно.

— Приходила эта... Рита.

— Рита? Что ей здесь надо?

— Во что бы то ни стало хотела тебя видеть, спрашивала, где ты, а я теперь и понятия не имею, куда ты уходишь. Она так волновалась, ни минуты не могла постоять на месте. Говорила, что идет домой обедать, и тут же опять принималась расспрашивать о тебе... Что вы с ней натворили, с этой Ритой? Что-нибудь неладное?

— Ничего плохого мы с Ритой никогда не делали,— ответил сын.— Просто не знаю, что с ней нынче стряслось. Рехнулась она, что ли? Давай, мать, поедим спокойно. После обеда я ее разыщу и узнаю, в своем ли она уме.

Пообедав, он вышел из дому и, не обращая внимания на холод, прошел две улицы, толком не зная, почему идет именно этой дорогой, а не какой-нибудь другой. Внезапно на углу одной из заводских улиц он увидел Риту. Уго остановился, чтобы посмотреть на нее издали, но вскоре должен был подойти. В глазах девушки он увидел только страх. И, прежде чем успел открыть рот, она сказала:

— Я беременна... от тебя, Уго.

— Что ты говоришь, бог мой...— ответил он тихо.

Невольно уставился на ее живот и отступил на шаг, пытаясь рассмотреть получше и с трудом удерживаясь, чтобы не отвести в сторону мешавший ему видеть борт Ритиного пальто.

В его глазах Рита тоже увидела испуг, и тогда глаза ее наполнились страхом до предела. Уго смотрел так, будто зажег в глубине ее тела бикфордов шнур и теперь с секунды на секунду ожидал взрыва.

— Что ты скажешь? — еле выговорила она дрожащими губами.

— Ты уверена? — спросил он глухо.

— Доктор так сказал.

— Тебе уже пришлось сходить к доктору?

— У меня началась рвота...

Сморщившись от отвращения, Уго хлопнул себя по бедру и крикнул:

— Зачем ты мне об этом говоришь?!

— Уго! — воскликнула девушка.

Немного погодя он спросил:

— А что твои?

— Они ничего не знают. Месяца два я еще могу от них скрывать, не больше. За эти два месяца я должна найти в себе силы утопиться.

— А я на что? — спросил он, не глядя на Риту.

Она тоже не глядела на него и в ответ только покачала головой.

Как холодно было! Холод шел от реки, с открытых ветру пойменных лугов.

Он обнял ее одной рукой за плечи, но не мог смотреть в глаза. Оба тяжело дышали, один вздыхал вслед за другим, точно сговорившись.

— Что же мне делать? — спросила она.

— А?

— Что мне делать?

Он не ответил. Она подождала, потом спросила:

— Ты как хочешь?

Он не мог раскрыть рта. Наконец выдавил из себя:

— Это тебе надо решать.

— Я сделаю все, что ты хочешь. Только скажи.

— Я не знаю, что сказать.

— Ну, говори же, Уго.

— Не знаю, что и сказать...

Тогда она крикнула, чтобы он не подличал.

Уго казалось, будто на глаза ему легла черная повязка. Повернувшись к Рите, он теснил ее грудью, пока не прижал к стене. И продолжал молчать.

Упершись руками ему в грудь, она просила:

— Говори, Уго, ты же мужчина. Считай, что ты мой хозяин, и решай, что со мной делать, как решил бы с испортившимся мотором. Скажи, и я тебя послушаюсь. Чего ты от меня хочешь?

Он не ответил, и тогда она совсем тихо спросила:

— Хочешь, поговорю с какой-нибудь акушеркой? Только, знаешь, операция стоит очень дорого...

У него еще хватило духу сказать: «Денег я мог бы занять сколько надо»,— но, взглянув в ее глаза, он увидел в них ужас. Тут же и у него в глазах потемнело. Он обнял ее обеими руками и сказал куда-то в пушистые Ритины волосы:

— Думаешь, я хочу, чтоб ты себя сгубила?

Она попыталась отстраниться, чтобы посмотреть ему в глаза, но он держал ее крепко и продолжал:

— Стой так, тебе будет теплее.

Ритины слезы стекали ему за ворот, и ощущение этой теплой влаги, которая тут же становилась ледяной, как-то ужасно расслабляло его.

— Мне хочется ребеночка! — выдохнула она наконец куда-то ему в шею.

— У тебя и будет ребенок. Я тебе его дал... Он твой... Будет у тебя ребенок,— говорил он, уткнувшись ей в плечо и не решаясь открыть глаза.

Она отодвинулась, но не сняла рук с его груди и смотрела на него, беззвучно шевеля губами. И тогда Уго почувствовал, как в груди у него теплеет. Он распрямился навстречу холодному ветру с реки и теперь боялся только, чтобы это тепло не исчезло и внутри у него опять не появился леденящий холодок. Он сказал:

— Ну, вот мы и договорились, а теперь иди домой. Ты совсем как ледышка.

Она опять испуганно прильнула к нему и спросила:

— Что мне дома делать?

Он отстранился, поднял ей голову, чтобы она посмотрела ему в глаза. Они теперь были ясные и твердые. Но он хотел только заставить ее слушаться.

Продолжая все так же смотреть на нее, он сказал:

— Дома ты расскажешь обо всем отцу, матери, братьям...

— Нет! — слабо вскрикнула Рита.

— Ты им скажешь, ты должна сказать еще днем, потому что вечером я приду к вам.

— Ты с ума сошел, Уго! Они тебя изобьют, изобьют до смерти!

Но он настаивал:

— Скажешь! Поклянись, что скажешь все!

Она не клялась, зубы у нее стучали.

— Сейчас я уйду,— сказал он,— но мне надо быть уверенным, что, когда пробьет четыре, они уже будут знать все. Поклянись, что скажешь!

У нее все так же стучали зубы.

— Ты должна сказать. Сказать, а потом стерпеть все, что они тебе за это сделают. Думай о вечере, когда приду я и дам слово, что женюсь на тебе. Думай о вечере, соберись с силами и скажи. Тебе будет трудно только четыре часа, а потом приду я и все самое трудное возьму на себя. Я это сделаю сегодня вечером и буду делать всю жизнь.

Тогда она опустила голову и ответила:

— Еще не знаю, как, но я скажу...

— До четырех.— Он заглянул ей в глаза и продолжал: — Но ты боишься. Боишься до смерти. Боишься, а я не хочу, чтобы ты боялась. Я хочу, чтобы ты им это сказала смело. Покажи, как ты скажешь. Ну, покажи!

Она стала тихонько плакать.

— Пошли! — позвал он и потянул ее за собой.— Пойдем вместе к тебе, и я им все скажу.

Она вырвалась и быстро стала на прежнее место.

— Они изобьют тебя до смерти. Убьют!

Он подошел и опять обнял ее.

— Не убьют. Изобьют, как никто никогда меня не бил, но не убьют. И я не позволю им тебя запугивать!

Тогда Рита сказала:

— Хорошо. Я скажу. Когда услышишь, что бьет четыре, считай, что они уже все знают.

Пятясь, она стала потихоньку отходить от него.

Он остался стоять на прежнем месте и, не спуская с нее глаз, через каждые три ее шага повторял:

— Скажи им все. И не бойся. А ты боишься. Боишься.

Подбежал к ней, обнял.

— Ты боишься. Я не хочу, чтобы ты боялась. Ты — моя жена, и я хочу, чтобы ты никогда никого не боялась. А, черт, я сам чуть не реву от злости! Я готов всех их поубивать: ведь это их ты боишься!

— Я им скажу. Боюсь ужасно, но все равно я довольна. Для отца и матери ты станешь моим мужем, и я так этим счастлива, что даже готова немного поплатиться.

Он повторил:

— Скажи им. Я приду в восемь. Вы поужинаете к восьми?

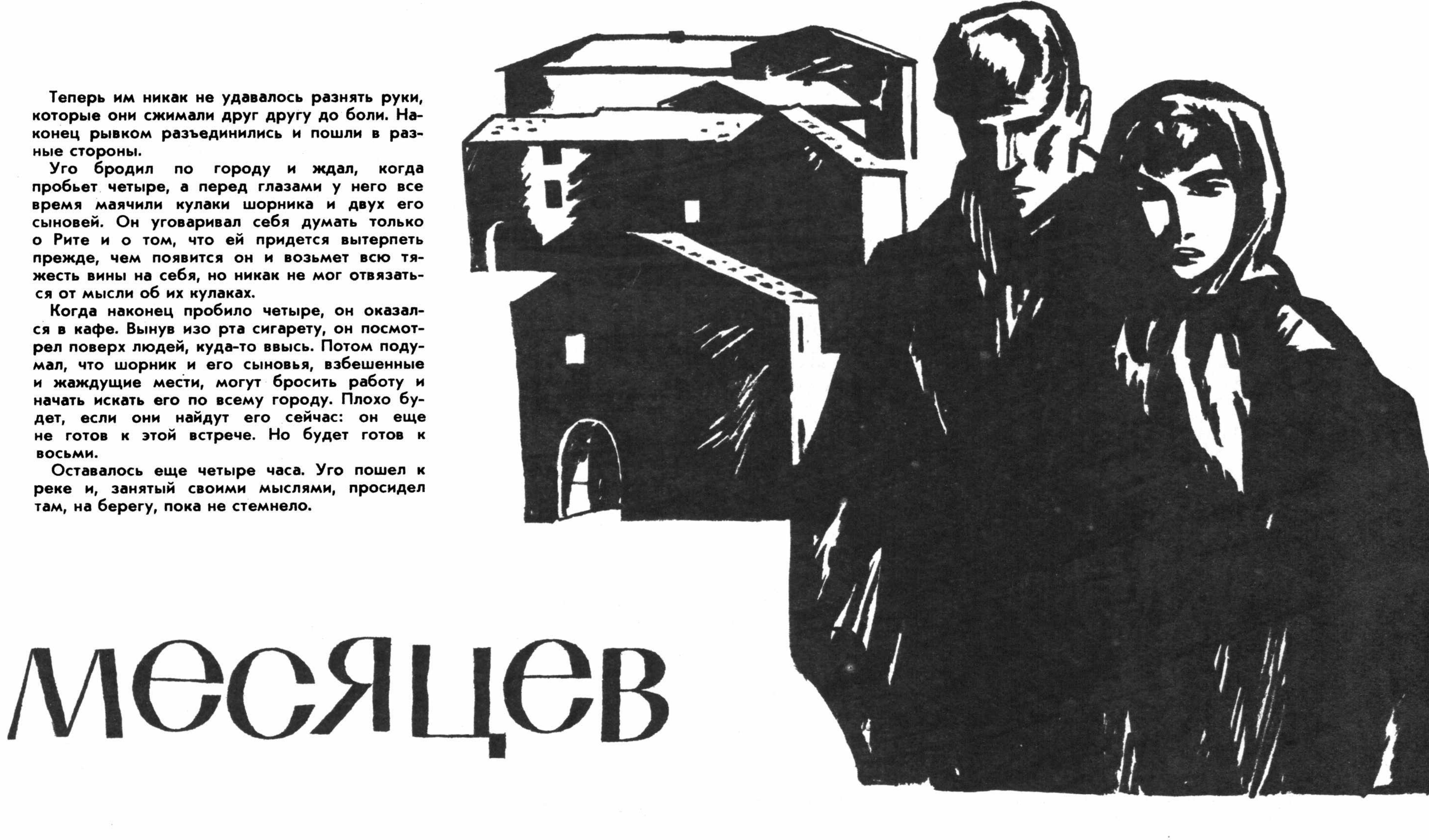
Она кивнула.

Теперь им никак не удавалось разнять руки, которые они сжимали друг другу до боли. Наконец рывком разъединились и пошли в разные стороны.

Уго бродил по городу и ждал, когда пробьет четыре, а перед глазами у него все время маячили кулаки шорника и двух его сыновей. Он уговаривал себя думать только о Рите и о том, что ей придется вытерпеть прежде, чем появится он и возьмет всю тяжесть вины на себя, но никак не мог отвязаться от мысли об их кулаках.

Когда наконец пробило четыре, он оказался в кафе. Вынув изо рта сигарету, он посмотрел поверх людей, куда-то ввысь. Потом подумал, что шорник и его сыновья, взбешенные и жаждущие мести, могут бросить работу и начать искать его по всему городу. Плохо будет, если они найдут его сейчас: он еще не готов к этой встрече. Но будет готов к восьми.

Оставалось еще четыре часа. Уго пошел к реке и, занятый своими мыслями, просидел там, на берегу, пока не стемнело.

месяцев

К своему дому он подходил, как во время войны подходили к зданию, с мыслью, не занято ли оно врагом.

Еще в коридоре и на лестнице он старался расслышать, нет ли в доме кого-нибудь, кроме отца и матери.

Войдя, он увидел накрытый стол и отца, который, сидя за ним в ожидании ужина, ласкал свою собаку.

— Видел ее? — сразу же спросила мать.

— Нет,— ответил Уго. Он еще не был готов к этому разговору, который ему, как и Рите, не сулил ничего хорошего. Он поговорит с родителями минут через двадцать, через полчаса. После ужина. А то никто и есть не станет.

И после ужина, едва мать привстала, чтобы убрать со стола, Уго начал разговор. Он увидел, как при первых же его словах мать стала очень медленно опускаться на стул. Говоря, он запинался, будто каждое слово ему нужно было выталкивать из горла.

Отец с самого начала опустил глаза и, казалось, внимательно рассматривал крошки хлеба на клеенке.

А мать принялась кричать:

— Ты рехнулся, рехнулся! Скотина! Негодяй!

И кричала, пока отец не стукнул по столу кулаком и, в свою очередь, не крикнул:

— Перестань орать, ведьма! Хочешь, чтобы весь дом знал о наших веселых делах?!

— Тогда говори ты,— не унималась мать,— скажи, какую подлость он сделал, скажи ему!

Но отец ничего не сказал.

Тогда мать, вся еще дрожа, уставилась в свою тарелку и тихо проговорила:

— Ты мог бы вспомнить о нас, стариках, прежде чем надумал рожать детей...

— Кто это «надумал»?! — вскрикнул Уго.— Вовсе я не собирался. Для меня это была неожиданность, как снег на голову! А ты говоришь «надумал»! — И он продолжал уже более спокойно: — Да это ничего и не меняет. Когда мы с Ритой поженимся и у меня будет своя семья, я буду относиться к вам по-прежнему.

Но мать только качала головой. Ей было так горько, что она даже попыталась изобразить на лице улыбку.

— Когда вокруг появляются новые люди,— сказала она,— стариков быстро забывают. Сам увидишь. С новой семьей у тебя будет столько хлопот, что ты не сможешь больше заботиться о своих родителях. И настанет день, когда ты убедишься, что для тебя лучше всего будет поместить их в богадельню.

— Не говори этого! — взорвался Уго.— Не говори о богадельне, ты сама знаешь, что это неправда, что я лучше подохну, чем допущу, чтобы вы пошли в богадельню!

У отца лицо налилось кровью, и он тоже начал кричать:

— А меня ты уже совсем ни во что не ставишь? Я заботился о тебе, когда твоего сына еще не было на свете, позабочусь и тогда, когда он будет далеко от нас. Я еще, кажется, мужчина и до сих пор обеспечивал тебя всем, что тебе требовалось!

Собака бросилась наутек, забилась в самый дальний угол и оттуда повиливала хозяевам хвостом, прося, чтобы они ее больше не пугали.

Мать по-прежнему качала головой и горестно улыбалась, но теперь помалкивала.

Тогда Уго встал с места.

— Ты куда? — спросил его отец.

— К ней домой. Меня ждут.

В страхе отец моргнул, но промолчал, только поежился на стуле, отчего тот жалобно скрипнул.

Уго взглянул на мать, она теперь стояла отвернувшись, плечи и склоненная голова были неподвижны.

Тогда он пошел в свою комнату. С минуту прислушивался, не говорят ли между собой отец и мать, но те молчали. Подошел к зеркалу, поправил волосы и, посмотрев на свое лицо, подумал о том, каким оно станет через полчаса-час. «Я мужчина»,— сказал он себе, отходя от зеркала.

Он вернулся в кухню. Мать стояла все в той же позе, видимо, даже не шевельнулась. Отец поглаживал собаку, стоявшую на задних лапах и положившую передние ему на колени. Но смотрел отец куда-то в сторону, а когда вошел Уго, он принялся разглядывать свои ноги.

Уго вздохнул, сделал движение к выходу, и тогда отец оттолкнул собаку и протянул руку за пиджаком.

— Я тоже пойду.

— Никуда ты не пойдешь! — громко сказал Уго.

Отец потянулся за кепкой. Уго продолжал:

— Я не хочу, чтобы ты шел. Я мужчина, отвечать мне, и я хочу все уладить сам, как положено мужчине.

— Я пойду тоже, не хочу, чтобы они с тобой что-нибудь сделали.

— Ничего они со мной не сделают.

— У них в доме трое мужчин, и все трое здоровые, как быки. Я пойду с тобой, ведь я тебе отец.

Уго отступил от двери.

— Если ты пойдешь, то я остаюсь дома.

Тогда его мать подняла голову, как бы просыпаясь, и сказала:

— Пусть и отец идет.— И в то время как отец, взяв Уго за плечо, потихоньку подталкивал сына к выходу, добавила: — И не давайте им мучить эту бедную девочку...

Они вышли на улицу вместе, и отец все так же держал его за плечо. Уго думал: «Я должен прийти туда один, от отца я сейчас избавлюсь. Хорош я буду, если приду к ним с папочкой! Никогда в жизни я не смогу больше почувствовать себя мужчиной».

Отец шел в ногу с ним, и они шагали, посолдатски топая по камням и по льду.

Наконец Уго сказал:

— Смотри какой холодище, тебе лучше вернуться домой.

Не отвечая, отец шел все так же рядом с ним.

На углу Ритиного дома Уго остановился. Стал перед отцом и сказал:

— Пришли. Теперь ты пойди в кафе Джорис, возьми чего-нибудь горячего и жди меня.

— Я пойду с тобой.

— Оставь меня одного, дай мне сделать все, как полагается мужчине.

— Я пойду тоже, я не хочу, чтобы они тебя искалечили, ведь их трое против тебя одного. А ты мне сын как-никак!

— Тогда я не пойду. Лучше предам Риту. Пойми же, отец, я хочу выглядеть мужчиной. Разве ты растил меня не для того, чтобы я стал мужчиной? Они увидят, что я пришел один, увидят, что я не струсил, и поймут, что я не хотел делать подлости. Понимаешь? Согласен? Так иди же и жди меня в кафе Джорис.

Отец подумал и ответил:

— Иди один. Я буду ждать тебя здесь, не двинусь с места. Но дай мне знать, если они набросятся на тебя втроем. Ну, иди и будь мужчиной.

Уго прошел темным коридором и оглянулся, чтобы увидеть, где остался отец. Тот стоял на пороге, и его фигура резко выделялась на фоне снега, освещенного уличным фонарем.

К дверям шорника он подошел — сам того не замечая — на цыпочках, бесшумно.

Дверь была закрыта неплотно, в щель проникал луч света, толкнуть ее, и она откроется. Глубоко вздохнув, он переступил порог.

В кухне было тепло и светло. Около плиты в задумчивой позе, сложив руки на животе, сидела мать Риты. Он не сразу ее увидел, с интересом разглядывая дом, где жила Рита. Осмотрел стены, даже потолок и только после этого заметил старуху. Она уже увидела его и, когда он на нее взглянул, слабым голосом позвала: «Эмилио!» — и поспешно, чуть не бегом, бросилась к двери в комнаты и исчезла за ней.

«Рита все сказала»,— подумал он. Подошел к входной двери, запер ее на ключ и вернулся на середину кухни.

Он не знал, где и как держать руки. Сверху через потолок послышалось что-то вроде поскрипывания половиц, и он, уверенный, что это шаги Риты, запертой в своей комнате, уже готов был тихонько ее позвать.

Но в этот момент вошел отец девушки, за ним двое ее братьев, а позади всех — мать. Трое мужчин были в длинных кожаных фартуках, как этого требовало их ремесло.

Уго пожелал доброго вечера старику и сказал: «Чао, Франческо, чао, Терезио» — парням.

Никто ему не ответил. Парни прислонились к стене и стояли, опустив могучие руки.

Старик шел прямо на Уго. Тот заставил себя не глядеть на его руки. «Только не на его руки!» Смотреть ему в глаза он не мог и потому смотрел на губы, но понять ничего не смог: они были наполовину прикрыты нависшими седыми усами.

Когда старик был в одном шаге от него, он взглянул ему в глаза и потому увидел взметнувшуюся слева черную тень большой руки, ударившей его по лицу. На какую-то долю секунды раньше, чем эта рука опустилась на его щеку, он успел закрыть глаза; раздалась пощечина, и черноту в его глазах сменил желтый свет. Он покачнулся, как ванька-встанька, но на ногах удержался. И первой же его мыслью было: «Я не упал!» Щека у него пылала, но он не поднял руки.

Старик отступил на два шага и теперь смотрел на Уго, как все остальные, молча. Так по крайней мере казалось Уго, потому что в ушах у него очень сильно звенело.

Но вот мать Риты прижала к груди обе руки и начала причитать на одной ноте:

— Бедная наша Рита, бедная наша Рита, бедная наша Рита, бедная наша...

— Рита не умерла, чтобы по ней так причитать! — прервал ее Уго.

Младший из братьев, Терезио, зарычав от ярости, бросился на Уго с кулаками. Тот не уклонился, но Терезио все равно промахнулся, и его кулак только слегка задел скулу Уго и скользнул по плечу. Терезио взревел еще яростнее и, развернувшись, ударил Уго в правый бок.

Уго раскрыл рот, чтобы крикнуть, но дыхание у него начисто перехватило.

Во входную дверь кто-то постучал. Уго услышал стук, сделал над собой усилие и, набрав в грудь воздуха, сказал:

— Не открывайте, это мой отец!

Никто в кухне не шевельнулся, и отец Уго начал стучать еще сильнее.

— Все в порядке! — крикнул тогда отцу Уго.— Мы разговариваем. Иди в кафе и жди меня.

И отец перестал стучать.

В этот момент в кухню вошла младшая сестра Риты. Франческо крикнул на нее, велев ей убираться, а мать добавила:

— Иди и стыдись: вместо того, чтобы быть все время с сестрой, ты оставляла их одних.

— Я не думала, что они сделают что-нибудь плохое! — всхлипнула девушка, уходя.

Тут лицо Франческо покрылось красными пятнами, он решительно шагнул к Уго, смерил его с головы до ног взглядом и со всей силы ударил кулаком в лицо. Тот отлетел назад и ударился спиной об угол стола. Поднялся на ноги, сквозь онемевшие зубы втянул в себя воздух и сказал:

— Вы, конечно, в своем праве, но теперь — хватит. Давайте поговорим. Я пришел дать вам слово, что беру за себя Риту. Вам я говорю это сейчас, а Рите обещал еще прошлой осенью. Значит, дело только за вашим согласием, после чего вы разрешите мне уйти.

Как бы подсказывая отцу, Франческо проворчал:

— Меньше всего на свете мы хотели бы принять в свою семью такого типа, как ты.

И отец подтвердил:

— Мы мечтали совсем о другом муже для Риты, считали, что она заслуживает не такого, как ты. Но мы все в ней ошиблись. И теперь нам остается только примириться с тобой, какой ты ни есть. Пусть Рита выходит за того, кого заслужила.

Мать сказала:

— Теперь Рита может выйти только за тебя. Появись какой хороший парень, я сама покажу ему от ворот поворот.

— Когда ты женишься? — спросил старик.

— Будущей осенью.

Мать в испуге прикрыла рот ладошкой.

— Но к осени... ребеночек... Рита его уже купит!

— Ты женишься гораздо раньше,— заявил старик.

— Еще в этом месяце! — подтвердил Франческо.

Уго отрицательно покачал головой. Франческо, выругавшись, сжал кулаки.

— А в чем дело? — спросил старик.

— Раньше осени не могу жениться, нет у меня такой возможности. Но если вам зазорно держать Риту в своем доме — только скажите! Я хоть сейчас отведу ее к своей матери. Будет жить у нас, но до осени не станет моей женой. Говорите теперь вы.

Вместо ответа Терезио вдруг начал вопить и рыдать. Согнувшись вдвое и засунув себе пальцы в рот, он всхлипывал и причитал:

— Не хочу, чтобы Рита от нас уходила, чтобы она нас оставила, плевать нам на людей!.. Мы набьем морду каждому, кто скажет о ней плохое, только не надо, чтобы моя сестренка так уходила от нас!

Так же внезапно он замолк, и все смотрели на него, как он стоит с открытым ртом, с руками, покрытыми пеной, и упавшими на глаза волосами, словно полоумный. Старший брат подошел и похлопал его своей ручищей по спине.

— Мне можно ее видеть? — спросил после паузы Уго.

— Нет! — крикнул старик.

— Вы не показываете мне Риту потому, что ее избили? — Уго немного шепелявил из-за того, что один передний зуб у него теперь качался.

Терезио опять начал кричать и плакать:

— Не-е-т! Мы не били ее, ничего ей не сделали... Мы пальцем не могли шевельнуть... у нас вся кровь от сердца отхлынула, когда она нам сказала...

Он дико вскрикнул, мать подбежала к нему и заткнула ему рот, прижав его голову к своей груди.

Старик сказал с угрозой:

— Не воображай теперь, когда мы вынуждены были решить то, что решили, не воображай, что можешь приходить к нам, когда вздумается. Риту ты будешь видеть раз в неделю, по воскресеньям. Здесь, в моем доме, в присутствии матери и никак не больше часа.

Уго склонил голову.

Около Ритиного дома его ждал отец. Он быстро пошел навстречу сыну, чтобы посмотреть на него, прежде чем тот выйдет из круга света от уличного фонаря.

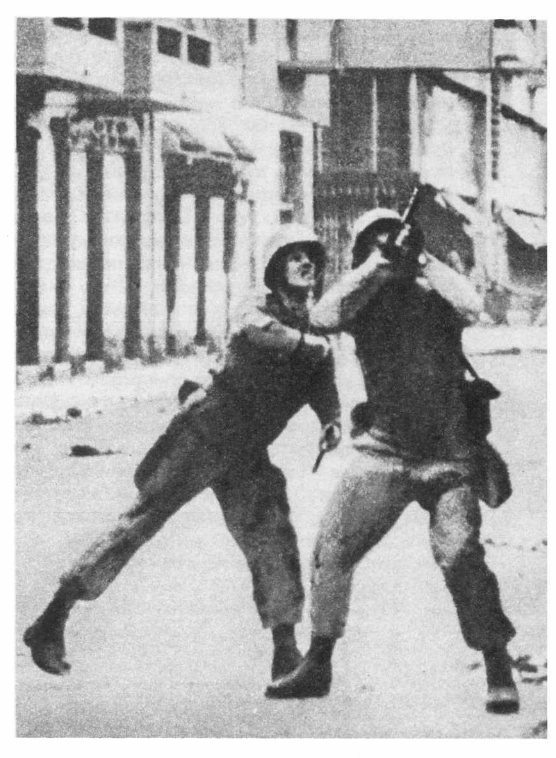
Уго беззвучно смеялся. Не останавливаясь, он оттолкнул отца подальше от света.

— Отец!

— Ну?

— Считай, что Рита — твоя невестка.

Перевел с итальянского С. Токаревич.

Янки в Санто-Доминго.

«КОНС

Вл. ЖУКОВ, В. ЛИСТОВ

Ночью 5 сентября к доминиканскому диктатору Вессину явились военный атташе Соединенных Штатов в Санто-Доминго подполковник Джо Уирик и сотрудник Центрального разведывательного управления Дэвид Филипс. Они заявили ошеломленному генералу, что он должен покинуть страну, и предложили ему пятьдесят тысяч долларов «отступного». Но Вессин отверг это предложение.

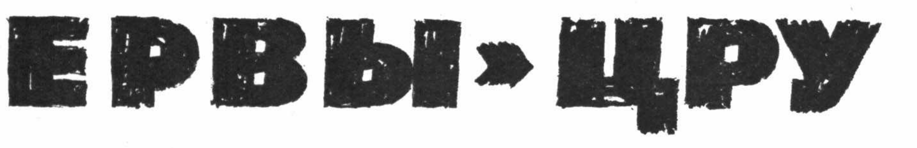
Тогда в Вашингтоне решили применить «крайние меры». 9 сентября вечером взбунтовавшуюся марионетку под вооруженной охраной доставили на аэродром, посадили в американский военный вертолет и под конвоем отправили в Пуэрто-Рико.

Подобные «силовые приемы» в отношении своего верного слуги не являются чем-то из ряда вон выходящим для американской политики в Доминиканской Республике. За неделю до выдворения генерала Вессина Центральное разведывательное управление США вынудило «уйти в отставку» дру-

Четыре года назад на пустынном участке шоссе, ведущего из Санто-Доминго в небольшой провинциальный городок Сан-Кристобаль, прогремели автоматные очереди. Мчавшийся по шоссе «шевроле» завилял по асфальту и остановился, изрешеченный пулями. Шофер и пассажир — пожилой господин с высшими знаками отличия доминиканской армии — были убиты. Так закончил свою жизнь Рафаэль Леонидас Трухильо Молина, носивший официальный титул «Его Превосходительство Генералиссимус, Доктор, Почетный Президент Доминиканской Республики, Благодетель Отечества, Отец Новой Нации, Восстановитель Финансовой Независимости».

Американская печать не замедлила обвинить в организации убийства Трухильо «левые под-

«Благодетель Отечества» Трухильо с другом Ричардом Никсоном.

гую свою марионетку в Санто-Доминго — главу «военно-гражданской хунты» генерала Антонио Имберта.

Мавры сделали свое дело — мавры могут уйти. Пытаясь сохранить свое господство в Доминиканской Республике, империализм янки не только свергает неугодные ему правительства, но и хладнокровно списывает в расход марионеток, когда те перестают ему быть полезными.

Политику США на международной арене вообще характеризуют такая жестокость, цинизм и коварство, которым трудно подыскать параллель. Вот почему официальная американская пропаганда встретила в штыки предложение Советского Союза на нынешней сессии ООН «О недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета».

Сегодня мы публикуем документальный рассказ о том, как агенты США орудуют в странах Латинской Америки.

рывные элементы». Однако очень скоро шумиха улеглась, ибо выяснилось, что убийство Трухильо было подготовлено и осуществлено не кем иным, как Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов.

Что же произошло? Почему американские империалисты решили отрубить голову курице, которая на протяжении тридцати с лишним лет несла им золотые яйца? Парадокс объясняется просто: к этому времени Трухильо стал обузой для Соединенных Штатов.

Влекомый неуемной жаждой стяжательства, доминиканский диктатор поставил финансы и всю экономику страны на грань краха. В последние годы своего правления он владел в Доминиканской Республике практически всем, что оставалось после американских монополий. Ему принадлежали монополии на прессу, на продажу пива, на распределение молока и соли, на убой скота, монополии на воздушный транспорт, цемент и бетон, табак и обувь, на радио и телевидение, национальную лотерею и т. п. Трухильо возглавлял страховую компанию, услугами которой обязаны были пользоваться все доминиканцы. В его распоряжении находилась треть всех обрабатываемых площадей и внешняя торговля. Ирригацию его земель обеспечивало государство, армия обслуживала его транспорт. Помимо шестидесяти тысяч доминиканцев, работавших на него по найму, на его плантациях трудились десятки тысяч заключенных. Но и этого ему казалось мало. Он беспрестанно «округлял» свои владения за счет сгона с земли крестьянских семей.

Однако в последний год своей жизни Трухильо совершил ошибку, которую не должен был совершать слуга по отношению к хозяину. Он позарился на господское добро. В 1960 году принял декрет, по которому все действующие в Доминиканской Республике фирмы должны были уплачивать ему лично половину всей получаемой ими иностранной валюты. Действие этого декрета было распространено и на североамериканские компании. Это-то и обусловило изменение их прежде благожелательного отношения к Трухильо.

С другой стороны, в стране назревал социальный взрыв, который мог уничтожить не только режим Трухильо, но и серьезно ударить по позициям монополий Соединенных Штатов.

Организация убийства Трухильо оказалась, по признаниям американской печати, делом нелегким даже для экспертов Центрального разведывательного управления. За годы своего правления диктатор сумел создать разветвленнейшую систему сыска и слежки за всеми доминиканцами, начиная от собственных министров и кончая простыми арендаторами и батраками.

На протяжении целых двух лет после убийства Трухильо детали этой хитросплетенной операции хранились в строжайшем секрете. Однако в апреле 1963 года американский журнал «Нью рипаблик» опубликовал на своих страницах статью, приподнявшую завесу над тем, как было подготовлено и осуществлено убийство доминиканского диктатора. При этом журнал подчеркнул, что автор статьи, скрывшийся под псевдонимом Норман Гэсс, неоднократно бывал в Санто-Доминго и имел непосредственное отношение к некоторым из разыгравшихся там событий.

Центральными фигурами заговора были американский консул в Санто-Доминго Генри Дирборн и его главный политический советник Джон Бэрфилд. Действуя через третьего американца, Лоренцо Берри, владевшего в доминиканской столице одним из крупнейших универсальных магазинов, американские дипломаты прежде всего начали подыскивать людей, которые могли бы осуществить задуманный террористический акт. Взор американской разведки остановился на малоизвестном тогда губернаторе провинции Пуэрто-Плата Антонио Имберте. В прошлом управляющий цементным заводом, он обладал безудержным политическим честолюбием и ради осуществления своих планов был готов служить хоть самому дьяволу. Имберт, не колеблясь, принял предложение возглавить заговор против Трухильо. Вскоре в число заговорщиков было вовлечено еще несколько человек, в том числе мэр Санто-Доминго Луис Амиама и бригадный генерал Хуан Томас Диас, уволенный диктатором из армии и обуреваемый жаждой мщения. Остальные участники террористической группы были подобраны самим Диасом из числа таких же, как он, озлобленных доминиканских офицеров.

Когда террористическая группа была сколочена, встал вопрос: где достать оружие? Попытки раздобыть его в самой Доминиканской Республике не увенчались успехом. Не смог помочь даже военный министр генерал Хосе Рене Роман Фернандес, посвященный в детали заговора. И тогда американская разведка решается на необычный шаг: в конце 1960 года ее агенты начинают контрабандой переправлять оружие из Соединенных Штатов в Санто-Доминго. Оно посылалось по частям на адрес универсального магазина Лоренцо Берри во внешне ничем не примечательных консервных банках. Только глаз посвященного мог отыскать на них еле приметный условный знак. Транспортировка оружия заняла несколько месяцев. В середине апреля 1961 года Лоренцо Берри получил последнюю партию «консервов» ЦРУ. К убийству Трухильо все было готово.

Вечером 30 мая Трухильо вместе с телохранителем-шофером Сокарро де ла Крусом выехал из дома своей матери в Санто-Доминго и направился в расположенную под Сан-Кристобалем виллу «Фундасьон». За автомобилем не следовало никакой охраны, на что были свои причины: 69-летний диктатор, глава огромной семьи, спешил на свидание к своей 20-летней любовнице Моне Санчес, и ему не хотелось иметь лишних свидетелей своих похождений. Но Рафаэль Трухильо не доехал до Моны Санчес. На полпути между столицей и виллой «Фундасьон» его автомобиль догнали две другие машины. Вслед за резким визгом тормозов раздались еще более резкие хлопки автоматных выстрелов.

О финале «операции» рассказал позднее корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» сам глава террористической группы Антонио Имберт. Вот его рассказ:

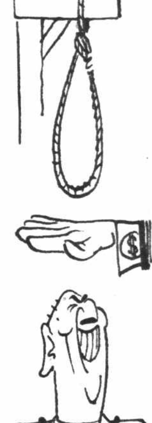
— Все четверо, находившиеся в нашей машине, бросились на землю и поползли вперед. Раненный в левое плечо Трухильо стоял на дороге перед своим автомобилем. Я находился от него приблизительно в десяти метрах. Я поднял свой «кольт» сорок пятого калибра и дважды выстрелил. Одна пуля попала ему в подбородок, другая — в грудь. Он упал и уже больше не двигался.

Любопытная деталь: позднее на теле Трухильо было обнаружено не три пулевых ранения, а двадцать семь. Видимо, на всякий случай террористы разрядили свои автоматы в уже мертвого диктатора.

Первая часть заговора была выполнена. Что же касается второй его части, то здесь произошла заминка, нарушившая планы заговорщиков. Предполагалось, что одновременно с убийством диктатора генерал Роман Фернандес под благовидным предлогом вызовет членов семьи Трухильо и его приближенных в крепость Осама и немедленно их там расстреляет. Однако незадолго до своего отъезда из Санто-Доминго Трухильо послал Фернандеса на военную базу Сан-Исидро, и тот не успел вернуться в Санто-Доминго к назначенному сроку.

На следующий день опомнившиеся трухильевцы предприняли экстренные ответные меры. В вакханалии карательных экзеку-

(Окончание см. на стр. 26.)

Нутетеин—певец родного берега.

Песня родного берега

Юрий РЫТХЭУ

Вертолет летит над скалами мыса Дежнева. В иллюминатор видно сразу два океана: справа—Тихий, слева — Ледовитый.

Напротив меня сидит знаменитый эскимосский певец и танцор Нутетеин. На его коленях лежит завернутый в брезентовый чехол бубен. Нутетеин возвращается из Москвы. Он не смотрит на землю. Эти места он знает так, что может пройти по ним с завязанными глазами. Лишь раз взглянул на крутые прибрежные скалы, в расщелинах которых виднелись старые, покинутые жилища. Это Наукан — старинное эскимосское селение, родина Нутетеина и его сородичей. В глазах певца мелькнула тень, дрогнули губы.

Несколько лет назад на мой наивный вопрос, какая песня у него самая любимая, Нутетеин коротко ответил: родина.

Я не понял его, но почувствовал справедливость его ответа тогда, когда после долгого отсутствия посетил родной Уэлен и ощутил где-то в сокровенных глубинах души чувства, для выражения которых бессильны любые слова, и только музыка могла отразить и радость, и смятение, и что-то еще такое, что является очень дорогим для человека.

Я сидел напротив Нутетеина и держал на коленях портативную пишущую машинку, а он поддерживал руками зачехленный бубен и что-то думал свое, словно слушал свою песню-родину.

Вертолет летел в Уэлен, древнейшее чукотское селение, расположенное недалеко от мыса Дежнева. Там нынче и живет Нутетеин.

...Несколько лет назад эскимосы Наукана, живущие на крутом берегу Берингова пролива, переселились в Нунямо, чукотское селение, расположенное у входа в залив Лаврентия. Объяснялось это тем, что в Наукане невозможно было строить настоящие благоустроенные жилища. Представьте себе почти отвесную скалу, крутые тропинки, часто покрытые льдом. В ту пору, когда байдары морских охотников двигались силой человеческих мускулов, выбор места был вполне оправдан: люди селились поближе к тому месту, где проходили пути морского зверя, и, будь у них возможность, они устроились бы прямо на воде, на моржовой тропе. Летом так и случалось: охотники дневали и ночевали на вельботах и байдарах, вознаграждая себя за долгие голодные зимние месяцы.

Науканский житель с самого рождения видел море. Оно открывалось с порога хижины раньше, чем в поле зрения попадало небо и угрюмые, черные скалы. Море кормило и одевало человека. Море приносило ему вести о жизни сородичей на островах пролива и на другом, американском, берегу, синие горы которого были хорошо видны в ясную погоду.

Морские ветры напевали эскимосу свои песни. Удары волн отмеряли ритм. Поэтому нынче, когда слушаешь песни Нутетеина, чувствуешь на губах соленый ветер, а бубен бьет, как море о скалы.

Я шел притихшей улицей поселка Лаврентия. Вдруг послышалось что-то родное, далекое и полузабытое. Я не различал ни слов, ни напева. Звуки доносились из большого здания, которого не было в прошлый мой приезд. Это новый Дом культуры самого дальнего в нашей стране Чукотского района.

Шел концерт. Нутетеин исполнял танец, знакомый мне еще с детства,— «Чайка борется с ветром». Этому танцу, кажется, столько же лет, сколько народам, поселившимся на стыке двух великих материков еще в глубокой древности. А мелодия такая же седая, как горы, вставшие над двумя океанами. Людям, которые смотрели и слушали Нутетеина, были знакомы и смятение, и борьба, и постоянное стремление достигнуть желанного берега. Удары бубнов отсекали от времени отрезки, дробя жизнь на куски, на порции счастья, на периоды горя и радостей, трудностей и удач. Ветер застиг чайку в открытом море. Он с торжествующим воем подхватил птицу, смял ей крылья, понес в кипящую даль. Оглушенная внезапным ударом, чайка в первую минуту поддается буре. Но вот крылья обретают силу, глаза находят далекую, родную синюю дымку берега. И начинается борьба.

Несколько минут тому назад на сцену вышел старик. Немного погрузневший под бременем возраста, усталый от долгого путешествия, слегка растерянный от обилия впечатлений. Словом, на сцену районного Дома культуры вышел просто Нутетеин. Но это было всего несколько минут назад. Теперь перед нами воплощенный образ борьбы вольнолюбивой птицы со слепым натиском стихии. И чайка выходит победительницей в борьбе с ветром и достигает спасительной тени прибрежных скал.

Я видел этот танец Нутетеина много раз.

Помню, я еще мальчишкой видел встречи жителей двух соседних селений — Уэлена и Наукана. Они устраивали соревнования в песнях и танцах в периоды затишья промыслового сезона. На берегу уэленской косы выстраивались в ряд байдары и вельботы. Приплывали и американские сородичи, поражая азиатских соплеменников пестротой одежды и огромными солнцезащитными пластмассовыми козырьками.

Основные соперники, признанные таланты, показывали свое искусство у священных камней. Особенно отличались уэленский охотник Атык и эскимос Нутетеин. По неписаным правилам, каждый год сочинялись и исполнялись новые песни и танцы. Повторение прошлогоднего репертуара было равносильно добровольному признанию своего поражения. И надо было создать действительно непревзойденное доселе произведение, чтобы заслужить у искушенных зрителей требование показать еще раз песню-танец. Такой песней-танцем и стала «Чайка» Нутетеина, которая, как и подобает подлинному классическому произведению, выдержала испытание временем, вошла в репертуар коллективов художественной самодеятельности.

Однажды, давно, я приехал в Наукан и удивился людям, живущим на уровне птичьего полета. Их жилища походили на гнезда кайр: они теснились на скалах высоко над проливом. Тут был простор ветру, и не удивительно, что науканцы отличаются музыкальностью.

Нутетеин танцевал свой танец, и настоящий морской ветер поддерживал его широко раскинутые руки-крылья, подпевал ему. Над Беринговым проливом кричали чайки. А люди не могли отвести глаз, потому что видели себя и свою жизнь в танце.

Нутетеин родился в то время, когда в Наукан уже приплывали китобойные шхуны, эскимосов на-

Северное свидание. Все океаны, даже Ледовитый, не могут жить без рек.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Плывут золотые корабли.

Вертолетом оленей уже не удивишь. Они даже находят в этой рогатой машине что-то родственное.

Прекрасное всегда рядом с ним. Даже если Вуквун просто идет на охоту. Надо только остановиться на миг.

Когда солнце день и ночь—трудно уснуть.

Двенадцать лет на Чукотке. Свыше 5 700 налетанных часов у фельдшера санитарной авиации Валентины Семиной.

Начало морских дорог Магаданской области. Чукотка, Камчатка, Дальний Восток, Колыма — ближайшие маршруты кораблей, уходящих и прибывающих в бухту Нагаева.

Им зажигать созвездие ярких огней новых приисков, северных городов, прокладывать дороги, строить мощные электростанции.

А сегодня пока еще горят три свечки на столе топографа Владимира Бережного.

На грани ночи и дня мелькнет китовый фонтан, и наступающий день улыбнется удачей морскому охотнику.

нимали палубными матросами и гарпунерами. Проходило лето, и поздней осенью на берег сходил изможденный, плюющий кровью человек; он вываливал перед изумленными земляками богатства, которые он заработал: помятый граммофон, несколько плиток жевательного табаку, пару рваных рубашек и брезентовую непромокаемую шляпу с широкими полями. Следующей весной, похоронив старшего брата, младший поднимался на палубу двухмачтового китобойца и отправлялся в погоню за счастьем.

Так продолжалось из года в год. На скалистые, голые берега, исполосованные птичьим пометом, высаживались белые люди и вгоняли в скалу дом, чтобы быть поближе к пушнине, к моржовым клыкам, к гибкому китовому усу. Они завязывали дружбу с зажиточными людьми Наукана и Уэлена, а те уж обзаводились крепкими деревянными вельботами и рульмоторами и, как хозяева, нанимали своих же соплеменников.

Все эти события отражались в песнях и танцах Нутетеина. Он высмеивал алчность новоявленных богачей, их неумелое подражание обычаям белых людей, готовность поступиться освященными веками обычаями ради того, чтобы угодить торговцу. А сам певец жил жизнью своего народа, теми же заботами и печалями. Весенним непрерывным днем он выходил с товарищами в пролив на морские звериные тропы, подстерегал моржа и вонзал гарпун в черную мокрую кожу. Вместе с друзьями он наполнял радостью мир, когда удавалось добыть кита — целую гору мяса и жира, неистощимый источник сытости, жизни.

Медленно двигались байдары и вельботы к берегу, таща на буксире убитого кита. Зеленая вода просвечивала далеко вглубь, и длинное тело кита было хорошо и отчетливо видно.

На берегу ждала толпа женщин, детей и стариков. Они уже знали об удаче, радовались вместе с охотниками и точили огромные ножи, чтобы сразу же приступить к разделке китовой туши.

Но какая может быть радость без песни? Пока вельботы и байдары шли к берегу, в груди у Нутетеина уже зрела новая песня-танец. Это был гимн отваге и мужеству человека, вышедшего на единоборство с морским великаном.

Нутетеин пел, обратя лицо к морскому простору, а гром бубна в его руках спорил с грохотом волн. Он пел о том, что нет границ человеческой дерзости и если люди соединили усилия своих рук воедино, то сила эта способна победить не только морского великана, но и целый океан.

Жизнь на берегу пролива была нелегка. И сюда доходил частый гость чукотских и эскимосских селений — неумолимый голод. Он закрывал полыньи и разводья толстым ледяным покровом, уносил детишек и стариков, а потом и мужчин. Почему-то именно в эти трудные времена торговцы вдруг начинали усердно собирать долги или уезжали на свой берег, повесив на двери лавок большие железные замки, похожие на капканы.

Шли годы. Людей умирало больше, чем рождалось. Мудрецы искали объяснения печальному обстоятельству у «покровителей жизни». А к родному берегу причаливали чужие лодки, заполненные веселыми светловолосыми людьми. Они привозили горькую радость в зеленых бутылках и щедро делились ею с обитателями скалистого обрыва, беря взамен пушнину, моржовые клыки и гибкий китовый ус.

Но однажды на берег сошли люди, непохожие на тех, кто приезжал из года в год. У них не было ни дурной веселящей воды, ни жевательного табаку, ни винчестеров. Но самые влиятельные и могущественные хозяева лавок и вельботов боялись их и шепотом передавали друг другу новость о том, что это и есть те самые большевики, которые свалили Солнечного владыку — российского царя.

— Мы — Советская власть,— сказали новые пришельцы.

Следом приехала учительница и заявила, что будет обучать грамоте детей и тех взрослых, кто пожелает этого. Нутетеин узнавал эти новости и дивился: он был убежден, что способность читать и писать — это природные свойства белого человека, как его белая кожа и светлые волосы. Молоденькая учительница сначала сама выучилась эскимосскому языку, потом стала учить детей, которые, на удивление родителям, довольно быстро постигали сказочное умение различать мелкие следы человеческой речи на бумаге.

Чудеса заполнили жизнь людей, которые впервые почувствовали себя хозяевами жизни, творцами будущего. Организовалось первое товарищеское объединение по совместной добыче морского зверя. А когда встал вопрос о том, как его назвать, все в один голос сказали: «Ленинский путь!»

Из года в год богател колхоз. Выстроили новую школу. Здание пришлось возводить на огромной высоте, на крутом, скалистом склоне, на уровне птичьих гнезд.

Уезжали учиться в Анадырь первые выпускники эскимосской семилетней школы. Парни и девушки пели не только свои, но и русские песни, рожденные на далеких больших просторах. Эти песни пришлись по душе жителям Наукана, и Нутетеин любил подпевать новому патефону, который по выносливости мог оставить далеко позади любого самого неутомимого певца — знай крути ручку.

Вдруг началась война. Она шла очень далеко от мыса Дежнева, но люди всей Советской страны уже жили одной семьей, и боль далеких соотечественников отзывалась в сердцах эскимосов и чукчей Берингова пролива. На осеннем празднестве Нутетеин пел гневные песни и сравнивал фашизм со зловонным, грязным потоком, а Гитлера — с волком, вскормленным ненавистью к человеку. Охотники сдавали пушнину в фонд обороны, женщины шили теплые меховые жилеты, рукавицы, оленеводы пригоняли на побережье стада и отдавали их для фронта. И когда пришла весть о победе над фашистской Германией, радости людей не было границ. Это была победа их большой и сильной страны, их победа. Жители самого дальнего в Советской стране селения еще раз, может быть, наиболее полно ощутили себя неотъемлемой частью социалистического государства, полноправными его представителями на дальнем востоке.

В первые годы после войны на азиатский берег приезжали в гости американские сородичи. И хотя язык людей был один, все же часто было так, что люди не понимали друг друга. Не понимали люди другого берега и песен, которые пел Нутетеин и другие певцы. Не понимали они и Утоюка, председателя колхоза, председателя сельского Совета Кэлы, молодых людей, получивших образование в школе и в высших учебных заведениях.

На Чукотке сносились ветхие яранги. Люди селились в домах и смотрели в широкие окна на море и тундровый простор. Нелегко было иным покидать древнее родовое жилище, ломать вековой уклад. Но будущее требовало жертв.

Менялся облик чукотских стойбищ, и лишь Наукан оставался прежним. Каждый год председатель сельского Совета составлял отчет о наличном составе населения и к установленному образцу прибавлял графу, куда заносил погибших на скользких тропах селения, унесенных ветром в море, сорванных ураганом с порога собственного дома.

Кайра может жить в каменной расщелине, человек жить в расщелине не может. Так решили старики Наукана, потому что видели: молодежь перестала возвращаться в родное селение, предпочитая после школы селиться в благоустроенных поселках с электричеством и радио, с большим, просторным клубом.

Нутетеин сочинил песню «Прощание с Науканом». Это был грустный напев, потому что люди покидали древнюю, обжитую землю. Вельботы, нагруженные домашним скарбом, делали несколько кругов на виду у покинутого селения, как будто никак не могли взять курс на мыс Нунямо, куда переезжали эскимосы Берингова пролива. Плакали навзрыд женщины, ревели детишки, не могли сдержать слез и мужчины. Выли собаки...

Нунямцы радушно встретили науканцев. Они им отдали все дома, которые возводились в этом году. А люди бродили как потерянные, стояли молча у воды и смотрели на морскую гладь, где за блестящим простором осталось родное, привычное, свое...

И вдруг они услышали напев и рокотание бубна. Ведь такое бывало только в родном, покинутом селении! Значит, песня приехала вместе с ними! Песня-родина. Она словно принесла вместе с напевом знакомый запах морского ветра, смешавшийся с тонким ароматом зеленых мхов, наросших на скалы. Струи воздуха посвистывают в расщелинах скал, звенят в тугую натянутых для просушки лахтачьих ремнях, а бубен бьет, как морской прибой, подчеркивая значительность размышлений о жизни, о прошлом, о будущем.

Потеплели глаза людей, обратились к новому месту поселения — значит, и тут родина, если вместе с ними пришла песня.

И все-таки трудно привыкали эскимосы Наукана к новому месту. Иные, не выдержав разлуки с родными скалами, переселились поближе к Наукану, в Уэлен, древнее селение, с жителями которого они издавна связаны родственными узами.

Нутетеину много пришлось работать в эти годы. Люди всюду хотели видеть его танцы, учились у него мастерству. Некоторое время Нутетеин занимал должность методиста окружного Дома народного творчества и жил в Анадыре. Домик стоял на берегу моря, а хозяин его, стараясь скрыть смущение перед неожиданными гостями, шутил:

— Живу, как студент. Мебель не успел купить.

А вечером после обильного чаепития он признавался:

— Не могу здесь жить. Привык я быть там, где люди. А тут... Люди вместо охотничьего снаряжения несут много бумаги. Да и у ветра здешнего нет чистоты звука. Много посторонних шумов. Мелодии нет. Буду проситься обратно. Как ты думаешь, отпустят?

Нутетеин захворал, как он сам объяснил, «от недостатка привычных движений» и переселился в Уэлен.

Случалось так, что мои поездки всегда пересекались с путями Нутетеина. Однажды мы встретились с ним в гостинице на берегу Анадырского лимана. Мы летели на празднование тридцатилетия Чукотского национального округа. Проделали тысячи километров пути, и, когда до цели оставалось меньше десятка, задула такая пурга, что прогулка в соседний дом, в столовую, представляла известную трудность даже для людей, родившихся и проживших значительную часть своей жизни под вой пурги и снежного урагана.

И все же в назначенное время зарокотал бубен в руках у Нутетеина, бросая вызов грохоту бури. Лучи ярких юпитеров били в тугую натянутую моржовую кожу, высвечивая вдохновенное лицо певца. Нутетеин пел о счастье народа, нашедшего настоящую жизнь, достойную настоящих людей, пел о делах своих земляков — морских охотников, звероводов, неутомимых пастухов, охраняющих многочисленные стада.

Люди, живущие вдали от Берингова пролива, узнали его песни и танцы. Нутетеину приходится много ездить. Он консультирует коллективы художественной самодеятельности, композиторов, фольклористов, ученых. Часто бывает в Анадыре, Магадане, Хабаровске. Дважды ездил в Москву.

Он и сейчас вот возвращался из столицы после концерта в Кремлевском Дворце съездов. Мы провели несколько дней в районном центре, в поселке Лаврентия, ожидая хорошей погоды, чтобы полететь в Уэлен. Нутетеин был переполнен впечатлениями о поездке в Москву.

— Когда я вышел на сцену,— взволнованно рассказывал Нутетеин,— мне показалось, что я вышел на берег океана. Передо мной было столько людей! Их приглушенный говор был подобен вечному дыханию моря. Зрители ждали от нас песни и танца. Вместе со мной волновались и мои товарищи. Прежде, чем грянул гром бубна, я успел шепнуть им: «Вспомните сейчас нашу родину!..» Я много ходил по улицам Москвы. Ноги уставали от долгого прикосновения к камням, но в душе было столько любопытства, что я не обращал внимания на усталость. Раньше мне не нравился ветер, в котором есть посторонний шум. Но если это голос людей, если это шум человеческих дел, то он должен быть отражен в песне. Я так теперь думаю,— задумчиво заключил Нутетеин.

...А навстречу нашему вертолету уже мчался занесенный снегами Уэлен.

Л. ОСИПОВА
Фото Е. УМНОВА.

На этом концерте было чему удивляться. В зрительном зале сидели известные балерины, танцовщики-педагоги, музыканты... Они делали какие-то пометки в записных книжках, деловито переговаривались. На сцене же хозяйничали мальчишки и девчонки. Правда, такими они казались до первых тактов музыки, пока толкались в узких закулисных проходах и знакомились: «А у нас в Вильнюсе!..», «А у нас в Ленинграде!..», «А у нас...».

Но вот дирижер поднял палочку. Звуки музыки Глиэра будто выплеснули белые цветы-пачки. Какая точность профессиональных движений, какая уверенность и красота пластического рисунка!

Сидящая в зале рядом с нами балерина и педагог Евгения Фарманянц говорит:

— Это ребята из Московского хореографического училища. С ними занимаются Головкина, Мессерер, Кириллова, Литавкина... А ставил танец Лавровский.

...Со всех концов Советского Союза, из всех балетных школ педагоги приехали в Москву со своими воспитанниками. Отчитываться, учиться, спорить. И вот просмотрены десятки номеров, обсуждены сложнейшие проблемы развития балета. Нет, вы еще смотрите, смотрите на сцену!..

На сцене — ребятишки из Перми. Совсем крохотные. Второй и третий класс училища. Так лихо, с таким задором и простодушным юмором прошлись они полечкой «В новых башмачках», что зал не выдержал, шумно зааплодировал.

— Вот это свежесть! Вот новое понимание народного танца!

— Вы обратили внимание на девчушку, которая солировала?

По сцене в бешеном темпе понеслись черные охотники и коричневый олень — учащиеся Тбилисского хореографического училища. Теперь в зале заговорили о том новом, что вносит в балетную практику Чабукиани. «Олень и охотники» — это его постановка, удивляющая соединением глубоко национального колорита и вполне современного пластического языка...

Танцуют ребята из совсем молодых балетных школ Алма-Аты, Новосибирска, Воронежа. И у всех что-то свое...

Мелькают маленькие ножки. В зрительном зале шуршат блокноты. Смотрят на свою смену те, кто отдал искусству весь свой талант и душевный мир. И думают: «Сумеют ли эти маленькие ножки протоптать в русском балете новые дороги и тропинки?..»

Кажется, сумеют.

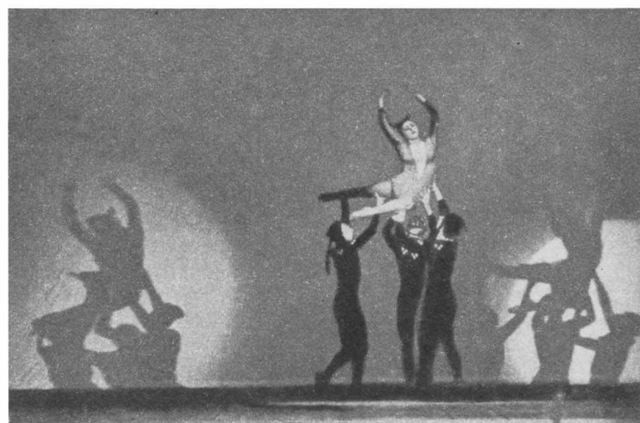
Из Алма-Аты привезли на смотр танец «Качели».

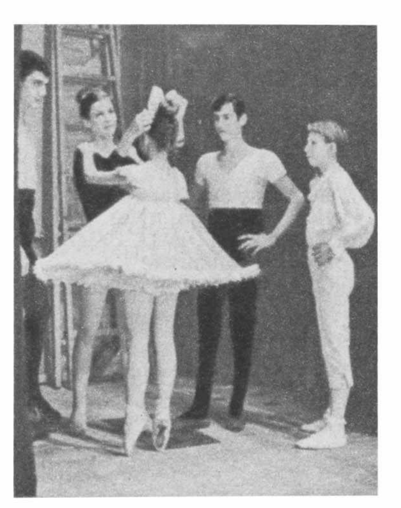
«Вальс» Чайковского исполняют ученики Московского хореографического училища.

Это танец маленьких пермячек.

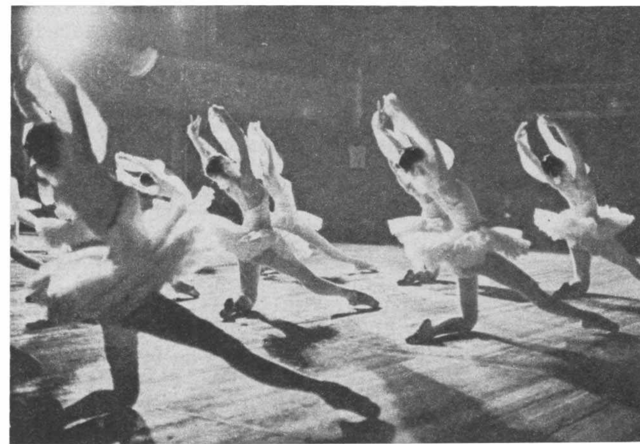

Ранен олень, изнемогает в борьбе с охотниками. Постановка танца Вахтанга Чабукиани.

Сейчас выход.

«Тени» из балета «Баядерка». Ленинград.

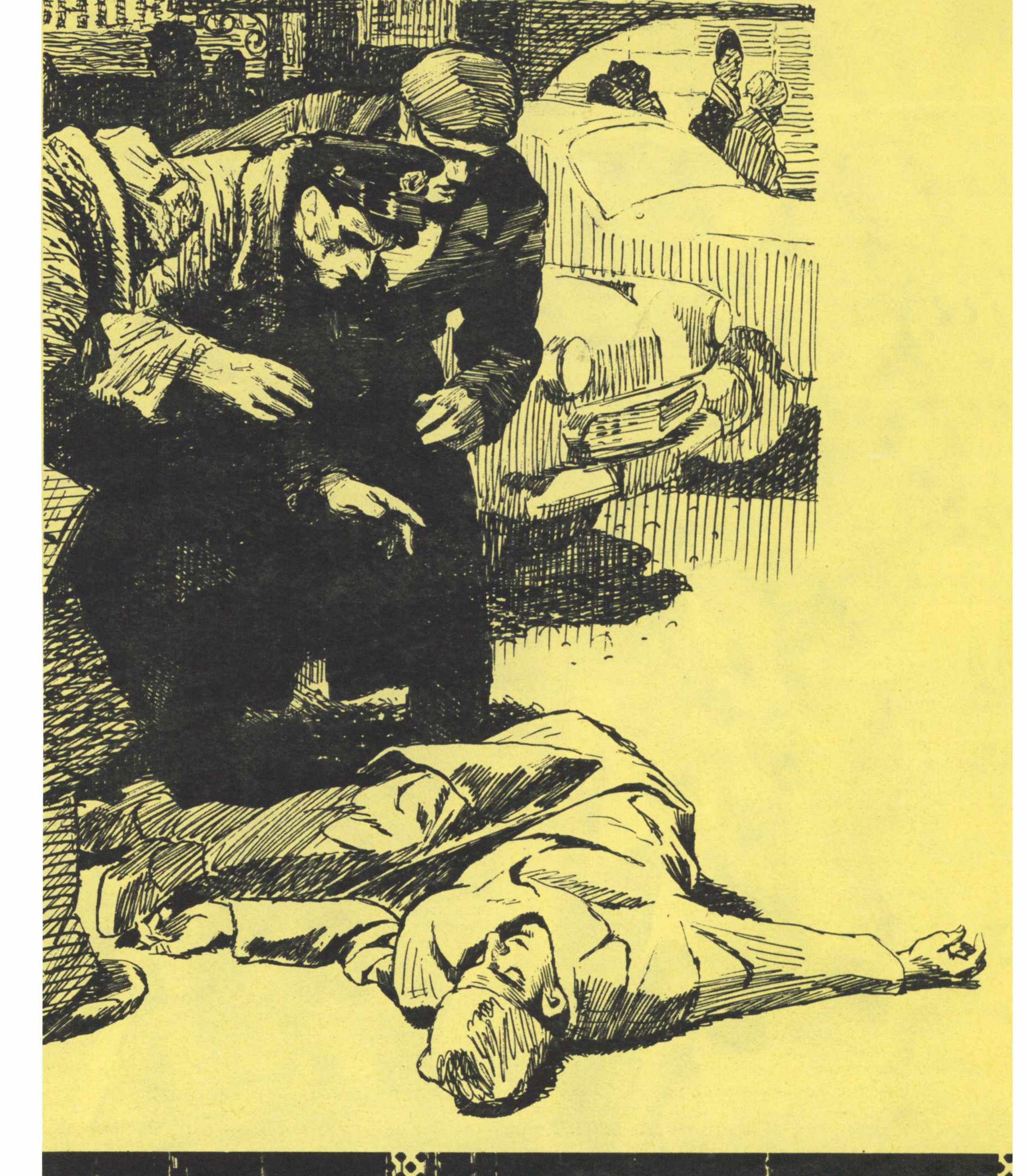
Вот он, прыжок в зангезурском танце. Его исполняют учащиеся Ереванского хореографического училища.

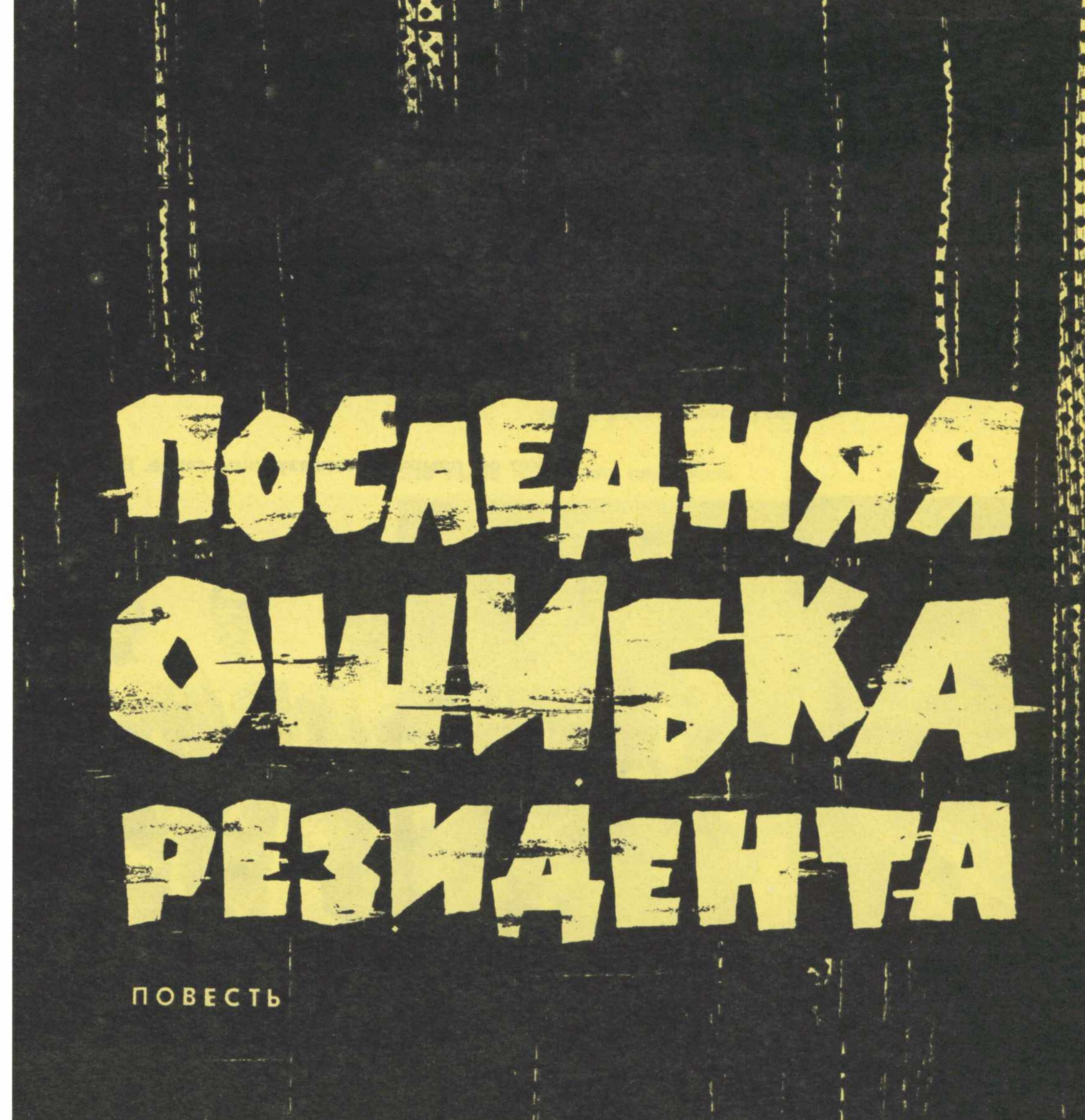

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

ГРЯЗНЫЙ ВАРИАНТ

Зароков выехал из парка в шесть утра. Три раза отвез с вокзала пассажиров, а потом дело застопорилось: нет седоков, хоть убейся. Поболтав на стоянке со скучавшими коллегами, он решил съездить домой попить чаю.

Неспокойно было у него на душе. А вид Дембовича, ходившего со вчерашнего дня с похоронной физиономией, растравил еще больше. Он понимал, что глупо и несправедливо злиться на старика, и старался хотя бы внешне не показывать ему своего раздражения. Ждать сложа руки невыносимо, надо действовать. За чаем Зароков завел речь о возникшем накануне плане.

— Сегодня четверг, значит, клуб работает? — спросил он.

— Да.

— До вечера еще далеко, сейчас всего восемь часов. У вас как, валидола хватит?

Зароков с некоторых пор незаметно для себя перестал говорить Дембовичу «ты».

— Можно не ждать вечера. Если он дома, то один или в крайнем случае еще этот мальчишка.

— Хорошо, Дембович, не будем тянуть время, поезжайте.— Зароков сложил руки на столе в замок.— У меня есть старый пароль к Леониду Кругу. Человеку, который придет к нему с этим паролем, он обязан подчиняться. Круг, наверное, удивится, что это оказались вы. Объясните, что пароль дал вам тот, кому подчиняетесь и вы сами. И дальше прямо к делу. Он должен сегодня же уехать или улететь в Ленинград. Хорошенько запомните сами и велите запомнить ему адрес моей сестры и ее телефоны. В Ленинграде он сразу позвонит ей. Вероятно, это будет вечером, после работы. Он расскажет ей такую историю: с братом Михаилом произошла небольшая неприятность, сам он в ближайшие две недели приехать не сможет. Он, Леонид, мой друг, прилетел в Ленинград всего на сутки, хочет кое-что передать. Зайти к ней домой не может, нет времени. Если она имеет желание поговорить с ним полчаса, пусть приедет, скажем, на Кировские острова или в другое место по его выбору... Скорее всего, она согласится. Когда я говорил с ней по телефону, было столько слез...

Зароков закурил свой неизменный «Казбек».

— Дальше. Он встретит ее у самого дома, конечно, она не должна его видеть. Ему обязательно надо проверить, не следят ли за ней. Как это делается, Круг знает. И вот самое главное. Меня не интересует, где и как он с нею покончит. Обстоятельства подскажут, а рука у него, думаю, набита. Самое главное, чтобы все было похоже на убийство с целью ограбления. И чтобы он убрался из Ленинграда в ту же ночь. Хорошо, если у него в кармане заранее будет билет на поезд, который уходит из Ленинграда часов в одиннадцать-двенадцать. В любую сторону, только не в наш город. А дело сделать надо за час—полтора до отъезда. И не дай бог, если он привезет сюда с собой хоть одну ее вещичку. Все надо где-нибудь спрятать так, чтобы никто не нашел. Обязательно чтобы был в пер-

---

Продолжение. См. №№ 38, 39, 40.

чатках и в новой обуви. Старую пусть выбросит...

Зароков встал, начал расхаживать взад-вперед.

— Дальше. На следующий день он даст телеграмму сюда, на главный почтамт, до востребования, на имя Корнеева. Пусть напишет два слова: «Перевод получил»,—если все в порядке. Если нет,—«Жду перевода». Теперь о нем самом. Он, конечно, сообразит, что ему трудно будет объяснить дома и на работе неожиданный отъезд. Скажите вот что. После Ленинграда он не будет возвращаться на седьмой километр, мы переведем его на нелегальное положение. Пусть приедет в город, пойдет на хлебозавод и найдет там Корнеева. Куда поведет его Бекас, после решим. В самом конце разговора объявите ему, что весной, если все будет хорошо, его переправят за кордон. Это вдохновит. А потом дадите ему триста рублей на разъезды. Кажется, все...

Но, подумав, Зароков уточнил еще одну деталь.

— Да, вот что... Когда он с ней встретится, пусть расскажет такую историю. Я сбил нечаянно пешехода. Завели следствие. С меня взяли подписку о невыезде.

...Они вышли вместе, сели в машину, стоявшую в переулке. Прежде чем тронуться, Зароков разогрел мотор, покурил. Высадив Дембовича у автобусной остановки, он отправился в парк.

Было около девяти. В диспетчерской, по обычаю, толклись водители.

Наклонившись к Марии, Зароков подмигнул ей и сказал:

— У меня новость.

— Расскажешь?

— Сестра нашлась... Сама меня разыскала... Представляешь?

Мария приложила ладони к щекам.

— Да что ты говоришь?!

— Ей-богу... Живет в Ленинграде. Фамилия Воробьева. А я-то искал Зарокову.

— Ой, как я рада за тебя!..

— Хочу дня на три отпуск у начальства попросить.

Зароков рассказал подробно, как все это произошло, какую он послал и получил телеграмму, как говорил с сестрой по телефону.

— Ладно, Мария.— Он взглянул на часы.— Надо поработать.

— Завтра увидимся?

— Обязательно. Если я не уеду...

А в одиннадцать часов дня на площади перед филармонией произошел несчастный случай, по поводу которого работники ОРУДа составили протокол.

Вот как было дело.

К остановке на площади подошел автобус. Следом за автобусом ехало такси — голубая «Волга». В тот момент, когда такси обгоняло автобус, из-за него на проезжую часть выскочил молодой человек, он хотел перебежать на другую сторону, к скверу. Такси вильнуло, молодой человек заметался, и машина ударила его правым крылом в бедро.

Очевидцы утверждали, что скорость у такси была небольшая, во всяком случае, не превышала шестидесяти километров. Резко тормозить водитель не мог, так как был гололед, да к тому же площадь покрыта не асфальтом, а гладкой гранитной брусчаткой. Общая картина позволяла сделать заключение, что водитель такси не виноват. Между прочим, затормозив, он первый бросился к лежавшему на мостовой парню, хотел отвезти его в больницу. Но тут, на счастье, мимо проходила машина «Скорой помощи», она и забрала парня. У незадачливого пешехода оказался перелом бедренной кости, других повреждений не нашли.

Водителем такси был Зароков. Его повезли на экспертизу, где заставили дуть в трубку. Трубка не показала ни малейших следов алкоголя. После составления протокола у Зарокова взяли подписку о невыезде из города и велели отправляться в парк. На линию выезжать сегодня больше не разрешили.

В парке по этому случаю было много толков. Хорошо еще, что Мария сдала смену и ушла до его появления. Все шоферы жалели Зарокова, считали, что ему просто не повезло—ведь водитель первого класса. Допустить наезд из-за нерасторопности, по недосмотру он не мог...

Убитый случившимся, Зароков покинул парк и отправился на телефонный переговорный пункт. Прождав целый час, он наконец получил Ленинград. Ему не хотелось описывать случившееся Нине в слишком трагических тонах, но все же он был очень расстроен. Главным образом потому, что это досадное происшествие задержит его приезд в Ленинград. Не может ли она сама приехать к нему? Нет, в ближайшие дни никак не может: составляется план на второй квартал. Договорились, что он будет звонить ей как можно чаще...

По пути домой он зашел в винный магазин, где продавали в розлив, выпил стакан коньяку.

Дембович встретил его словами:

— Он уехал.

— Уже? — удивился Зароков.

— В район уехал.

Хмель сразу прошел.

— Почему в район? В какой район?

— Командировали на курсы повышения квалификации.

Зароков сунул изжеванный окурок в пепельницу.

— Это из-за вас?

— За последние три года его посылают вторично. Я узнавал у заведующей.

Зароков покачал головой.

— Наследили, Дембович.

— Это не так опасно. Она меня помнит с тех времен, когда я работал в управлении культуры.

Зароков попросил дать чего-нибудь поесть. Дембович не мешал ему, но Зароков заговорил сам.

— Надолго послали?

— На месяц.

— Надо проверить. Но с ним не встречайтесь.— Он покрутил головой.— А я-то насочинял... Драматург!

Зароков отложил вилку.

— Нужен другой.

— Я думал,— сказал Дембович.— У меня есть только один человек, который может пойти... Но это будет очень грязный вариант...

— Кто он?

— Зовут Василий Терентьев. Мы вместе служили в гестапо во время войны. На нем много крови, его держали на самых грязных акциях. А я в этом смысле был не замаран. Когда уходили, немцы меня взяли, а его бросили. Он знает, что его разыскивают как государственного преступника. В сорок седьмом он меня нашел. Я помог ему достать документы.

— Плохо... Но поневоле приходится иметь дело с подонками. Где живет?

— Псков.

— Надо ехать к нему, Дембович. Завтра же.

— Другого ничего нет.

— То, что мы насочиняли для Круга, годится?

— Думаю, годится. Только говорить он был не мастер. Не знаю, как сейчас. Ваша сестра удивится, что у ее брата такой друг.

— Другого же ничего нет... Давайте спать. Встанем пораньше... Вам в дорогу, а мне надо одного пострадавшего пешехода в больнице навестить, гостинцев снести...

«ПОВЕДЕНИЕ ОДОБРЯЕМ...»

Жизнь Павла текла размеренно и спокойно. Иногда он являлся домой поздно. Тогда хозяйка ворчала, а на следующий день завтрак бывал хуже тюремного. Но Павел не очень-то обижался. Добродушие его было неистощимо. И это обезоруживало строгую старушку.

Усердие и расторопность Павла были замечены на работе, и вскоре его перевели на должность экспедитора. Теперь он ездил на разные склады и базы за маслом, за изюмом, какао, молоком, сахаром...

Однажды на складе, где он должен был получать масло, к нему подошел какой-то человек в белом фартуке,— лица его Павел в первый момент не разглядел: в помещении склада было полутемно. Наверно, новый помощник кладовщика, решил Павел.

— А халатик-то надо бы постирать, — сказал этот человек.

Павел весь напрягся. Он узнал много раз слышанный голос. Ошибиться было невозможно,— рядом с ним стоял лейтенант Кустов, которому по плану операции назначалось осуществлять связь между ним и руководством.

— А у вас всегда очередь,— ответил Павел.— Пойти покурить, что ли?

— Ну, это уже по принципу: сам дурак,— разочарованно произнес человек в белом фартуке.— Покурите, покурите...

Ожидавшие очереди экспедиторы улыбались. Кустов вышел в боковой коридор, Павел тоже.

— Кустов, это же ты, да?—быстрым шепотом сказал Павел, шагая следом.

Октябрь, ноябрь, декабрь, январь — вот сколько прошло времени, прежде чем Павел дождался связи. Каково ему было сдерживаться?

В дальнем конце коридора Кустов отпер ключом маленькую дверь, и они вошли в тесную кладовку, где стояли новенькие весы и в углу стопкой были сложены пустые мешки. Пахло рогожей.

Обнялись. Потом Кустов достал из бокового кармана кожаный бумажник, извлек оттуда вдвое сложенный листок.

— Читай.

Павел развернул записку.

«Твое поведение одобряем,— читал он.— От тебя пока никакой информации не требуется. Задача прежняя — входи в доверие.

«Боцмана» проверял Дембович. Пелагею Сергеевну Матвееву проверяла втемную женщина, тебе неизвестная. Медальон предъявлен. Но не в медальоне суть. Главное — карточка. На карточке тебя узнали. И все-таки проверка еще не закончена. Будь бдителен. Не торопи события.

Дома все в порядке, шлют тебе большой привет. Что нужно — передай. Желаем успехов. Сергей».

Кустов все время наблюдал за ним с улыбкой. Заметив, что Павел дочитал до точки, он сказал вполголоса:

— Тебя просто не узнаешь.

— Система Станиславского.

Но обмениваться впечатлениями друг о друге все-таки не было настроения.

— Видел его с тех пор? — спросил Кустов.

— Нет, больше не видал.

— Выдерживает.

— Но, думаю, если уж такой заглотает, будет крепко, не сорвется.

— Трудно?

— Вжился.

Кустов отобрал у него записку, вынул карандаш, написал на чистой стороне несколько цифр.

— В экстренном случае можешь звонить.— Он подержал у Павла перед глазами номер телефона.

— Готово,— сказал Павел, и Кустов спрятал записку в бумажник.

— Следующая явка будет похожа на эту.

— Хорошо.

— Что передать?

— Привет всем.

И они расстались. Павел отправился получать масло, а Кустов вышел через другую дверь на улицу...

Снова потянулись будни, в которых не было места старшему лейтенанту Павлу Синицыну, ставшему самим собой на пять минут в кладовке, где стояли новенькие весы и пахло рогожей, будни, в которых существовал только Бекас, в прошлом специалист по вагонным кражам, бежавший из заключения рецидивист, а ныне социально неопасный, приобщенный к общественно полезному труду Павел Корнеев.

Настал февраль. Среди метельных и ветреных выпадали иногда дни, приносившие откуда-то издалека запах весны. Как будто на замороженных стеклах окна кто-то растопил теплым дыханием светлую лунку.

6 февраля вечером пожаловал Куртис. Дверь ему открыл Павел. Он отметил про себя, что старик сильно сдал. Как-то сразу обозначились и мешки под глазами и склеротические жилки на скулах. И кожа шеи, показавшаяся Павлу такой морщинистой еще при первой встрече, в ресторане «Центральный», была решетчатая и темная, как панцирь у старой черепахи. И вдобавок дня два не брился.

— Сразу видно, что вы шли не на прием к английской королеве,— приветствовал его Павел.

Куртис только махнул рукой.

— Слушай, Павел. Завтра поближе к вечеру тебе надо сходить на почтамт. Возьми с собой паспорт. Получишь телеграмму до востребования.

...На следующий день Павел после работы съездил на почтамт и получил телеграмму. Дома его ждал Куртис. Старик схватил телеграмму, воскликнул: «Слава богу!»—и, не простившись, убежал.

Павел переоделся, обрадовал хозяйку, что идет в кино, и спустился на улицу. Побродив, он нашел телефон-автомат на тихой, пустынной улочке. Набрав номер, который показывал ему Кустов, Павел сообщил о телеграмме.

— Вам просили передать,—услышал он в ответ,— приедет гость. Берегите его. Редкая гадина. Теперь необходимо координировать действия.

— Понял. Буду звонить.

Вернувшись к себе, Павел опять увидел Куртиса. Как всегда, когда предстоял важный разговор, Куртис послал хозяйку в магазин. Он попросил Павла сесть и выслушать его, не перебивая, со всем вниманием. Он предупредил, что это будет самая серьезная беседа из всех, до сих пор между ними происходивших. И просил не зубоскалить.

— Завтра, а может быть, послезавтра,— начал он,— к тебе на работу придет человек. Он вызовет тебя. Не удивляйся. Фамилия его Терентьев. Пойди с ним в столовую на углу Кузнечной и Парковой. Знаешь? Если будет спрашивать обо мне, скажи, что меня увидеть нельзя, меня сейчас в городе нет... Расспроси его досконально, что он сделал. Все по порядку. Если он привез какие-нибудь вещи, отбери. А затем скажи, я велел сделать так: он сегодня же ночью должен ограбить какую-нибудь палатку, магазин, ларек — что угодно. Или стянуть вещи в зале ожидания на вокзале. В общем, по его усмотрению. Его могут искать и найти. Ты понимаешь: лучше судиться за кражу, чем за убийство. Осудят года на два — и концы в воду. Отсидит — выйдет чистый. Втолкуй ему. Самое главное, чтобы он усвоил именно это. От него надо избавиться. Объясни, что после отсидки он сможет жить в открытую, как хочет, не надо будет скрываться. Я дам тебе деньги для него. Тысячу рублей. Пусть спрячет их или сделает, что хочет. Выйдет — поможем. Но чтобы не мешкал. Ему надо садиться в тюрьму.

— Слушайте, маэстро, вы хотите впутать меня в мокрое дело,— серьезно сказал Павел.— Я протестую. На мне и так, кажется, висит одно.

— Тебе нечего опасаться,— умоляюще сложив руки, уверял Куртис.

— Хорошо. Но учтите: если что, я себя в жертву ради вас приносить не буду. Все скажу.

ТЕРЕНТЬЕВ ЕСТ ПИРОЖКИ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Павел за свои тридцать лет повидал людей немало, и хороших и плохих. Но таких еще не встречал.

Человек, пришедший в пятницу после обеда в контору хлебозавода и спросивший Корнеева, производил очень странное впечатление. Он был словно из ваты. Двигался медленно. На землистом лице застыло какое-то идиотски бесстрастное выражение, словно у него были парализованы нервы, управляющие мышцами лица. И ко всему неестественно тонкий голос.

Павел, отпросившись у начальства, вышел с ним на улицу.

— Значит, вы и есть Терентьев и вы получили мой перевод? — в обычной своей манере завел разговор Павел.

— Телеграмму отбивал,— без всякого выражения, как автомат, сказал Терентьев.

— И много получили?

Тот молчал.

Павел посмотрел на него сбоку и подумал: «Настоящий истукан». Походили по переулкам. Павел два раза проверился—Куртиса не было.

— Ладно,— сказал он,— план такой. Сейчас пойдем где-нибудь перекусим. Для ресторана, боюсь, ты одет слишком кричаще. Но тут недалеко имеется одно предприятие под названием «Пирожковая». Оно нам подойдет.

В столовую на углу Кузнечной и Парковой, куда велел Куртис, он идти не собирался.

В пирожковой было столиков шесть, а посетителей человека четыре,— обеденные часы кончились. Павел и Терентьев сели в углу. Терентьев шапку не снял и пальто не расстегнул, хотя было жарко. Павел принес два бульона, горку пирожков с мясом на глубокой тарелке.

— Водки нет? — Впервые в голосе Терентьева послышались нотки какой-то заинтересованности.

Это было кстати. Павлу нужно было выйти на несколько минут из пирожковой. Вчера он звонил своим, доложил о Терентьеве. Просили позвонить сегодня, когда Терентьев явится.

— Нет,— с сожалением произнес Павел,— здесь выпивки не бывает. Но вот что... Ты посиди, я сбегаю в продовольственный, куплю пол-литра. Тут недалеко. Хочешь — ешь, но лучше подожди.

— Бери сразу две.— В первый раз этот ватный человек сказал три слова кряду.

— Тоже правильно,— согласился Павел и вышел.

Огляделся. Вокруг ничего подозрительного.

Он позвонил из пустовавшего автомата за углом. Инструкции были короткими и ясными: сделать все так, как приказал Куртис.

— И еще одно. У вашего подопечного есть золотые женские часы марки «Заря». Возьмите их у него. Покажите и отдайте их Куртису, если он сам спросит о каких-нибудь вещах. Не спросит — не показывайте. Вы их присвоили, понимаете? Деньги подопечному не отдавайте. Прикарманьте их.

— Понял.

— Когда будете передавать Куртису то, что расскажет подопечный, не приукрашивайте. Сохраните его стиль.

— Это мне ясно.

— Все.

...Павел принес две бутылки водки. Одну дал Терентьеву, другую зажал у себя между коленями.

— Так удобнее,— объяснил он.— Тут в открытую пить не разрешается. Наливай себе под столом и сразу опрокидывай. Чтоб стакан пустой стоял.

Павел и вообще пить не хотел, а в компании с этим типом тем более. Но Терентьеву было все равно. Звякнув под столом стеклом о стекло, он налил себе полный стакан и выпил его маленькими глотками. Съел полпирожка. И тут Павел попросил его рассказать про Ленинград.

Терентьев уместил всю историю в несколько слов, но излагал ее мучительно долго. То и дело останавливался, возвращался назад и все время забывал, что говорить надо шепотом. Павлу пришлось раза два цыкнуть на него. В конце концов он все-таки добрался до точки. Если бы Павел знал о плане убийства, разработанном Надеждой, он бы увидел, что рассказ Терентьева в целом совпадает с этим планом.

Когда Терентьев допил свою бутылку, он спросил у Павла, нет ли еще выпить. Оказывается, этот истукан даже не замечал, что Павел вообще не наливал себе. Он был полностью выключен из окружавшей его жизни.

— Свалишься,— сказал Павел.— А тебе еще надо дело делать.

— Не. Не свалюсь,— трезвым, бесстрастным голосом возразил Терентьев.— Если есть, дай.

Павел видел, что он действительно нисколько не изменился после выпитой бутылки.

— Ну ладно, я тебе дам еще, но после. Сейчас слушай...

И он слово в слово изложил то, о чем просил Куртис. Терентьев выслушал спокойно. Ни одна жилка не дрогнула на его лице.

— Сделаю,— только и молвил он.

— Что-нибудь от этой женщины у тебя есть? — спросил Павел.

— Часики.

— Дай их мне. Только тихо. Сними шапку, сунь их за клапан, шапку положи на стол.

Терентьев все так и сделал. Павел взял шапку, вынул и положил к себе в карман часики на черном крепововом ремешке.

Потом передал Терентьеву под столом нераспечатанную бутылку, сказав:

— Только не торопись, а то опьянеешь. Нам еще долго сидеть, до вечера. Я тебе покажу одну палаточку, там ты и разгуляешься.

...Около девяти часов вечера Павел повел Терентьева поближе к центру. Они шли по Спортивной. Не дойдя немного до угла Первомайского переулка, Павел остановился.

— Вон, смотри, на углу стеклянный павильон. Это галантерейная палатка. Действуй.

Место было не очень оживленное, но прохожие попадались.

Терентьев, шаркая по асфальту своими галошами-шинами, размеренно и неторопливо направился к павильону. Павел повернул в обратную сторону, отошел метров на сто и решил подождать, понаблюдать, что будет.

Было тихо, и скоро он отчетливо услышал лязг, какой-то хруст, затем крики: «Сюда! Сюда!» А через минуту раздалась трель свистка. Павел увидел, как две фигуры, сопровождаемые кучкой любопытных, пересекли улицу и скрылись за углом...

Куртис встретил Павла бранью. Он был взбешен и настолько не владел собой, что забыл услать Эмму.

— Где ты пропадал? — кричал он.— С вокзала он поехал к тебе. Почему ты не пришел в столовую?

— Какая столовая? — Павел простодушно поглядел на Куртиса.— С таким чучелом в центре показываться?

— Подумаешь, аристократ!

Павел тоже решил разозлиться.

— Если так, я вам скажу, маэстро, коечто. Хотели, чтобы я с этим барахлом таскался по городу? Замарать меня хотели? И без того уже замарали. Хватит. Что вы ко мне прилипли? И не орите. На меня родной папа никогда не орал. Кажется, мы с вами распрощаемся. И боюсь, что навсегда.

Павел хорошо изучил натуру Куртиса. Старик был из тех, кто кипятится только до первого отпора. Так произошло и теперь. Куртис почувствовал себя усталым.

— Сядем,— сказал он.— Рассказывай.

Павел подробно описал все. Куртис слушал, закусив губу, полуотвернувшись и глядя в пол.

— Будем надеяться, что все прошло так хорошо, как ты говоришь.

— Чего вам еще надо?—возмутился Павел.— Ваш приятель благополучно попал в руки милиции. Вы же этого хотели?

— Он мне никакой не приятель... У него что-нибудь оказалось из вещей?

Павел молча достал часы на потертом черном крепововом ремешке, протянул их Куртису. Но тот, поглядев на них, брать в руки не стал. Он смотрел на часы, как на жабу.

— Их надо выбросить. Так, чтоб никто не нашел. Слышишь? Непременно выбрось. Пожадничаешь — жалеть будешь.

Павел усмехнулся.

— Это я лучше вас знаю. Я же не аристократ.

— Деньги отдал?

— Конечно, отдал,—не моргнув, соврал Павел.— Но вот куда он их спрятать успеет, трудно сказать.

— Отберут, наверно,—безразлично предположил Куртис, вставая.— Мне пора идти.

Но я тебя еще раз прошу: выбрось часы. А ремешок лучше сжечь.

— Хорошо, понял.

Павел не вышел из комнаты в прихожую, чтобы проводить Куртиса,— это было впервые. Старик, надев пальто, заглянул в дверь, сказал:

— Не злись.— Тон у него был примирительный.— Скоро погуляем. А насчет замарать — глупость.

— Поживем — увидим,—ответил Павел.

ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ НАДЕЖДА И ПАВЕЛ

Контрразведчики думали, что Надежда не решится на убийство Воробьевой. Но он решился. И вот что произошло в Ленинграде, о чем не знали ни Павел, ни Надежда.

...Василий Терентьев, одетый в длинное зимнее пальто грязно-синего цвета, с черным барашковым воротником, в шапке-ушанке солдатского образца, в черных валенках с тонкими галошами, склеенными из автомобильных шин, вышел на вокзальную площадь в толпе пассажиров, приехавших из Пскова в Ленинград, и остановился, чтобы осмотреться.

Шоферы со стоявших чуть поодаль легковых автомобилей торопливо, как родных, кинулись встречать приехавших. Это были не таксисты, а обыкновенные «леваки».

Ловкий, разбитной парень в пыжиковой шапке и потертой кожаной тужурке издалека крикнул стоявшему с полуоткрытым ртом Василию Терентьеву:

— Эй, валенки! Поедем, что ли?

Терентьев поманил его рукой в толстой шерстяной перчатке. Парень подошел вразвалочку.

— Мне на Московский вокзал. Свезешь? — спросил Терентьев неожиданным для его обстоятельного облика тонким голосом.

— Рупь,— сказал парень, озорно поглядывая по сторонам.

Терентьев снял перчатку, хотел лезть в карман за деньгами.

— Да нет, ты что? — остановил его парень.— Так нельзя. Потом. Иди в машину.

Во-о-он, серая, с того краю третья. Видишь? Ты иди садись, я еще попутных поищу.

Терентьев деловитой походкой направился к машинам, а парень принялся громко вопрошать:

— Кому на Московский? На Московский кому? Есть два места!

Терентьев, приблизясь к серой машине, обошел ее, словно прилаживаясь, наконец открыл переднюю дверцу, но передумал и поместился на заднее сиденье.

Скоро прибежал шофер. Рывком распахнув дверцу, он нырнул за руль, еще не усевшись, завел мотор и, трогая с места, сказал:

— Порядок! Еще двое нашлись. С вещами. Сейчас мы их заберем.

Развернувшись по широкой дуге, он лихо, так, что взвизгнули тормоза, осадил машину у тротуара. Задние дверцы открылись разом с обеих сторон, и, не успев сообразить, что происходит, Терентьев оказался между двумя плотными молодыми людьми. Машина, свернув, быстро побежала по переулку. Молодые люди крепко сжимали его запястья.

— Спокойно,— дружелюбно сказал тот, что сидел справа, и сунул руку к нему за борт пальто.

Там у Терентьева кое-как был пришит длинный узкий карман из холстины, а в кармане лежал тяжелый молоток.

Молодой человек извлек его и ласково поинтересовался:

— Еще что есть?

— Ножик,— тонким голосом отвечал Терентьев.

— Ну и валенки! — весело сказал шофер и расхохотался. Ему, видно, очень понравился голос.

— Где он?

— В пинжаке. В левом кармане,— оторопело, еще не придя в себя, сообщил Терентьев.

Молодой человек достал финку с наборной ручкой из разноцветного плексигласа в самодельном, отполированном до сапожного блеска чехле,— такие делались во времена войны.

Через полчаса Терентьев давал показания. Первый вопрос задал, правда, он сам.

— За что забрали?

Но спокойный грузный человек, сидевший перед ним за большим столом, на котором не было ничего, кроме чистого листа бумаги и черной авторучки, выдвинул боковой ящик, взял из него фотографию с фигурно обрезанными краями, показал ее Терентьеву и ответил своим вопросом:

— Когда и куда вы исчезли с Карпат?

Терентьев, помедлив, сказал:

— Спрашивайте. Буду говорить.

Он не запирался, не утаивал ничего.

Покончив с прошлым, перешли к тому, что Терентьев собирался делать в Ленинграде. Ответы его были односложны, но вполне откровенны и исчерпывающи.

— Вот что, Терентьев,— сказал брезгливо человек, сидевший напротив.— Вы поедете в Москву, как и собирались сделать. Вы дадите оттуда телеграмму, что перевод получили. Потом вы поедете в тот город и найдете Корнеева. И будете поступать так, как они вам прикажут. Не вздумайте фокусничать. Теперь вам никуда не уйти. Разделаться с вами мы не дадим: вас будут судить как государственного преступника...

Вот каким образом случилось, что Павел имел удовольствие познакомиться с Терентьевым, а Надежда смог порадоваться телеграмме, содержавшей два слова: «Перевод получил».

БЕДА ОДНА НЕ ПРИХОДИТ

На свете существует один совершенно особый вид суеверия. Скажем, идет компания друзей, настроение у всех отменное, кто-то рассказывает смешные вещи. Общий хохот, чуть не до слез. И вдруг посреди веселья кто-нибудь — чаще это бывает женщина — говорит: «Ох, что-то мы много смеемся, как бы плакать не пришлось». Развивая, так сказать, тему, кто-то из подобных людей додумался до малоутешительной истины, что, мол, беда одна не приходит.

Испытывая в эту зиму постоянную радость оттого, что одиночество ее кончилось, Мария все ждала и боялась, как бы не пришла беда. И вот, пожалуйста, так она и знала: Михаил сбил пешехода. Правда, до суда дело вряд ли дойдет, потому что виноват не Михаил, а сам пострадавший, но все равно душа болит. Единственное утешение — травма у парня оказалась не очень тяжелой. Она навещала его, носила яблоки и печенье, говорила с врачом. У парня был перелом бедренной кости, но без смещения, врач назвал его удачным. Парню семнадцать лет, бедро срастется бесследно.

Но так как беда одна не приходит, Мария ждала, что должна случиться еще какая-нибудь неприятность, и, конечно, дождалась.

В тот вечер они собирались пойти в театр, но когда Михаил встретил ее после работы, Мария поняла: ни о каком театре не может быть и речи. Михаил выглядел таким убитым, что у нее упало сердце. Он как будто постарел лет на десять.

— Что с тобой? — спросила она.

Он протянул ей синюю бумажку: это была повестка из прокуратуры. Явиться сегодня в пять вечера.

— Неужели все-таки?..— Мария имела в виду дело с парнем.

— Нет,— сказал Михаил.— Думаю, что-то случилось с сестрой. Очень серьезное. Сейчас объясню. Проводишь меня до прокуратуры?

До пяти времени еще оставалось много, пошли пешком. И вот что рассказал Михаил.

Вчера поздно вечером он позвонил в Ленинград сестре по домашнему телефону. Никто ему не ответил. Он подумал, что, может быть, сестра с мужем ушли в театр или в гости. Вернулся на переговорный пункт в половине первого. Но и на этот раз квартирный телефон не отвечал.

Сегодня утром он позвонил по рабочему телефону. Произошел какой-то странный разговор. Женский голос ответил, что Воробьевой нет. Он спросил, когда она будет. Никогда — был ответ. Михаил попросил объяснить, почему. Может, она уволилась? Нет, не уволилась. Так что же случилось? Это — не по телефону...

А дома Михаила ждала повестка...

У подъезда прокуратуры он попробовал уговорить Марию, чтобы она не ждала, это может затянуться. Но Мария осталась ждать.

Целых два часа она ходила по тротуару взад-вперед, строя самые зловещие предположения. Было холодно, но зайти в прокуратуру Мария стеснялась. Наконец Михаил вышел.

Да, предчувствия не обманули его. Следователь попросил буквально по часам и минутам рассказать, что он делал с того момента, как узнал от участкового уполномоченного о существовании Нины Александровны Воробьевой, его сестры. Михаилу нечего было ломать голову — каждый его шаг на виду, можно точно проверить.

На вопрос Михаила о сестре следователь ответил, что она убита. Когда Михаил пришел в себя, следователь сказал, чтобы он правильно понял этот вызов и допрос. Следствие обязано проверить все версии, кажущиеся возможными...

На протяжении недели Михаила вызывали еще дважды. И в последний раз следователь попросил от имени прокуратуры извинения за то, что его потревожили.

Михаил пытался звонить по вечерам в Ленинград на квартиру Нине, хотел поговорить с мужем, но телефон не отвечал. Михаил пошел к следователю, который его допрашивал,— посоветоваться, узнать, почему не отвечает телефон. Следователь сказал, что свяжется с ленинградцами, и просил зайти завтра. Михаил зашел. Оказывается, Воробьев, муж его сестры, хочет менять квартиру, дома не бывает, живет у знакомых...

На этом черная полоса, кажется, кончалась, и Мария с радостью наблюдала, как Михаил становится прежним, уверенным в себе человеком. Окончательно он стряхнул угнетавшее его беспокойство в тот день, когда они нечаянно попали в суд. А произошло это так.

Они гуляли, встретившись по обыкновению в четыре часа, после ее работы. Михаил был весел. Вдруг он остановился и стал читать вывеску, на которой было написано: «Народный суд 2-го участка Заводского района». Михаил сказал:

— Давай зайдем. Никогда не бывал в суде. А ты?

Она тоже не бывала.

Залов было несколько, но дела слушались только в двух: в одном разводили мужа с женой, в другом судили вора. Публика — сплошь старушки и старики. Михаил выбрал второй зал.

Они немного опоздали к началу разбирательства, обвинительного заключения не слышали. Подсудимый — невзрачный человек с землистым лицом — отвечал на вопросы прокурора противным тонким голосом. Вероятно, дело было предельно ясное,— весь процесс занял не более двадцати минут. Вор забрался в галантерейную палатку на углу Спортивной и Первомайского переулка и был задержан на месте преступления двумя прохожими — парнями с электролампового завода, которые и сдали его милиционеру. Парни эти присутствовали на суде в качестве свидетелей и тоже давали показания. Вора осудили на два года.

После суда Михаил стал еще веселее. В тот вечер Мария вздохнула с облегчением: и вправду, черная полоса кончилась, все перемололось.

Продолжение следует.

Генриетта АЛОВА

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРИВЫЧНОМ: СТЕКЛО

Пути, открытые солнцу

Кажется, нет ничего привычнее обычного оконного стекла. Но представьте, что в наши окна вставлены стекла, сквозь которые вы рассматриваете прохожих на улице, а вот к вам в дом заглянуть нельзя. Любопытный прохожий увидит лишь свое отражение. Стекла прозрачны и зеркальны одновременно.

Нас окружают материалы, ставшие до того привычными, что их перестают замечать. Но как они преобразуются, когда их назначение переосмысливается творчески и заново!

СЕВЕР РАВНЯЕТСЯ ЮГУ

Стремление к равенству не всегда можно осуществить. Так, например, жильцы нашего дома, получив совершенно одинаковые на первый взгляд квартиры, вскоре выяснили, что условия у них неравные: окна у одних выходили на север, у других — на юг.

Есть факты, против которых ничего не попишешь. «Северяне» примирились с неизбежностью. Но вот наступила жаркая пора, и их недовольство сменилось ликованием: они могли настежь раскрывать балконные двери и окна.

Но какое все это имеет отношение к очерку о работах Центрального научно-исследовательского института промышленных зданий и сооружений?

Расскажем все по порядку.

В Лаборатории светопрозрачных ограждений, которой руководит кандидат технических наук В. А. Дроздов, работают специалисты широкого профиля. Один из них, А. П. Мотулевич, демонстрирует оконные стекла, которые вполне могли бы примирить жильцов северной и южной сторон дома. Летом стекла защищают помещения от солнца, а зимой свободно пропускают лучи.

Анатолий Павлович включает аппарат. В узкую щель устремляется пучок света. На его пути появляется прозрачная преграда — обыкновенное силикатное стекло. И происходит чудо: луч света отклоняется в сторону.

Трудно сказать, какими путями пришла изобретателю счастливая мысль перенести морскую рябь на стекла, но, сделав это, он сообщил им новые свойства.

Мотулевич набрасывает на листке контуры гостиницы «Россия». Я вижу глубокий узкий двор.

— Да, естественного света маловато,— соглашается Анатолий Павлович.— Поэтому часть стены нижнего этажа гостиницы мы сложим из специальных стеклоблоков, как бы аккумулирующих свет. В помещениях с такими светоносителями будет так же светло, как и на верхних этажах гостиницы, открытых солнцу.

Чем это объясняется?

С внутренней стороны на параллельных стенках стеклоблоков можно увидеть выпуклые дорожки — череду крошечных призм. Так выглядят рифли. Если им на обеих стенках задано одинаковое направление, свет идет прямо (параллельно полу или потолку) и в глубь помещения. Если же рифли смещены по отношению друг к другу — расположены здесь по вертикали, а там по горизонтали,— лучи отклоняются вправо или влево. Стеклоблоки посылают их туда, где ощущается недостаток в прямом освещении.

— Стекла, направляющие свет в глубь помещения, могут быть и такими,— говорит изобретатель, показывая лист, одна сторона которого покрыта ровными рядами зубцов.

Лист кажется совершенно прозрачным. Но вот его ставят как экран перед яркой лампой. И что же? Лучи света не пронизывают его, а расходятся красивым веером.

— Поставьте такое стекло зубцами навстречу потоку света, и его лучи будут вынуждены обойти препятствие, выбрать легчайший путь, заранее намеченный человеком. Такие экраны помогут усилить освещение затемненных участков потолка и стен. И, что особенно интересно, стоят они столько же, сколько и обычное оконное стекло.

СТЕКЛЯННЫЕ КАЧЕЛИ

Во дворе лаборатории на деревянном кубе лежал длинный кусок стекла. На его концы встали два инженера и под восторженные крики малышей начали качаться. Стеклянные качели не разбились, не сломались. Как же создали такое стекло? Это дело рук Быстрова, Бабинова и Шукина — рабочих цеха проката Борского стекольного завода имени Горького. А называется стекло профильным.

В лаборатории изучают свойства профилитов, разрабатывают новые конструкции, ставят эксперименты, подбирая синтетические материалы, форма которых должна обеспечить герметичность сборных окон и стен. Девять заводов страны уже выпускают профилиты. Их можно увидеть в пятиметровых

Загадка, проблема, открытие, факт

«СТЕКЛЯННАЯ» ЗЕМЛЯ

Можно ли найти заменитель для такой, казалось бы, незаменимой вещи, как обыкновенная земля? Японские ученые, исследующие проблему выращивания растений в теплицах, разработали специальное вещество, которое будет служить заменителем земли. Это—стеклянное волокно, обладающее чрезвычайно высокими капиллярными свойствами, хорошо удерживающее влагу и воздух, отлично поглощающее растворенные в воде питательные вещества.

«Стеклянная» почва может выдерживать высокие температуры и легко стерилизуется.

ЕЩЕ ПЯТЬ ЛЕТ — ДОЖДИ

Известный венский метеоролог доктор Завадил сообщил, что дождливая летняя погода с ливнями и наводнениями будет продолжаться на нашей планете до 1970 года.

К такому заключению ученый пришел после того, как обработал статистические данные о погоде за все годы, начиная с 1873-го. Его прогноз совпадает с мнением климатологов на недавно состоявшемся международном конгрессе в Стокгольме.

У ПОЛЬСКИХ СУДОСТРОИТЕЛЕЙ

Получено новое средство против разрушения металла, которое обладает стойкостью, превышающей в три раза все известные лаки и краски, употребляемые сейчас в судостроении.

Средство, названное «корсил», разработано научными сотрудниками Силезского политехнического института, инженерами конструкторского бюро по судостроению и рабочими верфи «Парижская коммуна» в Гданьске. Испытания показали, что «корсил» защищает оболочку судов от вредного действия не только морской воды, но и нефти. Это позволило вдвое уменьшить толщину стальных листов на корпусах танкеров, а следовательно, при экономии металла увеличить тоннаж и скорость судов.

ВОДА ПРОТИВ ПЫЛИ

Когда в летний день на улицу выезжает поливочная машина, мы знаем: станет прохладнее и меньше пыли. Однако вода помогает бороться с пылью не только на улицах городов, но и в цехах заводов.

До недавнего времени воздух в литейном цехе Люблинского литейно-механического завода был сильно загрязнен. Особенно сильно поднималась пыль, когда выбивали горелую землю из опок — литейных форм.

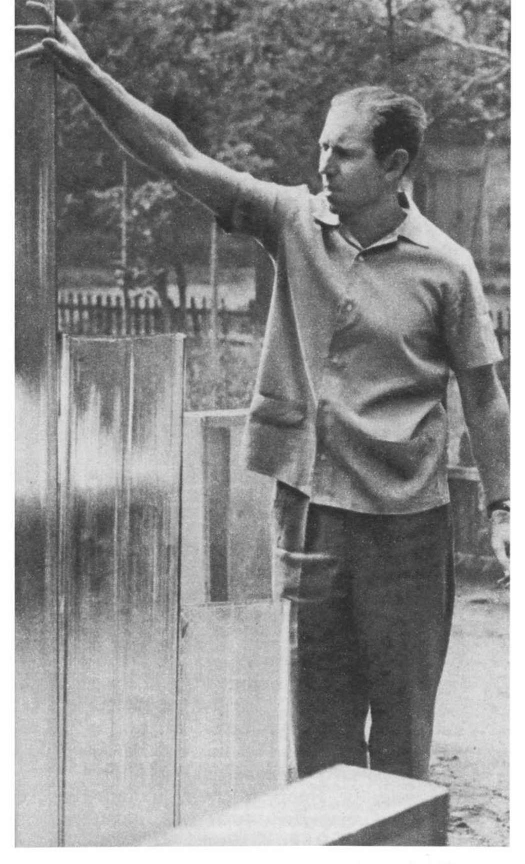
Но однажды под сводами цеха были установлены трубопроводы с форсунками для распыления воды. В строй вступила установка для гидрообеспыливания воздуха, разработанная на заводе.

Вода под давлением 15 атмосфер превращается в туман. Он обволакивает мельчайшие частички пыли и вместе с ними осаждается на стенах, на полу, на потолке.

Достаточно 2—3 минут работы установки — и воздух очищен. Во время обеденного перерыва ее включают на 10—12 минут, это снижает температуру воздуха в литейном цехе.

ПЕДИАТР-АВТОМАТ

В родильном отделении клиники при Лейпцигском университете введен в действие электронный фонокардиограф. Новый прибор позволяет установить состояние здоровья ребенка еще задолго до его появления на свет. Автоматический педиатр показывает, правильно

А. П. Мотулевич.

окнах крытого катка, построенного в городе Горьком, ими заполнены оконные проемы в промышленных новостройках. Стены и внутренние перегородки из профилитов хороши тем, что при высокой прочности они пропускают свет, задерживают звук и сохраняют тепло.

ПОДОБНО МЫЛЬНЫМ ПУЗЫРЯМ

Внешний вид этих изделий из органического стекла заставил меня вспомнить о... мыльном пузыре. Как и мыльный пузырь, они переливались розовато-голубыми бликами.

Как же «выдувают» такие стеклянные пузыри?

В небольшом помещении смонтирована установка. Над ней подвешен лист органического стекла. Он размягчается под действием электрических нагревателей. Тогда включают компрессор, и сжатый воздух идет под стекло, заставляет плоскость превратиться в часть сферы.

Главный инженер группы Ю. П. Александров показывает альбомы с фотографиями зданий. На их крышах установлено множество стеклянных колпаков, освещенных солнцем.

«Пузыри», вернее части сферы, можно «выдувать» и из стеклопластика. Они будут еще прочнее и выстоят в любую непогоду. Но стеклопластик непрозрачен.

Над этой проблемой вместе с коллективом лаборатории работали сотрудники научно-исследовательских институтов стеклопластиков и волокна, пластических масс, строительной физики и строительных конструкций. Благодаря общим усилиям стеклопластик стал более прозрачным.

Купола будет делать автомат. В то время как одни ученые боролись с непрозрачностью материала, другие отрабатывали модель машины. И не за горами время, когда построят прекрасные дома под стеклянными куполами.

* * *

Не надо думать, что в основу всех этих метаморфоз ложатся сложные процессы. Поражает именно их простота и несложность. Достаточно сказать, что «волшебные» стекла, о которых мы рассказали, выпускаются на том же оборудовании, что и обыкновенное оконное стекло...

ли работает сердце ребенка, определяет содержание кислорода в крови и ставит другие диагнозы.

ВОЗДУХ И ПОРОШОК

Наполните до краев банку со свежемолотым кофе и несколько раз постучите дном о стол. Уровень кофе заметно понизится. То же произойдет со многими сыпучими веществами.

А что, если использовать это на первый взгляд обычное явление? Такую задачу поставили перед собой конструкторы института «Унипромедь». Они разработали автоматизированную установку для взвешивания и уплотнения кристаллического медного купороса. Она смонтирована и работает на Пышминском медеэлектролитном заводе. Один из главных узлов установки — вибрационный стол, на нем после взвешивания и строгой дозировки и происходит уплотнение порошка.

Автоматическая установка дает значительный экономический эффект: позволяет полнее использовать тару, избежать «перевозок воздуха» по железным дорогам.

Новая установка найдет применение во многих отраслях промышленности, например, при производстве суперфосфата, древесной муки, пресс-порошка для пластмасс.

ДВОЙНАЯ ЭКОНОМИЯ

Сценка, которую можно часто наблюдать у касс кинотеатра: человек просит хорошее место, а ему предлагают только боковое. Но что это? Однажды вы входите в кинотеатр и вместо привычного окошечка с кассиром видите автомат.

На стенде — схема зрительного зала. Вы рассматриваете ее, находите среди свободных мест самое удобное для вас и опускаете в кассу несколько монет — стоимость билета. Одновременно вы передвигаете несложное устройство для выбора места. Проходит секунда — и в окошечке ваш билет.

Оригинальную конструкцию автомата для продажи билетов в зрелищных предприятиях предложили изобретатели М. Г. Кантор и Л. И. Шенкер. Они исходили из правильной мысли: труд кассира поддается моделированию, его могут выполнять машины. Кассир-автомат снабжен специальным билетопечатающим механизмом.

Когда новые автоматы будут изготовлены, они дадут двойную экономию: средств — для государства, времени — для кинозрителей.

Стихи из новой книги

Гафур ГУЛЯМ

* * *

Снова девушки где-то запели,
вышел месяц
на темный порог.
Вдохновенье, капризная пери,
обмакни мне в чернила перо!
Подскажи мне слова дорогие,
чтоб не память,
что зла и слаба,—
чтоб сердца затвердили другие
эти
лучшие в мире
слова.
Ночь сверкнула слезою падучей,
развернулась звезда,
как строка.
Рыжий месяц сражается с тучей,
подымая
ее
на рога.
Вдохновенье, капризная пери,
подскажи мне такие слова,
чтобы вечно их
девушки пели,
голос счастья заслышав едва.

* * *

Я отдал жизнь не званьям,
не чинам
и не уйду в безмолвие,
покамест
то зданье,
что с народом начинал,
грядущему
свой облик не покажет.
Я не уйду в безмолвие,
пока
для этих плеч
еще осталась ноша,
и —
рядовой
бессмертного полка —
я буду жив,
покуда буду нужен!

* * *

Очень разными были годы,
мне отпущенные так щедро:
возвышались они, как горы,
или прятались, как ущелья;

были жадны и были бедны,
были пышны и были голы,
обступали меня, как беды,
вызволяли меня из горя...

Очень разными были люди.
Сколько в жизни их было,
сколько
провожавших меня от люльки
до моей стариковской койки!

Хорошо, что я все же дожил —
завелась за душой монета,
ибо столько я людям должен,
столько должен —
и счета нету!

В дымке дали,
за слоем пыли
тонут контуры, гаснут речи...
Но спасибо
за то, что были
и что вспомнить вас сердцу
есть чем!

МАШИНА ВРЕМЕНИ

В прах земной
дано нам превратиться.
Но когда настанет этот час,
жизни празднество не прекратится,
как бы ни оплакивали нас.
И когда в постели я застыну
в смертном
искупительном поту
или, болью яростной застигнут,
где-нибудь на камни упаду,—
неизбежность не зови несчастьем,
попусту слезами не части,
не снимай
с холодного запястья
все еще идущие
часы.
Кажутся безжалостными вещи,
мирно продолжающие жить.
Кажутся безжалостными вехи,
мерно отмеряющие жуть.
И в молчанье
тикает смешливо,
не боясь, что кончится завод,
времени послушная машина —
кладбище
и кладезь всех забот.
Но подумай: он не нами начат,
этот мир, родившийся из тьмы.
Время продолжается —
и, значит,
в чем-то продолжаемся и мы.
Не кляни оставшиеся вещи
в этот
некончающийся миг.
Сделанное нами долговечней
и куда моложе
нас самих.

* * *

Нам тоже в чью-то память
перейти.
Но Завтра
есть у нас еще,
покуда
несделанное наше — впереди,
как некое
отсроченное чудо.
Пока еще не отдана на слом
та кузница,
где мы разводим пламя,
пока еще мы завтрашним числом
(а не вчерашним)
помечаем планы.
Нам тоже в чью-то память
перейти.
Так пусть металл наш
будущее плавит,
чтобы всегда мы были впереди,
когда бы нас
ни воскресила память;
и, бренное обличье потеряв,
стряхнув его, как ношеное
платье,
мы, как скелеты черные дерев,
весной бы снова
покрывались плотью.
Нам тоже в чью-то память
перейти.
И что там в ней ни сгинет,
ни потонет,
еще мы друг для друга —
впереди,
не торопись, мы встретимся,
потомок!
Нам долгая обещана пора.
И эту власть спасают от
сверженья
живущие на кончике пера
восторг и боль,
надежда и свершенье...

Перевел с узбекского
Александр НАУМОВ.

Сын диктатора Рамфис (в центре) в девять лет получил звание... бригадного генерала.

Фото из журналов «Лук» и «Пари-матч».

«КОНСЕРВЫ» ЦРУ

Начало на стр. 14.

ций, которыми руководил сын диктатора Рамфис Трухильо, погибли не только участники заговора, но десятки ни в чем не повинных доминиканцев.

И только с головы «Тони» Имберта не упал ни один волос, хотя Трухильо-младший и знал о той роли, которую он сыграл в убийстве его отца. Журнал «Нью рипаблик» так объяснил это странное обстоятельство: Центральное разведывательное управление предупредило Рамфиса, чтобы он не принимал против Имберта никаких репрессивных мер. «Американские дипломаты,— писал журнал,— заявили ему (Рамфису.— АВТ.) ,что если он будет вести себя прилично, то сможет выехать из страны богатым человеком. Рамфис именно так и поступил».

Спасенный американской разведкой Антонио Имберт на полгода исчез с доминиканской политической сцены. Он появился на ней лишь тогда, когда отпрыски убитого диктатора покинули страну и когда доминиканскому народу казалось, что с трухильизмом наконец будет покончено. Это предположение, казалось бы, подтверждал и тот факт, что Имберт, никогда не служивший в армии, в награду за успешно проведенную «операцию» получил чин бригадного генерала...

Однако последующие события убеждают в том, что руководители ЦРУ уже тогда решили подготовить свежеиспеченного генерала на роль запасного игрока, который вступил бы в игру при очень большой ставке и обеспечил бы верный выигрыш. Хозяева «Тони» Имберта постарались создать своему подопечному такие условия, которые позволили бы ему заблаговременно нажить определенный политический капитал. Он должен был тоже стать своего рода «консервами» ЦРУ, которые можно было открыть в подходящий момент.

Вот почему получилось так, что в управлявшем страной после отъезда трухильевского семейства Временном Совете Имберт занял ключевой пост министра юстиции, полиции и внутренней безопасности. По свидетельству газеты «Уолл-стрит джорнэл», он «готовился к амплуа политического лидера, наращивая полицейские силы и добиваясь влияния в армии».

27 февраля 1963 года в должность президента Доминиканской Республики вступил Хуан Бош. Он был первым в нынешнем веке главой этого государства, избранным законным путем, и поэтому событие отмечалось с особой помпой. В военном параде, устроенном по этому случаю, участвовали не только доминиканские войска, но и подразделения морской пехоты США. Стремясь подчеркнуть свой «новый подход» к Латинской Америке в целом и к Доминиканской Республике в частности, Вашингтон прислал в Санто-Доминго не только отряд морских пехотинцев: на президентской трибуне рядом с Хуаном Бошем стоял личный представитель президента Кеннеди —тогдашний вице-президент Соединенных Штатов Линдон Бейнс Джонсон.

Джонсон и морские пехотинцы должны были символизировать собой тот самый «либеральный колониализм», который предполагал превращение режима президента Боша в этакую витрину «представительной демократии».

Однако не прошло и года, как «витрина» разлетелась вдребезги. 25 сентября того же года Бош был свергнут группой офицеров доминиканской армии. Выступая позднее перед представителями печати в Пуэрто-Рико, куда он был выслан, Бош заявил, что он знал о существовании заговора, который возглавил «один полковник военно-воздушных сил», и дал понять, что был бессилен что-либо предпринять. Бош сказал, что стоило ему потребовать увольнения этого полковника, как через два часа его самого отстранили от власти и выслали за пределы страны.

Кем же был тот мифический полковник военно-воздушных сил, имя которого Бош не захотел назвать, даже находясь в вынужденной эмиграции? А ведь на этот вопрос еще тогда, во время переворота, ответила американская газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан». «Фактически падение началось,— писала эта газета в номере от 27 сентября 1963 года,— когда Бош попытался отстранить начальника учебного центра вооруженных сил полковника Вессина».

Так замыкается еще один тайный круг доминиканской политики Вашингтона: тот полковник Вессин, о котором писала американская газета, и тот генерал Вессин-и-Вессин, которого 28 апреля спасала американская морская пехота, высадившаяся в Санто-Доминго,— это одно и то же лицо!

Подобно тому, как «Тони» Имберт был главной фигурой в заговоре против тирана Трухильо, полковник Вессин-и-Вессин сыграл основную роль в свержении президента Боша. Но и в этой истории не обошлось без участия Имберта. Именно он возглавлял специальный отряд, который препроводил Боша в изгнание.

Что же предопределило падение конституционного доминиканского президента?

В июне 1963 года Доминиканскую Республику посетил командующий американскими вооруженными силами в Карибском районе генерал Эндрю О'Мира. На военной базе Сан-Исидро он провел совещание с высшими доминиканскими офицерами. Судя по отрывочным сообщениям печати, там обсуждался вопрос об усилении антикубинской деятельности. Во всяком случае, на следующий день на базу был вызван президент Бош, и доминиканские «гориллы» потребовали от него всемерного усиления борьбы против коммунизма.

Однако Хуан Бош осмелился ослушаться Эндрю О'Мира и «своих» генералов. Он не только отменил ограничения на возвращение в страну политических эмигрантов, но и высказался в поддержку принципа невмешательства во внутренние дела других государств. Как отмечал в одном из своих выступлений Фидель Кастро, «Бош не отличался, подобно Сомосе, Бетанкуру[1] и худшим лакеям империализма, ненавистью к Кубе и антикубинской политикой; он посвятил себя проблемам своей страны».

В своих робких попытках освободить страну из тисков экономической отсталости и нищеты Бош неминуемо должен был затронуть интересы североамериканских монополий. И он их затронул. Был отменен контракт на строительство концерном «Стандард ойл» нефтеперегонного завода в Санто-Доминго; американские компании были обложены подоходным налогом. Президент установил новые, более справедливые цены на сахар. По подсчетам французской газеты «Монд», только на этой операции «Саут Пуэрто-Рико шугар компани» потеряла 25 миллионов долларов. Последним «преступлением» Боша был его отказ подавить в августе 1963 года забастовку рабочих «Саут Пуэрто-Рико шугар компани». Трудящиеся выиграли этот бой: сахарный спрут был вынужден согласиться на 30-процентное увеличение заработной платы.

Участь Хуана Боша была предрешена. На страницах американской печати началась шумная кампания против президента Доминиканской Республики. Буквально в канун переворота хорошо осведомленный в латиноамериканских делах корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» Хендрикс выступил со статьей, в которой писал о «крайнем недовольстве» Бошем североамериканских вкладчиков капитала и предрекал, что его правительство, «возможно, не доживет до конца года». Не успела высохнуть краска, которой было напечатано это многозначительное предсказание, как полковник Вессин-и-Вессин сверг «неугодного президента».

Как в организации убийства Трухильо, так и в свержении президента Боша главной силой были, конечно же, не Имберт и не Вессин-и-Вессин, а американские империалисты. 26 сентября 1963 года газета «Нью-Йорк таймс» подтвердила, что должностные лица в Вашингтоне в течение многих месяцев знали, что доминиканские военные лидеры и поддерживающие их консервативные политические деятели и предприниматели задумали совершить переворот, направленный против Боша.

2 октября 1963 года сенатор Уэйн Морзе с трибуны конгресса открыто обвинил монополии США и ЦРУ в организации этого переворота. Это же подтвердила и газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Как явствовало из ее сообщения, опубликованного 29 октября, главным «архитектором» заговора, в результате которого пал Хуан Бош, был полковник Центрального разведывательного управления Леар Б. Рид, известный в Санто-Доминго как один из ведущих специалистов ЦРУ по доминиканским делам.

То, что произошло дальше, больше походит на детективный роман. Но не зря говорят, что жизнь изобретательнее любой выдумки...

Как известно, президент Кеннеди лично поддерживал Хуана Боша и его режим «представительной демократии». Военный же переворот в Санто-Доминго никак не вязался с программой «Союза ради прогресса», которую проповедовал покойный президент США. И Кеннеди распорядился установить вокруг захватившей власть военной хунты своеобразный карантин: ей было отказано в дипломатическом признании, она была лишена всех видов американской помощи.

Но в середине октября 1963 года в Санто-Доминго снова появляется полковник Рид. Он рекомендует узурпаторам не обращать внимания на позицию Белого дома. **«Рид заверил хунту,—** сообщала «Нью-Йорк геральд трибюн»,— **что она может игнорировать предупреждения дипломатов и будет признана Соединенными Штатами в самое ближайшее время».** Касаясь этого более чем странного эпизода, газета растерянно вопрошала: **«Кто же говорит от имени американского правительства— аккредитованные дипломаты или «таинственные американцы»!»** Ответ на этот вопрос дала сама американская печать. **«В этот период ожидания,—** писала газета «Нэшнл гардиан»,— **президент Кеннеди был убит, и его место занял Джонсон. Одним из первых внешнеполитических актов нового президента было восстановление помощи и дипломатическое признание военной диктатуры».**

Выступая 20 мая 1965 года в конгрессе США, сенатор Уэйн Морзе рассказал о некоторых деталях заседания американского кабинета, на котором решался вопрос о признании военной хунты. Он, в частности, заявил:

— На этом заседании представители государственного департамента рекомендовали немедленно признать военную хунту в Доминиканской Республике, утверждая, что иначе в стране может произойти еще один переворот — кровавый и антиамериканский...

[1] Сомоса — диктатор Никарагуа, Бетанкур — бывший президент Венесуэлы.

ВСЕЛЕННАЯ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Майя БЕССАРАБ

Неожиданное препятствие приостановило работу составителей сомали-русского словаря. Лексикографы на этот раз обогнали историю: государство Сомали еще не решило, какой предпочесть алфавит.

Составление первого в истории народа словаря — дело чрезвычайно сложное. Этот труд длится годами. Как же приступить к работе? С чего начать? Где на верблюде, где на лошади, где на оленях, а где и пешком движутся от одного населенного пункта к другому удивительные люди — собиратели слов. В вещевых мешках у них бесценный груз — карточки со словами. Каждому слову — отдельная карточка. Десятки, сотни карточек...

Лексикограф привозит карточки-слова и складывает их в алфавитном порядке. Затем начинается второй этап работы над словарем: «расписывают» литературные произведения, устные, а если есть, то и письменные. Получают словник — список слов. Теперь остается сделать перевод. Кроме того, составитель должен дать наиболее интересные примеры употребления слова в живом, непрестанно меняющемся языке.

В нашей стране изданием словарей занимаются словарные редакции издательства «Энциклопедия». Это издательство работает на ста шестнадцати языках! Уже вышли словари всех европейских языков, издано много словарей на языках, которые лингвисты называют младописьменными. Живут, например, в низовьях Амура и на Сахалине нивхи. Их всего три тысячи человек. Нивх Токсами, кандидат филологических наук, и его русский соавтор Савельева создали нивхско-русский словарь, первый словарь нивхского языка.

Великое множество словарей издается для экономически слаборазвитых стран. Тиражи их невелики. Например, тайско-русский словарь отпечатан в двух с половиной тысячах экземпляров, так что уже в момент появления на свет он был библиографической редкостью.

Словарь — это мост над языковым барьером. Недаром издание некоторых словарей иногда превращается в событие номер один. Не случайно исландский писатель Христиан Андрьессон прислал автору исландско-русского словаря Валерию Беркову письмо: «Ты совершил подвиг, составив этот словарь». А Джавахарлал Неру написал предисловие к словарю русско-хинди. В этом предисловии есть слова: «Изучение русского языка в Индии будет расширяться, и это будет способствовать лучшему пониманию русского народа и его великих достижений. Процесс понимания между двумя государствами может быть только взаимным. Словарь является символом этой взаимности».

Особенно много справочников издается для широко распространенных языков. Среди них и знаменитый словарь английского произношения Даниэля Джоунза, пересниятый фотомеханическим способом с лондонского издания, и отличное пособие А. В. Кунина — англо-русский фразеологический словарь, и школьный словарь с цветными картинками, и словари с краткой грамматикой, предназначенные для иностранных студентов, которых теперь так много в нашей стране. Скоро двухтомный англо-русский словарь под редакцией профессора Гальперина заменит вечного Мюллера, идет работа над словарем синонимов и словарем ложных друзей переводчиков — омонимов.

Недавно вышедший французско-русский фразеологический словарь издан тиражом 55 тысяч экземпляров. Словарь получился отличный, в издательстве уже поговаривают о повторном издании, и это понятно: французы по заслугам оценили книгу и закупили для своей страны более четверти тиража.

Советские словари идут нарасхват. Спрос на них так велик, что нередки случаи, когда на экспорт идет весь тираж. Предприимчивые американцы купили у «Международной книги» великолепный англо-русский и русско-английский словарь, составленный Ольгой Ахмановой. И вот, изданный в Нью-Йорке, наш словарь пошел путешествовать по всему свету.

Известно, что в настоящее время русский язык учат во многих странах мира: в школах Соединенных Штатов Америки и на трехгодичных курсах на постоянной Советской выставке в Эфиопии, учат в колледжах Англии и в далекой Исландии. Русский язык при всех своих художественных достоинствах стал еще и языком научных и технических достижений и открытий.

Словарей для изучающих русский язык издается очень много. Именно о словарях русского языка надо рассказать более подробно.

В истории советской лексикографии есть замечательная страница. Январь 1920 года. Разоренная войнами страна. И в это время Владимир Ильич пишет в письме А. В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые,— ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?»

С тех пор сделано много: издано два четырехтомных толковых словаря русского языка, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, переизданный в Китае, Японии, США и Франции, вышли шестнадцать томов семнадцатитомного академического словаря.

Известно, что когда Бодлер, будучи начинающим поэтом, попросил свидания у Теофиля Готье, знаменитый писатель встретил юношу вопросом: «Читаете ли вы словари?» По собственному признанию Анатоля Франса, он часто ловил себя на том, что отлынивает от работы, зарывшись в какой-нибудь толстый словарь. Именно Франсу принадлежит крылатая фраза: «Словарь — это вся вселенная в алфавитном порядке! Если хорошенько подумать, словарь — это книга книг».

— Я поддерживаю идею создания словаря русского языка, который можно будет читать, как интересную книгу,— говорит председатель Словарной комиссии, член-корреспондент Академии наук СССР Степан Григорьевич Бархударов.— До сих пор мы издавали нормативные словари, а этот должен быть другого типа: синонимический. В таком словаре отразится идеология народа и его духовные богатства.

Можно только позавидовать авторам, которые выполнят ленинский завет. Дело это нелегкое, но, безусловно, выполнимое.

Несколько слов о полиграфическом оформлении словарей. Случается, что их печатают на желтой, шероховатой, крайне непрочной бумаге Камского бумажного комбината, в то время как долговечность — одно из основных требований к справочной литературе.

Надо сказать, что для приличного издания словарей есть все необходимое: плотная словарная бумага, синтетические материалы для переплетов, специальный клей, высокочастотные прессы, причем технология производства отработана полностью. Маленькие словари чудо как хороши, когда они одеты в яркую синтетическую обложку. Это, если хотите, имеет значение и для повышения грамотности: такую книгу не хочется выпускать из рук. Издает их Первая образцовая и другие типографии, только очень небольшими тиражами. Сейчас самое время подумать, чтобы новый орфографический словарь не был похож на своего предшественника — громоздкий, как кирпич, фолиант, выпущенный в 1957 году.

На фоне наших грандиозных свершений успехи такой скромной науки, как лексикография, неприметны. Но если вглядеться внимательнее, достижения словарного дела огромны: в стране издается четыре миллиона сто тысяч словарей в год! Это — свидетельство подлинной культуры народа, и еще здесь сказались чисто русский размах, бескорыстие и великая дружба ко всем народам.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Под этим названием издательство «Московский рабочий» недавно выпустило книгу известного писателя Ефима Пермитина. В ней две повести и роман о трех поколениях молодежи.

На страницах повести «Друзья» перед читателем — образы подростков времен гражданской войны, в повести «Когти» — деревенские комсомольцы конца двадцатых годов, организаторы первой сельскохозяйственной артели, а в романе «Ручьи весенние» — покорители целины.

Произведения создавались в разные годы, и между ними нет прямой сюжетной связи. Но есть связь более важная — внутренняя. Она — в единстве революционного настроя советской молодежи трех поколений, в сходстве душевных порывов действующих лиц.

Основным произведением Пермитина, над которым он трудился в общей сложности около тридцати лет, является широко известный роман «Горные орлы». Это волнующая, полная драматизма эпопея о жизни русского крестьянства после Октября семнадцатого года. А произведения, составившие том «Три поколения»,— важные вехи в трудной биографии писателя.

С повестью «Когти» Ефим Пермитин тридцать шесть лет назад вошел в большую литературу. Повесть сразу обратила на себя внимание читателей и горячо была поддержана критикой. В числе немногих Горький включил ее в юбилейную серию, издававшуюся к пятнадцатилетию Советской власти. С тех пор она переиздавалась неоднократно и никогда не залеживалась на полках магазинов.

Повесть «Друзья» Пермитина написана двадцать лет назад, а роман «Ручьи весенние» родился в 1955 году на просторах Алтайских степей, куда пожилой уже писатель прибыл с первыми эшелонами комсомольцев в 1954 году.

Удачно собранные в одной книге, эти произведения, пронизанные драматизмом и мягким юмором, дают читателю наглядное представление о революционно-романтических стремлениях советской молодежи трех поколений. Перед нами возникают образы сильных, смелых людей, бесстрашных преобразователей природы и общества.

В романе Пермитина «Ручьи весенние» есть сильная критическая струя. Прославляя героический труд комсомольцев, писатель зло издевается над бюрократами.

Большой мастер слова, Пермитин пишет увлекательно. Стоит открыть его книгу — и не оторвешься до последней страницы. Молодежь найдет в ней образы, которым захочет подражать.

М. ШКЕРИН

Е. Пермитин. Три поколения. «Московский рабочий». 1965.

ЩЕДРЫЙ ЗАПАС

Поэзия — чрезвычайно широкая область литературы. Одни поэты пишут короткие лирические стихи, другие находят себя в эпическом жанре поэмы, третьи владеют тайной создания песни, и им завидуют остальные, потому что удивительное это ощущение — услышать где-то во тьме на улице свою строку, странно обновленную музыкой; наконец, четвертые обладают даром переводить стихи других языков и народов, и стихи эти звучат так, как будто авторы писали их по-русски. На деле это порою совмещается, переплетается, и поэт может быть сразу и лириком, и эпиком, и переводчиком, и песенником. Таков и Яков Хелемский. Он один из лучших наших переводчиков, особенно плодотворно и часто блистательно он переводит стихи белорусских поэтов. Песни на слова Хелемского широко известны в народе: «Когда поет далекий друг», «Это вам, романтики», «Старые пилоты» и другие. И еще Хелемский — автор ряда книг стихов и поэм.

Совсем недавно Воениздат выпустил его новую книгу — «Неприкосновенный запас». Это очень душевная, человечная книга. И даже самые современные, мирные ее стихи как бы озарены ярким тревожащим светом минувшей великой войны.

Нас на рассвете том багряном,
Всецело доверяя нам,
Военкоматы очень рано
Признали годными к боям.

В книге немало очень хороших стихотворений, написанных совсем недавно, и все же мне бы в первую очередь хотелось обратить внимание читателей на «Стихи из полевой сумки» (1941—1945 годы). Стихи Хелемского тех лет печатались большей частью лишь в армейской газете и не получили более широкого распространения, но такие из них, как «Спасибо той земле...», «Тугой удар — начало канонады...», «Снарядами разбитый городок...», можно смело поставить в ряд лучших образцов фронтовой поэзии.

В книгу включена поэма «На тихом фронте». Это действительно дневник военного корреспондента, как в подзаголовке определяет автор, это поэтическая хроника фронта, и читается она с большим интересом. Должен заметить, однако, что главы, написанные белым стихом, производят меньшее впечатление. Вообще же стих Хелемского ясен, емок, рельефен.

Нет, не скупись. Свой каждый
день и час
Не для себя, а для людей
расходуй,—

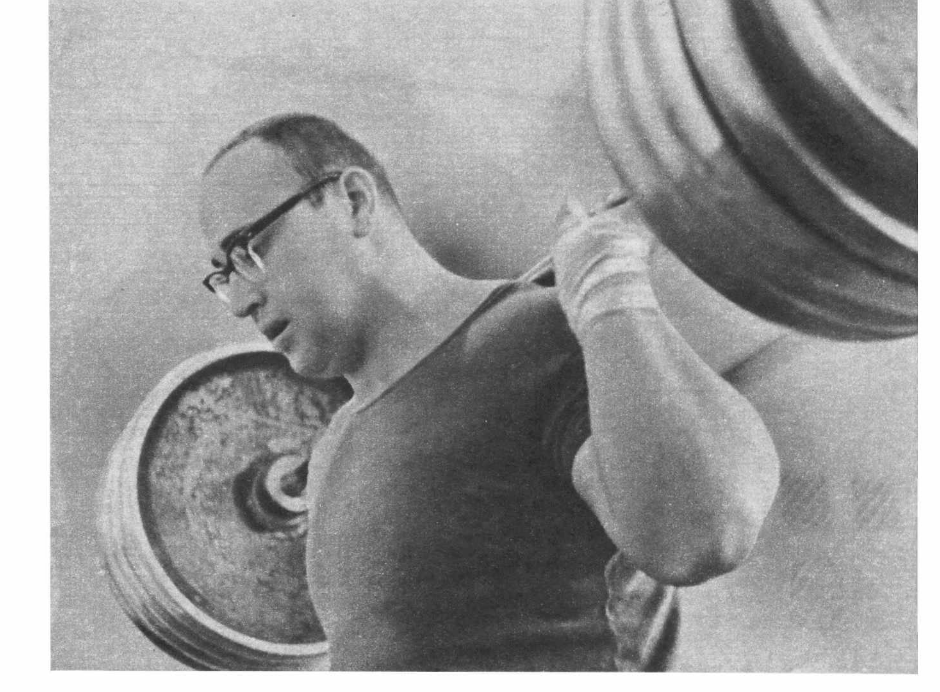
восклицает поэт, и это его жизненная и литературная позиция.

Книга Якова Хелемского «Неприкосновенный запас» — безусловная удача поэта. Эта книга еще раз напоминает нам о грозных испытаниях, молодежь учит дружбе, стойкости и мужеству.

Константин ВАНШЕНКИН

Яков Хелемский. Неприкосновенный запас. Воениздат. Москва. 1965.

С. БОГДАСАРОВ,
заслуженный тренер СССР

Юрий Власов готовится к новому штурму мировых рекордов.

Сильнейшие силачи

Шестнадцать раз выступала сборная команда СССР на послевоенных чемпионатах мира и Олимпийских играх и всего лишь трижды уступала первенство. Сейчас из 28 рекордов мира пятнадцать принадлежат нашим спортсменам. В каждой из семи весовых категорий, образующих команду, немало было в прошлом и имеется теперь замечательных атлетов, но на сей раз хочется сосредоточить внимание на самых сильных, на тех, кто завершает выступление команды,— атлетах тяжелого веса.

Во все времена, с тех пор как существует «железная игра», выступление атлетов тяжелого веса имело особое значение, и американские спортивные боссы, после того, как их команда стала проигрывать нашим спортсменам в других категориях, не раз заявляли, что зато в тяжелом весе штангисты США сильнее всех.

Итак, перед нами сильнейшие силачи. Сегодня, спустя год после олимпийских баталий, еще свежа в памяти любителей спорта борьба в тяжелом весе, разгоревшаяся в Токио. Из зарубежных штангистов никто не мог тягаться с Власовым и Жаботинским. И сейчас, когда спортсмены всех континентов готовятся к чемпионату мира, который начнется в конце октября в Тегеране, вряд ли кто-нибудь из них рассчитывает на то, что ему удастся оказаться выше советских атлетов на пьедестале почета.

В чем же основное отличие штангистов тяжелого веса от своих товарищей по атлетическому оркестру? В том, что у них не существует весового предела. В то время, когда остальные штангисты ограничены строжайшими весовыми рамками, за которые они не имеют права выйти, представители тяжелого веса могут наращивать килограммы, условно говоря, до бесконечности. Все дело заключается в том, чтобы в погоне за мышечной массой не потерять скоростных качеств, не подорвать своего здоровья. К чему приводят «килограммные излишества», показывает судьба американского «подъемного крана из Теннесси», как прозвали журналисты Пауля Андерсона. При росте в 177 сантиметров Андерсон нагнал вес до 174 килограммов, превратившись в неуклюжую гору мяса. «Мой вес съел мое сердце»,— жаловался Андерсон.

До 1913 года в тяжелой атлетике не существовало весовых категорий, и, как правило, побеждали самые тяжелые атлеты. Вот какого результата достиг, например, чемпион России 1897 года Гвидо Мейер: в жиме он поднял 114,6 килограмма, а в толчке — 131 килограмм. Сейчас это результат легчайшего веса. Георг Гаккеншмидт, победитель следующего чемпионата, выжал 117,7 килограмма, вырвал 114 килограммов и толкнул 143 килограмма. Таким образом, в сумме трех движений, которая в то время не подсчитывалась, он набрал 374,7 килограмма — ныне это результат атлетов полулегкого веса.

Сейчас тяжеловес, не поднимающий больше пятисот килограммов, вообще в счет не идет, а ведь этот заветный рубеж долгие годы оставался недостижимой мечтой для сильнейших! Когда в 1928 году на IX Олимпийских играх впервые было разыграно атлетическое троеборье, немец Штрассбергер поднял в сумме трех движений всего 372,5 килограмма. А после того как знаменитый египетский тяжеловес Носсеир улучшил этот результат на 25 килограммов, новый рекорд долго никому не удавалось побить. Но вот в три приема немец Мангер довел мировой рекорд до 420 килограммов, а затем наш соотечественник Серго Амбарцумян увеличивает его еще на 13,5 килограмма.

Самыми сильными среди атлетов тяжелого веса у нас были Яков Куценко и Серго Амбарцумян. Они десятки раз били мировые рекорды, и все же в 1946 году мировой рекорд в троеборье принадлежал тому же немцу Мангеру — 439 килограммов. И сколько еще прошло лет, пока Паулю Андерсону удалось наконец-то первым перевалить за 500!

Произошло это событие в 1955 году в Мюнхене, где Андерсон сразу поднял 512,5 килограмма.

Таким образом, сильнейшим штангистам потребовалось долгих двадцать лет, чтобы подойти к этому результату. В Мельбурн Андерсон приехал, сильно похудев, сбросив больше тридцати килограммов, но это не сделало его сильнее. В троеборье американец смог набрать 500 килограммов и притом в толчке 187,5 килограмма поднял лишь в третьем подходе, нарушив правило: Андерсон двигался по помосту, в то время как должен был остановиться. Если бы не американский судья Терпак, давший команду опустить штангу, Андерсон получил бы «баранку», а олимпийское первенство выиграл бы аргентинец Сельветти.

После Мельбурна Андерсон оставил любительский помост и стал профессионалом, так и не использовав всех своих огромных возможностей. Но установленные им рекорды стояли незыблемо. Американцы располагали сильной плеядой тяжеловесов. Среди них шестикратный чемпион мира Д. Дэвис, Н. Шеманский, Д. Брэдфорд. Во время поездки по США в 1958 году в Чикаго А. Медведев, который первым среди наших атлетов поднял 500 килограммов (в Тегеране в 1957 году), увеличил результат еще на 7,5 килограмма. Но на последнем выступлении нашей команды в Нью-Йорке, после окончания матчевой встречи, на сцену вышел Андерсон и дважды выжал 192,5 килограмма! Вес невиданный в то время.

В 1955 году, начинающим штангистом, Юрий Власов с восторгом наблюдал за выступлением Андерсона в Москве. Десятипудовый Пауль с трудом передвигался (мешали чрезмерно развитые мышцы ног: окружность каждого бедра равнялась почти одному метру; окружность бицепса в напряжении достигала 65 сантиметров, грудной клетки — 130, меньше, чем окружность талии, и это при росте 177 сантиметров!). Классические пропорции были грубо нарушены, но силой Андерсон обладал огромной. Выступая в Москве, он показал в троеборье 517,5 килограмма. Его называли «чудо-человеком», и во взглядах американцев чувствовалось торжество, они как бы спрашивали нас: «Ну что вы можете противопоставить такой мощи?»

Да, положение было не из веселых. Наши лучшие атлеты тяжелого веса А. Медведев и Е. Новиков с Андерсоном тягаться не могли, и американская пропаганда утверждала, что их позиции в тяжелом весе для русских неприступны. Газеты писали, что такой человек, как Андерсон, родится раз в тысячу лет. Зарубежные знатоки тяжелой атлетики изощрялись в прогнозах. Спорили, сколько лет продержатся рекорды Андерсона и вообще возможно ли побить их когда-нибудь. Были и такие, которые утверждали, что после Андерсона в тяжелом весе делать нечего.

Помню, как тренеры на заседании Федерации говорили, что страна наша большая и нам необходимо поискать здоровых людей. Предлагали: давайте привезем их в Москву и будем готовить... А такой человек уже учился в Военно-Воздушной академии имени Жуковского и там начал свои первые шаги в спорте у Евгения Ивановича Шаповалова. Это был девятнадцатилетний Юрий Власов.

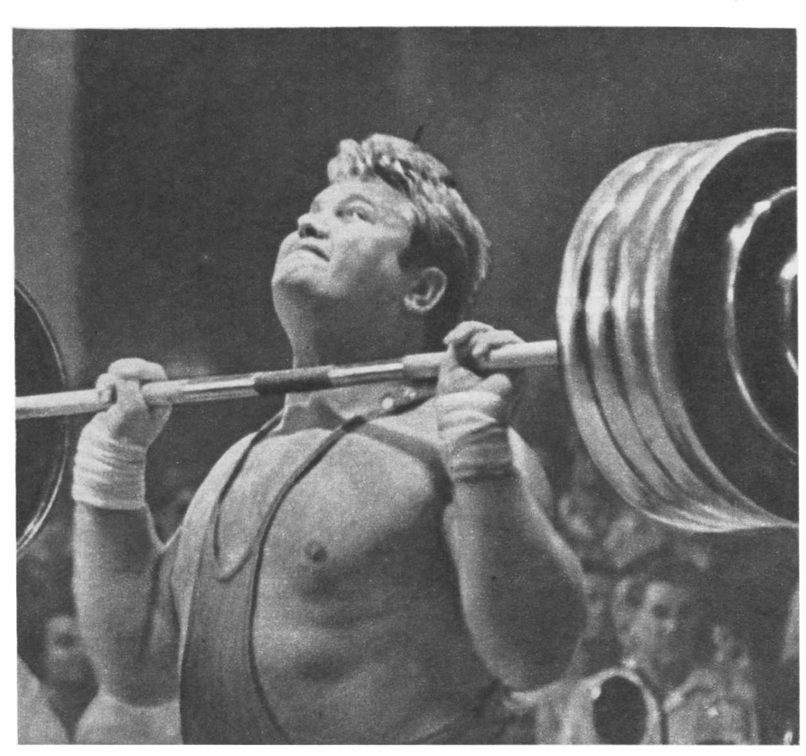
Когда я впервые увидел его в тренировочном зале, то подумал: как этот парень пропорционально сложен, в нем совсем не чувствуется грубой силы. И, несмотря на большой вес, никаких жировых отложений. Настоящий атлет!

Да, Власов уже тогда совсем не походил на традиционного тяжеловеса, приземистого, с большим животом. Эта комплекция делает, как правило, тяжеловесов сильными в жиме и слабыми в рывке —

движении, требующем скоростных качеств. Значит, Власов может оказаться сильным как в жиме, так и в рывке, не то что Андерсон, который больше 150 килограммов никогда не вырывал.

Мы не ошиблись в возможностях Юрия Власова: он первым в истории показал, что тяжеловес может быть одинаково сильным во всех трех движениях, составляющих троеборье. И Власов демонстрировал это не раз, увенчав свои усилия летом прошлого года, перед отъездом в Токио, на соревнованиях в Подольске, где установил четыре мировых рекорда: в жиме (196,5 килограмма), в рывке (170,5 килограмма), в толчке (215,5 килограмма) и в троеборье (580 килограммов).

Юрий Власов по-настоящему серьезно заявил о своих возможностях в 1958 году, когда в Ленинграде установил свой первый мировой рекорд. И заметьте, что это был рекорд в рывке — 151 килограмм... А вскоре Власов победил

Леонид Жаботинский особенно силен в толчке.

Фото А. Бочинина и Л. Бородулина.

американских тяжеловесов и в очной борьбе, завоевав свою первую золотую медаль чемпиона мира в Варшаве, да еще с новым мировым рекордом опять же в рывке — 153 килограмма.

К тому времени мировой рекорд в троеборье — 512,5 килограмма—оставался за Андерсоном (его национальный рекорд был еще больше и равнялся 533 килограммам), но вот вслед за Варшавой последовал Рим, и там, на XVII Олимпийских играх, Власов завоевал первенство с новым мировым рекордом—537,5 килограмма, на 25 килограммов превысив официальный рекорд Андерсона.

Узнав о дерзком Власове, Андерсон прислал на его имя грозную телеграмму: «Готов встретиться в любое время и в любом месте»,— но после 550 килограммов Власова, показанных через год, американец перестал грозить. В апреле 1962 года Власов бьет последний рекорд Андерсона в жиме и становится абсолютным обладателем всех четырех мировых рекордов, а в 1963 году в Стокгольме впервые за все годы в составе нашей команды выступало уже два участника в тяжелом весе: Юрий Власов и Леонид Жаботинский.

Жаботинский свои первые шаги в спорте начал под руководством тренера Михаила Светличного в Харькове в 1953 году. Имея хорошие природные данные, он из года в год повышал свои результаты и в 1963 году установил свой первый мировой рекорд в рывке — 165 килограммов.

Вот для сравнения антропометрические данные этих двух атлетов:

Власов — рост 186 сантиметров, вес — 136 килограммов, окружность грудной клетки—133, талии—106, бицепса (в напряженном состоянии) — 51, бедра — 82,5.

Жаботинский — рост 188 сантиметров, вес — 154 килограмма, окружность грудной клетки—140, талии — 120, бицепса — 50, бедра — 82.

Как известно, Леонид Жаботинский еще в 1962 году должен был выступать в Будапеште, но помешала травма, а в следующем году в Стокгольме он оказался третьим, уступив второе место сильнейшему тяжеловесу США Шеманскому. Жаботинский проиграл тогда Власову, установившему новый мировой рекорд — 557,5 килограмма,— тридцать килограммов.

Стокгольмская неудача не остановила Жаботинского. Уже в марте 1964 года, выступая в Москве, он на полкилограмма бьет рекорды Власова в рывке и толчке и на 2,5 килограмма—в сумме троеборья. Но в июне того же года Власов возвращает себе рекорд в троеборье, подняв 562,5 килограмма, а затем, выступая в Подольске, как я уже писал выше, сделав еще один богатырский шаг к 600 килограммам.

За четыре года потолок мирового рекорда в троеборье был поднят Власовым на 67,5 килограмма! В том, что в Токио Власов будет первым, мало кто сомневался. Он был очень хорошо подготовлен и имел реальную возможность набрать в троеборье 587,5 килограмма. Это-то и заставило нас отступить от обычной тактики: все для победы. Мы решили выиграть с четырьмя новыми рекордами мира. Но, отлично выступив в жиме (197,5 килограмма — мировой рекорд), Власов сорвался в рывке, подняв всего лишь 162,5 килограмма в третьем подходе. Правда, в дополнительном подходе он установил новый мировой рекорд— 172,5, но ведь этот результат в зачет не шел. В толчке штанга весом 217,5 килограмма была поднята им над головой, но зафиксировать веса Власову не удалось: он закончил соревнования с результатом 570 килограммов, проиграв Жаботинскому 2,5 килограмма.

Толкни Жаботинский сразу 217,5 килограмма — и у Власова, шедшего за ним и имевшего право на последний подход, была бы совсем другая психологическая настройка. Но Жаботинский поднял вес чуть выше колен и даже без попытки уйти в подсед бросил штангу на помост. Это и успокоило нас, укрепило веру, что 217,5 килограмма не под силу Жаботинскому. Но последний удачный подход Жаботинского показал, что мы ошиблись.

Так закончилась борьба в тяжелом весе в Токио, и теперь мы с гордостью можем сказать: какого же расцвета достигла тяжелая атлетика в нашей стране, если стал возможен такой поединок на олимпийском помосте!..

А что же дальше? — спросит читатель. Каковы планы Власова? Когда мы снова увидим Жаботинского?

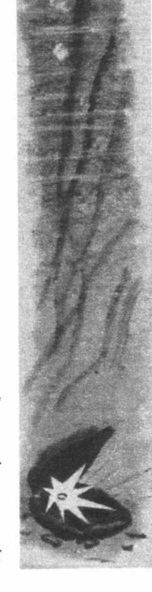
Скоро увидим и услышим! Леонид Жаботинский напряженно готовится к выступлению на чемпионате мира в Тегеране, а Юрий Власов снова вошел в свою боевую форму и мечтает о шестистах килограммах. Да, такова главная задача Власова. И она вполне реальна. Ведь если сложить лучшие его результаты, показанные на разных соревнованиях, то у него образуется внушительная сумма в 585,5 килограмма.

А какие результаты должен показать атлет, чтобы получить 600? Для этого ему надо установить во всех трех движениях новые мировые рекорды. К примеру: жим — 200 килограммов; рывок — 180, толчок — 220. Под силу ли такая задача человеку? Не являются ли подобные результаты утопией? Нет, действительность опровергает любые пределы. В 1954 году организатор и руководитель тяжелоатлетического спорта США Боб Гофман заявил: «Я утверждаю, что предел человеческих возможностей в тяжелом весе—500 килограммов». А сегодня мы на пороге 600! И Власов настроен весьма решительно; ему исполняется тридцать лет — он полон сил и планов. Ну, а Жаботинский на гребне своего успеха и тоже, конечно, готов к дальнейшей борьбе. И самое отрадное заключается в том, что растет новое поколение тяжеловесов. 26-летний Георгий Дьяченко, который будет выступать с Жаботинским в Тегеране, и 25-летний богатырь власовской складки Станислав Батищев уже вошли в число сильнейших силачей.

Советские штангисты тяжелого веса по-прежнему не имеют равных соперников.

Новелла МАТВЕЕВА

Записи

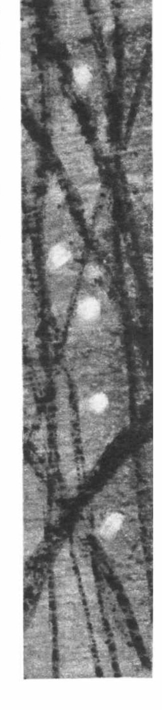
Жемчужина

В коралловом лесу жемчужина
живет,
Похожая на капельку тумана.
Баюкает ее — столетья
напролет —
Жужжанье голубого океана.

Занятно, что ее когда-нибудь
найдет
Ловец жемчужин, цепкий,
как лиана,
Цейлонец или сын чужих широт,
Могучий, точно хвост Левиафана.

Кто скажет, велика ль,
мала ль ее цена
Там, под водой, где цен
не назначают?
В сияние свое, как в сон,
погружена,
Она цены своей не замечает.

Но цену ей дадут.
И сны ее — ценой —
Спугнут. А эти сны —
ценней ее самой.

Водоросли

Ой, водоросли — волосы
Русалочного дна:
Они еще не выросли,
А их сечет волна.
И ветры в лютой ненависти
Водоросли рвут,
И водоросли-недоросли
Больше не растут.
Они снуют и носятся,
А на́ море зима...
Они на сушу просятся,
Как путники в дома.
Волна их скоро вынесет,
Уложит на песок,
И вылечит,
И вынянчит,
И снова унесет.

Молчание листика

Груши между листьями блестели,
Листья между грушами шумели,
И о чем листы шептали грушам—
Даже слушать груши не хотели.

Но подули ветры,
И упала
Вместе с листиком
На землю груша;
Вот упала,
К листику припала,
Стала речи листикины слушать,
Стала жаться к листику щекою:
«Повтори!
Не слышу!
Что такое?
Мне тебя не дал дослушать ветер;
Повтори!»

Но листик не ответил.

МОИ ДРУЗЬЯ ШАШИСТЫ

И. КУПЕРМАН,
международный гроссмейстер

Итак, начался мой матч с чемпионом мира Вячеславом Щеголевым, а пока что меня да, наверно, и Вячеслава болельщики штурмуют одним и тем же вопросом: как выявляется лучший шашист нашей планеты, если в различных странах неодинаковые правила игры?

Национальных шашек множество: русские, английские, немецкие, итальянские, канадские, турецкие и другие. Все они отличаются друг от друга. В Турции ходы делаются не по диагоналям, а по горизонталям и вертикалям, в Англии простая шашка не бьет назад, а в Италии ей не разрешается бить дамку: дамка олицетворяет там «знатную особу» и называется «синьорой», и поэтому для простой шашки она неприкосновенна. Да и доски для игры разные: в русских, английских, итальянских шашках — 64-клеточные, в Голландии, Франции, Бельгии доска разбита на 100 клеток, а в Канаде и того больше — на 144.

Но есть и шашки международные. Они называются 100-клеточными, так как доска в них — квадрат 10×10. У играющих по 20 шашек, которые действуют по русским правилам, за исключением трех отличий. Главное из них — всегда обязательно бить наибольшее число шашек противника. Игра эта появилась во Франции 250 лет тому назад, за это время распространилась по всему миру, и вот уже 70 лет, как шашисты регулярно определяют достойного занять место на шашечном Олимпе. С 1958 года шашечной короной мира владеют спортсмены нашей страны.

Обычно стоит мне заговорить о первенстве мира, как тут же я слышу: «Скажите, а почему не состоялся ваш матч с Баба Си? В 1963 году, когда вы еще... гм... гм...» Тут приходится договаривать мне: «Когда я был еще чемпионом? Да?» А затем я рассказываю об этом уникальном случае борьбы за шашечную корону, когда претендент попросту не явился на матч. Уже были расклеены афиши, появились статьи в печати, наконец, в назначенный день мы отправились встретить Баба Си в аэропорту. Среди прибывших моего соперника не оказалось! Подробности я узнал только через полгода на Олимпийском турнире в Мерано. И кто, думаете, «сорвал» наш матч? Маленький семилетний братишка Баба Си! Каким образом? А вот послушайте.

Баба Си, этот, прямо скажу, гениальный самородок из Африки, претендент на титул чемпиона мира, остроумнейший собеседник, не умеет ни читать, ни писать! Он неграмотен, и в игре самое сложное для него — запись ходов. Он сказал мне, что никогда не учился в школе, но не из-за религии, нет, а просто потому, что в семье его никто не учился, ни его два брата, ни сестры: на это у отца не хватало денег. Но Баба Си решил, что его маленький братишка должен ходить в школу. Тогда возникла проблема платы за обучение. И Баба Си отправился в Голландию — провести серию рекордных сеансов. Один из них (на 150 досках!) он вел непрерывно восемь часов. 112 партий выиграл, 33 свел вничью и только 5 проиграл, несмотря на то, что ему делалось дурно и приходилось перевязывать голову полотенцем, смоченным холодной водой.

— Сначала я всех участников помнил. Потом они стали словно бы на одно лицо. А к концу все лица куда-то пропали, и я видел только шашки, шашки, шашки... После этого болели руки, ноги, голова... Будто в нокауте побывал!

Деньги Баба Си заработал и в школу братишку определил, но у него самого так повысилось давление, что приехать на матч он не смог. Неважно чувствовал он себя и в Мерано, и скорее всего поэтому хотя никому и не проиграл, но сделал чересчур много ничьих.

Меня часто спрашивают и о ситуации, которая сложилась после неявки сенегальца. Никакой особенной «ситуации» не сложилось. Всемирная федерация сохранила за мной звание чемпиона мира, а за Баба Си — право сыграть подобный матч в будущем. А дальше произошло то, что рано или поздно неизбежно случается с каждым чемпионом: я утратил звание. Там же, в Мерано, в Олимпийском турнире. «Как можно утратить звание чемпиона мира в турнире? Почему не в матче?» — недоумевают некоторые. Очевидно, они подходят с «шахматной меркой». Но у нас правила более жесткие. Если шахматиста — чемпиона мира в дальнейшем испытывают лишь «на матч», то шашечных чемпионов — и «на матч» и «на турнир». Справедливо это или нет, но это так. Испытания «на турнир» я не выдержал, и корона перешла в руки Вячеслава Щеголева. Но сейчас подошла его очередь подвергнуться испытанию «на матч», и право провести его дается в первую очередь чемпиону, утратившему звание в турнире, в данном случае мне.

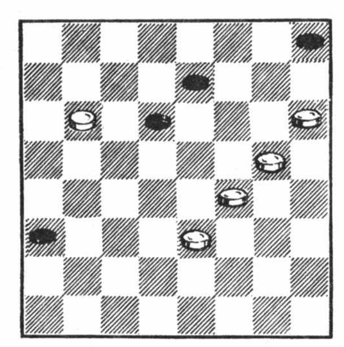
Таким образом, у меня со Щеголевым идет дуэль, в которой мне — чемпиону, приобретшему приставку «экс» в турнире,— предоставляется возможность реабилитироваться во встрече один на один.

Я знаю трудности, которые стоят передо мной. Щеголев — это громадная сила воли, это постоянный строжайший режим, это талант, помноженный на занятия спортом, это целеустремленность и отказ от всего вредного для спортивной формы. А кроме того, у Щеголева огромное преимущество — годы: мне 43, а ему — 24.

Матч наш состоит из двадцати партий. В случае счета 10 : 10 штурм, который я предпринимаю, будет признан безуспешным: звание чемпиона сохранится за Щеголевым. Питаю ли я надежды на победу? Безусловно. Иначе зачем и начинать? Кстати, мы с чемпионом мира уже тридцать раз оказывались друг против друга, разделенные шашечной доской. Я сосчитал, что из этого числа на моем балансе одна лишняя победа, а какое изменение внесет этот матч, буду подсчитывать «по осени» — в конце октября.

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка

В. А. Сысоев (д. Кривое село, Витебская область)

Белые начинают и выигрывают.

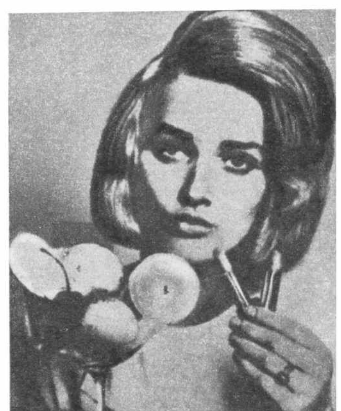
Решение концовки Е. Монтау, напечатанной в № 37 «Огонька»: 1. c3—d4! e5 : c3. 2. e3—f4! g3 : e5 3. c1—b2! c3 : a1 4. d2—c3!! a1 : d4 5. e1—f2! a5 : c3 6. f2—g3 h4 : f2 7. g1 : e7 f8 : d6 8. h6 : d2 e5—d4 9. a3—b4 и выигрывают, так как на 9... d4—c3 следует 10. d2—c1 и 11. c1—a3, а на 9... a7—b6 — 10. d2—c1 b6—a5 — 11. b4—c5 d4 : b6 12. c1—a3 и т. д.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

КУРОРТНИКИ АРКТИКИ

Около двух тысяч моржей ежегодно приплывают на скалистый островок в Беринговом море, чтобы провести здесь короткое арктическое лето. Стада моржей находятся под охраной. Предполагают, что во всем Беринговом море сейчас осталось около сорока тысяч моржей.

ПОМАДА-ШОКОЛАД

Новая ароматная губная помада, которую стали выпускать в Чехословакии, пахнет шоколадом или кофе.

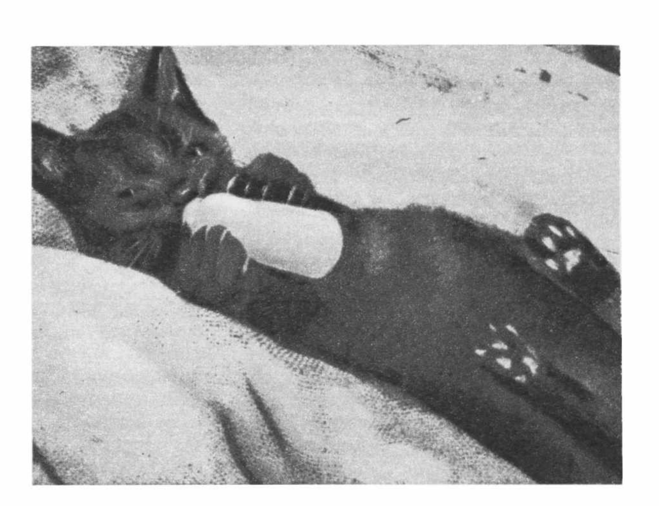
РАВНОПРАВИЕ В СПОРТЕ

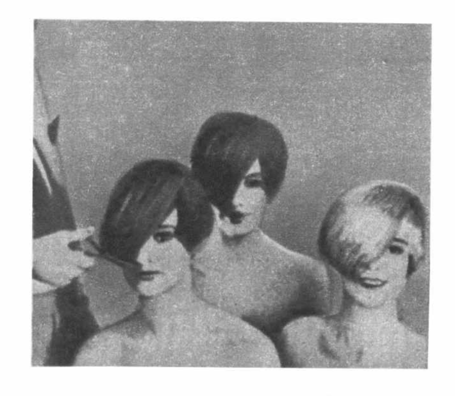
В Австрии состоялось необычное мировое первенство по гребле в бурных водах горной реки. По условиям состязания в каждой лодке гребцами были мужчина и женщина.

На первое место вышли спортсмены из Чехословакии Людмила Сироткова и Габриель Янушек.

А МНЕ НРАВИТСЯ ТАК

Мэг, черная кошечка, живущая в семье швейцарского фермера, любит пить молоко так, как это делают маленькие дети. Лакать из блюдечка Мэг не умеет.

ЖИВАЯ КАРТОШКА

Здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить — и глаза, и уши, и морда, и лапы. Эту удивительную картофелину показали мне в Задонском училище механизации сельского хозяйства.

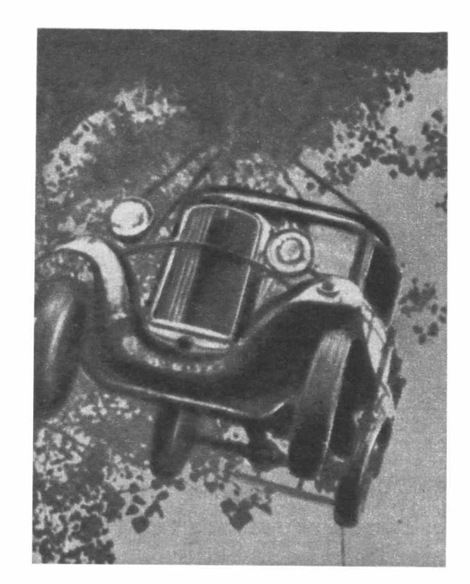
В. ДОБРЯКОВ

Липецк.

НЕ ПУГАЙТЕСЬ: НОВАЯ МОДА

На улицах Лондона появились женщины с новой прической: один глаз полностью закрыт длинными волосами.

ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ

В Голландии с обеих сторон больших шоссейных дорог установлены металлические зеркала для отпугивания диких животных. Ночью свет фар приближающихся автомобилей отражается от зеркал в лес. Животные, увидя сноп света, останавливаются и не перебегают дорогу.

СЪЕЛ ЧЕСНОК — ПЛАТИ ШТРАФ

Губернатор американского штата Индиана недавно издал оригинальное распоряжение. Лица, которые позволяют себе пользоваться общественным транспортом ранее чем через четыре часа после приема пищи, приправленной чесноком, подвергаются или штрафу в размере 10 долларов, или аресту.

БИБЛИОТЕКА НА ВЕРБЛЮДАХ

Ученый визирь, живший в Персии в середине десятого века, был страстным любителем книг. В его библиотеке насчитывалось 117 тысяч томов. Но большую часть жизни визирь провел в походах как полководец. И все же с библиотекой он не расставался. Четыреста верблюдов, нагруженных книгами, шли друг за другом строго по алфавиту. Такой своеобразный живой каталог позволял поводырям-библиотекарям тут же находить нужную книгу, которую требовал визирь.

ЗАГАДКА

Доктор Джампиетро Сала из итальянского города Виченца получил за это фото первую премию одной из газет. Однако Сала отказался сообщить, как старый автомобиль очутился на вершине дерева. На вопросы журналистов он, улыбаясь, отмалчивался.

ПАНЦИРЬ ИЗ ПЧЕЛ

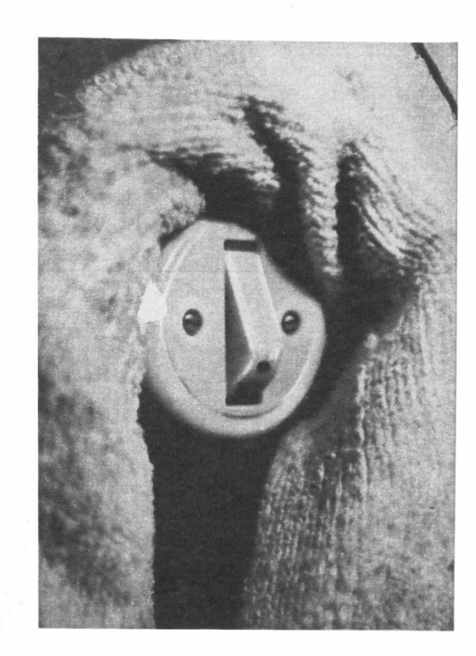
Вот таким образом Франц Жупан из Лошка Вас (Югославия) перенес на новое место жительства рой пчел. Ни одна из пчел не укусила Франца.

КУКЛЫ ПРОТЕСТУЮТ

Муниципалитет Антверпена постановил снести здание старого кукольного театра, очень популярного среди детей и взрослых. Тотчас же в знак протеста против этого решения администрация театра украсила весь фасад здания куклами и таким образом призвала себе на помощь общественность города.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Трудно, конечно, сразу угадать, что это обыкновенный электрический выключатель с накинутым на него полотенцем.

Фото А. Кириченко.

Одесса.

ФАКСИМИЛЕ НА ПЛАТЬЕ

Одна японская фирма торгует венчальными платьями, сделанными из бумаги. По внешнему виду они не отличаются от сшитых из ткани. На таком подвенечном наряде присутствующие на свадьбе гости оставляют свое факсимиле. Платье сохраняется на память о знаменательном дне.

МЕДВЕЖОНОК В ДЕТСКОМ САДУ

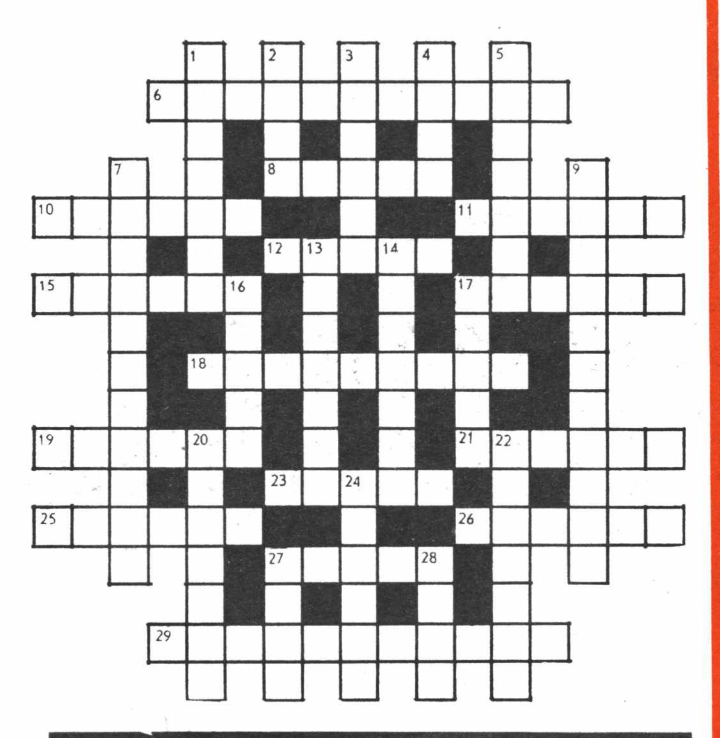
Детский сад для зверей младшего возраста организован в зоологическом саду Будапешта. В нем живут медвежонок, львенок, тигренок и другие животные. Это «детское учреждение» — любимое место ребят венгерской столицы.

РОЖДЕННЫЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Перед вами знаменитый запорожский дуб. Возраст дерева — 600—700 лет, высота — 36 метров, длина окружности ствола свыше 6 метров. Этот дуб растет на острове Хортица в окрестностях Запорожья.

М. ХАЙКИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Русский математик XIX века. 8. Классик персидской и таджикской литературы. 10. Разговор. 11. Цветок. 12. Порт на побережье Красного моря. 15. Тонкая веревка. 17. Листовой древесный материал. 18. Птица отряда куликов. 19. Сплав меди с другими металлами. 21. Пустыня в Африке. 23. Оптическое явление в атмосфере. 25. Сладкое блюдо, фрукты. 26. Наиболее высокая горная вершина Каракорума. 27. Смесь материалов, подлежащих переработке в металлургических печах. 29. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания.

По вертикали:

1. Географическая координата. 2. Планета. 3. Современный немецкий писатель. 4. Звездное скопление в созвездии Рака. 5. Наука о здоровье. 7. Персонаж оперы Д. Пуччини «Тоска». 9. Теплообменный аппарат. 13. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 14. Огородное растение. 16. Дорожка. 17. Декоративное комнатное растение. 20. Совокупность физических упражнений. 22. Название первой печатной книги в России. 24. Пианист, народный артист СССР. 27. Головной убор летчика. 28. Роман М. О. Ауэзова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

7. Семафор. 8. Негатив. 9. Беллетристика. 12. Эбонит. 15. Тарань. 17. Салават. 19. Кашалот. 20. Зверева. 21. Авдотка. 24. Ювенал. 26. Шапито. 27. Консерватория. 29. Моркока. 30. Гладков.

По вертикали:

1. Браслет. 2. Гиацинт. 3. Герб. 4. Розетка. 5. Рессора. 6. Чина. 10. Комбайнер. 11. Маковский. 13. «Иоланта». 14. Балатон. 16. Америка. 17. Стопа. 18. Тавда. 22. Варежка. 23. Кантеле. 25. Ленский. 26. Шеридан. 27. Крон. 28. Явор.

На первой странице обложки: Золото Колымы.

На последней странице обложки: Чукотка первой в стране встречает солнце.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02078. Подписано к печати 6/X 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2656. Тираж 1 850 000. Изд. № 1888.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

К первой годовщине свадьбы я решил сделать жене подарок. Один приятель мне посоветовал: поезжай за Абельмановскую заставу на птичий рынок и купи щенка — весело, оригинально, а главное, из него вырастет друг человека. В воскресенье я туда отправился и сразу окунулся в мир звуков: ворковали голуби, истошно верещали канарейки, крякали утки, гомонили гуси, степенно гавкали бывалые барбосы, скулили разнокалиберные щенки. Молчали только кролики и рыбы — за них шумели продавцы. Я было нацелился на одного щенка, но его уже облюбовала какая-то девушка (фото № 1), и я, как джентльмен, был вынужден подавить в себе желание устроить аукцион. Тут же я присмотрел другого симпатягу, который дремал в корзинке, нисколько не беспокоясь за свое будущее (фото № 2).

Жена была в восторге, но уже на второй день обстановка в доме накалилась:

— Твой симпатяга без зазрения совести увлажняет паркет, а паркет теперь сам знаешь какой: того и гляди вспучится. Сейчас же вези щенка обратно.

— Хорошо тебе говорить «вези» — рынок открыт только по выходным, а кроме того, через три месяца щенок уже воспитается...

— За три месяца пол у нас превратится в пересеченную местность,— ответила жена.— Если тебе так нравится этот пруденец, ставь во дворе палатку и живи с ним там.

Я так и сделал, однако вскоре понял, что до января мне не сдюжить: по ночам мы со щенком жались друг к другу и жалобно скулили от холода, тем более что он частенько учинял наводнения.

Пришлось его продать. Но отступать мне не хотелось, и я решил купить собаку покрупнее. Присмотрел отличный экземпляр, он сидел в корзинке, и морда у него была тоже славная (фото 3). Но он на меня зарычал, и я понял, что нам с ним не ужиться.

Я тут же поделился с кем-то своими горестями, и мне порекомендовали приобрести котенка. Через пять минут нашелся подходящий голубоглазый красавец, и не какой-нибудь беспородный замухрышка, а чистокровный сиамский (фото 4), по слухам, чуть ли не единственный в Москве.

Через несколько дней жена меня встретила слезами:

— Забирай своего импортного друга: он уже начал драть мебель, и скоро от нее ничего не останется. Смотри, какие когти, чистая сталь!

Пришлось расстаться и с ним. Но от идеи иметь в доме живность я не отказался и переключил свое внимание на птиц. Покрутился возле канареек, но купить не решился: подслушал разговор двух тонких знатоков (фото 5) о сложности ухода за ними, а кроме того, увидел, как из клеток во все стороны летит шелуха от семечек — жена этого не стерпит. И от голубей пришлось отказаться: продавец отпугнул меня изысканным лексиконом (фото 6).

С кроликом тоже не повезло: крольчонка, что мне понравился, перехватил какой-то юный именинник (фото 7), а другие мне уже не приглянулись.

В конце концов остановился на рыбках. Один, по-видимому, очень знающий гражданин так увлекательно рассказывал об этих тихих существах (фото 8), что я даже удивился, куда смотрел до сих пор.

Теперь у нас дома несколько аквариумов. А главное, проблема кормления решается просто: строители, сдав наш дом, на радостях забыли засыпать близлежащий водоем — не то маленькое болотце, не то большую лужу. Три года мы кляли их за это, а теперь благодарим: каждый день ловим там сачком циклопов, дафний и личинок комаров. И рыбкам хорошо, и человечеству на пользу.

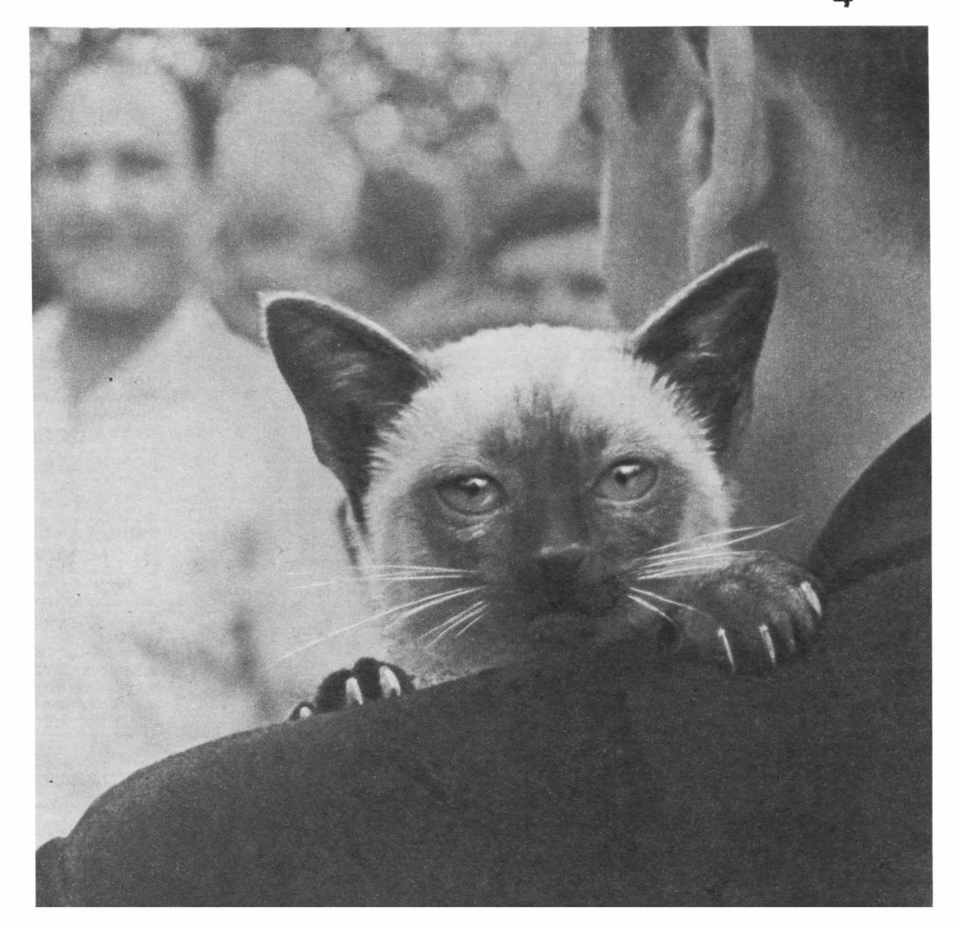
И жена теперь довольна: паркет в порядке, мебель цела, шелуха не летит. А главное, тишина, что тоже немаловажно при существующей звукопроницаемости.

Только тесно стало: жена уже третий шкаф купила под разные ученые книжки из рыбьей жизни и по воскресеньям пропадает на птичьем рынке. А я, заброшенный и одинокий, чищу аквариумы и отсаживаю в бесчисленные баночки бесконечное потомство живородящих. В будни же она гоняет меня на кухню: рыбки, дескать, существа нежные и не переносят табачного дыма.

Ю. КРИВОНОСОВ

ПОДАР с птичьего

4

1

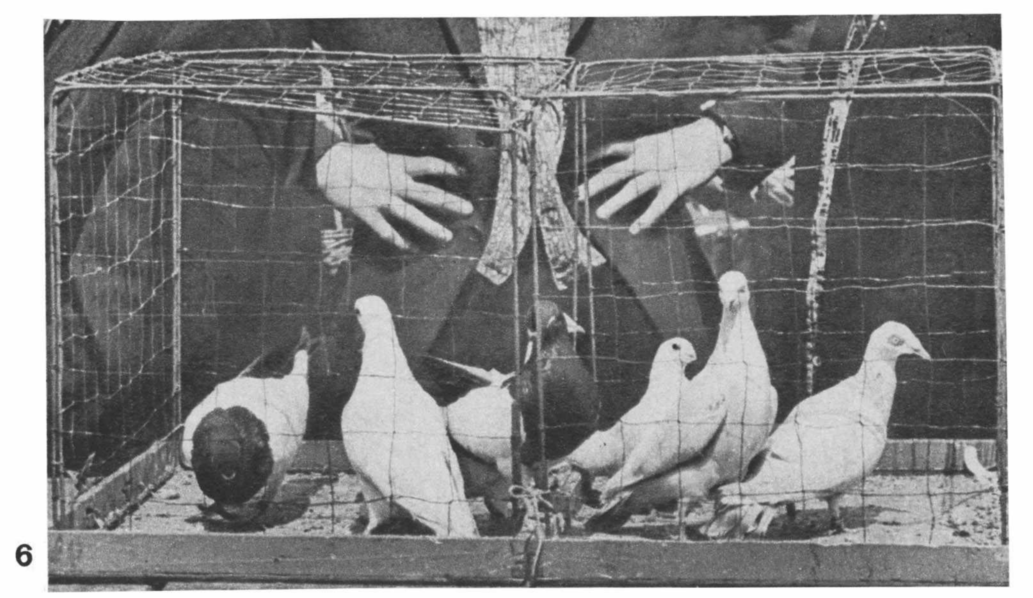
2

3

О К
рынка

6

5

7

8

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663